

ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ: ВЪЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы международной конференции

ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы международной конференции

19 - 21 июня 2014 г.

**Валашский музей под открытым небом
Республика Чехия**

Конференция проведена при финансовой поддержке Европейского союза в рамках программы «Инвестиции в людей»

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Вступительные статьи	3
<i>Игорь Шургин (Россия). Введение. О проекте «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности»</i>	5
<i>Карел Куча (Чехия). Правовая защита деревянного зодчества в населенных пунктах и ландшафте Чешской республики</i>	8
<i>Юрий Веденин (Россия). Место и роль наследия в сохранении и развитии культурного ландшафта</i>	17
Часть 2. Традиционная деревянная архитектура	29
<i>Ольга Севан (Россия). Деревянная архитектура: история и современность</i>	31
<i>Уrsула Форзек-Братаниец, Эвелина Заяц (Польша). Культурный ландшафт Пьянина в динамике – роль деревянной архитектуры в поддержке идентичности места</i>	42
<i>Николай Малинин (Россия). Дерево возвращает к храму</i>	54
<i>Вера Коваржу (Чехия). Памятники деревянного зодчества</i>	68
<i>Игорь Крепелан (Словакия). Логика окружающей среды народного строительства</i>	79
<i>Игорь Шургин (Россия). Архитектурные свойства культурных ландшафтов, подлежащие сохранению на особо охраняемых территориях России</i>	87
<i>Пол Саймонс (Великобритания). Реплики деревянных памятников: «Театр Глоб» и «Якобинский театр» на Бэнксайт в Лондоне</i>	97
Часть 3. Культурный и исторический ландшафт	107
<i>Елена Шатковская (Россия). Культурный ландшафт Кенозерья как комплексный объект управления</i>	109
<i>Валерий Новиков (Россия). Традиционная архитектура в сельском культурном ландшафте национального парка «Угра»</i>	118
<i>Ирина Агафонова (Россия). «Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское». Дух места и градостроительный регламент</i>	127
<i>Алексей Гроза (Россия). Сохранение культурного ландшафта на примере исторического села Владимирского и озера Светлояр. Проблемы и перспективы музееификации культурно-ландшафтного комплекса</i>	139

<i>Михаил Шарафин (Словакия).</i> Обновление деревень в Словакии.	152
Наследие деревянной архитектуры	
<i>Екатерина Вахина (Россия).</i> Сохранение ценностей исторических природных комплексов в настоящее время	160
<i>Радослав Влк (Чехия).</i> Старые и местные сорта плодовых деревьев не только из района Валахии, и их возвращение в культурный ландшафт	169
<i>Яцек Вишневски (Польша).</i> Мазовия на пути деревянной церковной архитектуры	187
<i>Наталья Иванченко (Украина).</i> Актуальные проблемы и перспективы сохранения культурного ландшафта Национального музея народной архитектуры и быта Украины (к вопросу изучения культурных ландшафтов в Украине)	194
Часть 4. Презентация собственного опыта в области деревянной архитектуры и культурно-исторического ландшафта	205
<i>Марина Кулешова (Россия).</i> Музеи-заповедники и национальные парки – рефugiумы традиционной культуры	207
<i>Паал Морк (Норвегия).</i> Коллекция короля Оскара II – первый в мире музей под открытым небом	223
<i>Валентина Терентьева (Россия).</i> Архитектурно-этнографический комплекс «Новая деревня» как современная модель музейной коммуникации и сохранения ландшафта	233
<i>Юрий Бабичин (Украина).</i> Деревянная архитектура в национальном природном парке «Синевир»	239
<i>Арпад Роман (Венгрия).</i> Роль Венгерского музея под открытым небом в охране памятников народной архитектуры	247
<i>Радослав Влк (Чехия).</i> Экспозиция под открытым небом – феномен восприятия культурного наследия в краеведческих музеях под открытым небом	255
<i>Андрей Бодэ (Россия).</i> Опыт проектирования и строительства деревянных жилых домов в исторических деревнях национального парка «Водлозерский»	266
Резолюция конференции	275
Программа конференции	277
Список участников конференции	281

*Все статьи, кроме переводов, публикуются в авторской редакции
В статьях использованы фотографии авторов, если не указано другое*

Часть 1

Вступительные статьи

Введение

Игорь Шургин

Фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества» (Россия)

Настоящий сборник статей составлен по материалам научной конференции, которая успешно прошла в Валашском музее в природе в городе Рожнов под Радгоштем (Чехия) с 18 по 23 июня 2014 года. Конференция является частью международного проекта «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности». выигравшего конкурс Европейской Комиссии по программе «Investing in people». Координатор проекта – фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества» (Москва), партнёры фонда – Национальный парк «Кенозерский» (Архангельская область), Национальный парк «Угра» (Калужская область), Machaon International (Словакия), Музей народной архитектуры и быта «Пирогово» в Киеве (Украина).

Цель международного проекта «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности» – содействовать предотвращению разрушения традиционного архитектурного образа ценных культурных ландшафтов на особо охраняемых территориях: в национальных парках, исторических поселениях, музеях-заповедниках, охранных зонах музеев под открытым небом и отдельных памятников культуры. Деревянное зодчество – уникальный вклад России в мировую культуру, жемчужина культурного ландшафта страны в целом – повсеместно очень быстро разрушается.

Проект направлен на сельские местности. Именно там сохранилась традиционная деревянная архитектура, которая служит одним из основных элементов зрительного образа культурных ландшафтов – земельных пространств, обладающих четкими признаками постоянной деятельности людей, живших в тех местах сотни лет.

В наши дни происходит бесконтрольная интенсивная урбанизация сельской жизни. В северной и центральной России продолжается сокращение традиционной сельскохозяйственной деятельности. На пахотных, но теперь запущенных землях строятся унифицированные или экстравагантно-безвкусные здания, никак не связанные с местными сельскими архитектурными традициями. При перестройке старых жилищ хозяева не заботятся о сохранении их традиционного внешнего вида, занятые только обеспечением себя современными бытовыми удобствами.

В проекте основное внимание обращается на бесконтрольную застройку старых деревень, создающую угрозу разрушения их исторически сложившегося образа, при этом учитывается и облик отдельных строений, и планировочная структура селений в целом. Управлять этим процессом в культурных ландшафтах на особо охраняемых территориях, по замыслу проекта, поможет четкий правовой регламент строительства, который должен войти в новый законодательный документ – Правила землепользования и застройки (ПЗЗ). В поселениях, расположенных в границах особо охраняемых территорий, согласно Правилам землепользования и застройки, строительство должно стать возможным только по регламентированным архитектурным образцам – условие, как для новых поселенцев, так и давно живущих собственников строений. Разработка именно архитектурной части строительного регламента ПЗЗ – конкретная задача проекта «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности».

Здания, построенные или перестроенные по регламентированным ПЗЗ образцам, внешне не будут нарушать традиционный архитектурный вид селения, но внутренне они должны отвечать на жизненные запросы наших дней, в том числе иметь современные бытовые удобства, чтобы быть, по возможности, привлекательными для хозяев, задумавших новое строительство или перестройку.

Обмену предварительной информацией о решении вышеназванных задач между участниками проекта и специалистами из других стран Европы была посвящена конференция «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности». Конференцию организовали: Валашский музей в природе, Чешская ассоциация музеев под открытым небом (Чехия), «Махаон Интернешенел» (Словакия), Фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества» (Россия). С докладами выступили участники из разных стран: Чехии, России, Словакии, Украины, Польши, Венгрии, Великобритании, Норвегии.

По материалам конференции составлен настоящий сборник. Статьи в нем распределены по четырем разделам в соответствии с порядком конференции, которая включала общие заседания и работу в отдельных секциях: 1 – вступительные доклады; 2 – традиционная деревянная архитектура; 3 – культурно-исторический ландшафт; 4 – реальный опыт сохранения деревянной архитектуры и культурных ландшафтов.

Сборник открывают две вводные статьи. Одна из них, представленная К. Кучи (Чехия), знакомит с законодательной защитой деревянной архитектуры в селениях, расположенных в культурных ландшафтах Чешской Республики. Во второй статье вводной части сборника Ю. Веденин (Россия) широко показывает место и роль культурного наследия в ценных ландшафтах.

Тематика других статей сборника различна. Их большинство относится к теме: как архитектура создает и разрушает культурные ландшафты. Это основополагающая статья М. Кулешовой (Россия), а также статьи И. Шургина, В. Новикова, И. Агафоновой (все – Россия), У. Форзек-Братаниец и Э. Заяц (Польша), И. Крпелана (Словакия), М. Шарафина (Словакия). Тема: музеи под открытым небом и национальные парки как научно-методические центры сохранения архитектуры на особо охраняемых территориях – отвечают статьи А. Романа (Венгрия), Е. Шатковской (Россия). С темой: традиции народной архитектуры в современном домостроении – связаны статьи О. Севан, Н. Малинина, А. Бодэ (все – Россия). Тема: сохранение архитектуры в местах ее бытования – отражают статьи Я. Вишневески (Польша), В. Коваржу (Чехия). О состоянии деревянного зодчества в национальных парках идет речь в статьях Е. Вахиной (Россия) и Ю. Бабичина (Украина). Тема: музеи под открытым небом как специфический тип «архитектурного» культурного ландшафта – соответствуют статьи П. Морк (Норвегия), Н. Иванченко (Украина), В. Терентьевой (Россия), Р. Влк (Чехия). Методы сохранения и реставрации памятников деревянного зодчества и других элементов культурных ландшафтов – тема статей А. Грозы (Россия), Р. Влк (Чехия), П. Симонс (Великобритания).

Сборник заключает итоговая резолюция конференции «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности».

Статьи сборника дают возможность познакомиться с правовыми механизмами и формами защиты культурных ландшафтов в Центральной Европе. Для России особенно важны сведения о механизмах сотрудничества между администрацией национальных парков, музеев-заповедников, с одной стороны, и населением, застройщиками, местными властями, с другой, в деле поддержания и сохранения традиционной архитектурной среды на особо охраняемых территориях.

Правовая защита деревянного зодчества в населенных пунктах и ландшафте Чешской республики

Карел Куча

Общество исследований деревянных храмов и колоколен (Чехия)

В статье рассматривается ситуация правовой защиты охраны деревянной архитектуры в населенных пунктах и ландшафте Чешской Республики. Органы охраны наследия могут охранять одиночные постройки и их ансамбли как памятники культуры или национальные памятники культуры. Села которые сохранились в целом, охраняются как заповедники или зоны охраны наследия. Такие зоны могут охранять тоже исторический культурный ландшафт на широкой территории. Охрана ландшафта однако принадлежит прежде всего до гесции органов охраны природы и ландшафта. С этим целом основаны национальные парки а именно области охраняемого ландшафта и природные парки. В статьи представлены результаты этой деятельности и тоже конкретные примеры хорошо сохранившихся деревень и областей деревянного зодчества.

Деревянная архитектура характерна для деревень и частично городов в северных районах Чешской Республики и частично также в горах Шумавы на юго-западе Чехии. Здесь встречается срубная конструкция, но в пограничной Северо-Западной Чехии (между городами Хеб и Фридлант) есть также фахверковые постройки. Для других областей Чешской Республики характерна кирпичная или каменная архитектура, в моравских низменностях – также постройки из глины. Кирпичное строительство распространялось в 19 веке также и в северных районах (Кучка, 2013).

Охрана культурного наследия Чешской Республики (в том числе деревянного зодчества) регулируется Законом наследия №: 20/1987, с поправками¹, который начиная с 1 января 1988 заменил первый закон №: 22/1958 , о памятниках культуры. Защита культурного наследия относится к компетенции министерства культуры.

Отдельные здания и их ансамбли охраняются по закону в качестве памятников культуры или национальных памятников культуры. Большие территории, обладающие исторической ценностью, могут получить статус заповедника или охраняемой зоны. На практике они делятся на городские и сельские, в случае зон также ландшафтные.

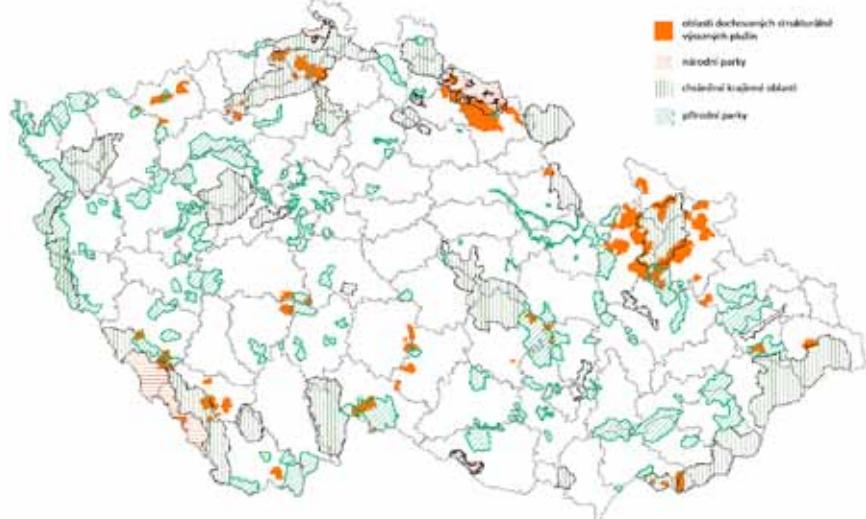
Можно сказать, что памятниками культуры (национальными памятниками культуры) в Чешской Республике было провозглашено относительно

1 <http://www.npu.cz/zakon-o-statni-pamatkove-peci/>

небольшое количество ценных деревянных зданий. Тысячи других не защищены, и сохранять их удается только усилиями их владельцев. Даже охраняемые деревянные архитектурные памятники не всегда удается сберечь в автентическом состоянии. Тем не менее, получение статуса памятника культуры рассматривается как один из наиболее важных факторов для сохранения деревянного зодчества. Незаменимую роль сыграло в 60–80-ых годах XX века также использование деревянных сельских построек как дач для отдыха, которое в это время достигло беспрецедентного масштаба. Этому мы обязаны сохранением тысяч ценных зданий-памятников архитектуры и целых деревень. Можно отметить, что растет третье поколение людей, которые привыкли в свое свободное время восстанавливать сельские здания для регулярного проживания и сознательно оставлять в них автентичные интерьеры, мебель, оборудование.

В городах, как правило, сохранились только отдельные деревянные постройки (дома) или их небольшие группы. Лишь в редких случаях сохранились целые улицы или большие части поселений: в Чехии прежде всего Ломнице над Попелку (район Семилы), Йилемнице (Семилы), Глинско (Хрудим), Румбурк (Дечин), Соботка (Йичин) и Железнэ Брод (Яблонец над Нисоу), в Моравии Штрамберк (Новы Йичин). Они имеют статус заповедников или охраняемых зон.

Карта Чешской Республики с зарисованными национальными парками, областями охраняемого ландшафта, природными парками и территориями сохранившегося подразделения цельских полей (Карел Куча, 2014)

Железны Брод (фото Карела Кучи, 2010)

Илемнице (фото Карела Кучи, 2010)

Сёл с деревянной застройкой, которая охраняется – значительно больше. В Чехии это прежде всего заповедники Добржень (Мелник), Яновице (Ческа Липа), Йизерка (Яблонец над Нисоу), Лгота (Ческа Липа), Мужскы (Млада Болеслав), Носалов (Мелник), Нове Осиналице (Мелник), Олешно (Мелник), Ране (Ческа Липа), Стары Тын (Литомержице), Весец у Соботки (Йичин), Виска (Млада Болеслав), Зубрницае (Усти над Лабем), Ждъар (Ческа Липа) и фахверковые деревни Доубрава (Хеб) и Новы Драгов (Хеб). Далее, это охраняемые зоны Броцно (Литомержице), Бржезинка (Млада Болеслав), Буковец (Ческа Липа), Длоугы Дул (Дечин), Долни Мала Упа-Шимовы Халупы (Трутнов), Долни Незлы (Литомержице), Халупы (Прахатице), Хотиневес (Литомержице), Карлов (Йичин), Круг (Ческа Липа),

Соботка (фото Карела Кучи, 2005).

Штрамберк (фото Карела Кучи, 2004)

Крыштофово Удоли (Либерец), Мерболтице (Дечин), Нове Смрковице (Йичин), Пец под Снежкоу-Модры Дул (Трутнов), Радейов (Пльзень-север), Рашовице (Литомержице), Ситне (Мелник), Скалка (Наход), Слоуп в Чехах (Ческа Липа), Срдов (Литомержице), Стржегом (Млада Болеслав), Студенъяны (Йичин), Телеци (Свитавы), Тубож (Ческа Липа), Веленице (Ческа Липа), Велка Упа-Велке Типпелтовы Боуды (Трутнов), Видим (Мелник), Ветин (Ческа Липа) и фахверковые деревни Долни Лажаны (Хеб), Каменица Странъ (Дечин), Салайна (Хеб) и Высока Липа (Дечин). В Моравии следует упомянуть заповедник Кратка (Ждъар над Сазавоу) и зоны Гайдовы Пасекы (Всетин) и Кыхова (Всетин), в Силезии зоны Карлова Студанка (Брунтал, деревянный курорт в стиле классицизма), Рейвиз (Есеник) и Удоли (Есеник) (Киса, 2014, <http://monumnet.npu.cz/chruzemi/hledani.php>).

В охраняемую территорию обычно включается вся застройка деревни, в т.ч. сады. Для небольших деревень, которые не были в наше время окружены новой не-деревянной застройкой, сады играют важную роль в характере культурного ландшафта в целом.

Кроме того, существуют десятки других ценных деревень, которые не подлежат охране. К сожалению, их число в последнее время быстро сокращается в результате неадекватных строительных изменений. Это подтверждает важность и эффективность охраны деревень путем предоставления им статуса заповедника или охраняемой зоны. Таким образом удается сберечь их историческую ценность, хотя часто это связано со сложными переговорами с владельцами исторических зданий, у которых могут быть свои идеи насчет их использования.

Кроме того, в Чешской республике есть 23 охраняемых ландшафтных зон. В некоторых случаях они представляют собой большие территории. Объектом охраны могут быть поля исторических сражений, остатки исто-

рических шахт и горных выработок и так далее. Чаще всего это комбинация ландшафта с архитектурно или исторически значимым дворцом или храмом. Ни одна из существующих ландшафтных охраняемых зон не была предназначена для сохранения традиционной деревянной архитектуры в ландшафте сельской местности, хотя такие регионы в Чешской Республике есть, и защиты они заслуживают. Большое количество деревянных деревенских зданий представлено одна лишь зона Заградецко в северной Чехии.

Особой формой защиты деревянного зодчества в ландшафте может быть музей под открытым небом. В Чешской Республике их довольно мало, и они, как правило, очень небольшие. Окружающий ландшафт входит в состав музея Зубрнице в северной Чехии, который представляет собой историческую деревню. Однако постройки сюда были перенесены из разных мест в округе. Только Валашский музей в городе Рожнов под Радгоштем (Всетин) можно рассматривать как заслуживающий доверия деревянный ансамбль в "родном" ландшафте. Это не относится к той части города, называемой Деревянный городок, которая является просто группировкой отдельных, оригинальных городских деревянных зданий в парке и не представляет собой историческую городскую застройку. В полной мере это относится только к так называемой Валашской деревне, где на огромной территории представлена рассеянная застройка, характерная для горной Моравской Валахии. Это тем более ценно, потому что в современной Валахии

Мерболтице (фото Карела Кучи, 2006)

Срдов (фото Карела Кучи, 2006)

деревянных конструкций *in situ*, не говоря уже о участках застройки деревень, сохранилось очень мало.

За исключением охраняемых ландшафтных зон, организации по охране памятников в Чешской республике не имеют ни амбиций, ни инструментов для защиты более крупных ландшафтных территорий. В какой-то мере это обеспечивают природоохранные организации Министерства охраны окружающей среды посредством Закона № 114/1992, “Защита природы и ландшафта”. Согласно этому Закону существуют охраняемые территории разных типов. С точки зрения охраны деревянного зодчества в ландшафте самыми важными являются национальные парки (NP, их есть 4, общей площадью 119 489 гектаров, в которой, однако, доминируют незастроенные территории)² и области охраняемого ландшафта (CHKO, их 25, площадь 1041612 гектаров)³.

Именно области охраняемого ландшафта в значительной степени совпадают с районами хорошо сохранившейся деревянной деревенской застройки. В Чехии это можно сказать о областях Ческэ стржедогоржи, Ческы рай, Йизерске горы, Кокоржинско – Махув край, Лабске писковце, Лужице горы, Орлицке горы и Ждъарске врхы, в Моравии и Силезии о Бескидах и Есениках. Традиционная деревянная архитектура характерна в большей степени только для одного национального парка – Крконоше. На всех этих

2 http://cs.wikipedia.org/wiki/N%C3%A1rodn%C3%AD_parky_v_%C4%8Cesku

3 http://cs.wikipedia.org/wiki/Chr%C3%A1n%C4%9Bn%C3%A1_krajinn%C3%A1_oblast

территориях также сосредоточено значительное количество сельских за- поведников и охраняемых зон.

Организации по охране природы и ландшафта не смогут непосредственно обеспечить поддержание традиционной деревянной архитектуры с точки зрения ее автентичности, но стремятся защитить характер ландшафта и запретить либо регулировать новую застройку и ее объемы, обеспечить применение традиционных кровель и строительных материалов. Для охраняемых деревень таким путем обеспечивают защиту их ландшафтного контекста и масштабов возникающих структур. Положительные результаты этого эффекта можно оценивать, например, в ландшафтных областях Ждъарске врхы и Йизерске горы. Напротив, в Бескидах не удалось предотвратить дальнейшее разрушение традиционной деревянной архитектуры. В последнее время здесь опять возрождается строительство домов из дерева, но эти новые здания, как правило, не имеют много общего с местной традицией деревянного зодчества. Таким образом, это подчеркивает необходимость более точного определения правил для нового строительства, что непросто при существующих законах.

Специально для охраны ландшафта была введена новая категория ох- раняемых территорий – природные парки, которые сегодня охватывают значительную часть площади Чешской республики .

В вопросе охраны традиционного деревянного зодчества и окружаю- щего ландшафта нельзя оставить без внимания нормы пространственного планирования и строительства, прописанные в Законе о строительстве № 183/2006. Этот закон прямо говорит, что «Пространственное планирова- ние в интересах общества защищает и развивает природные, культурные и цивилизационные ценности территорий, в том числе урбанистическое, архитектурное и археологическое наследие. Вместе с тем защищает ланд- шафт как среду обитания местных жителей и основу их самоопределения». Очень эффективной формой защиты исторических ценностей можно счи- тать аналитические материалы, создание которых предписывает Закон о строительстве. Они могут включать, к примеру, списки всех архитектурно или исторически ценных зданий на данной территории, особенно тех, ко- торые не имеют статуса памятников культуры. Кроме того, на исследуемой территории можно определить характеристики так называемого «региона народной архитектуры», на которые в дальнейшем бы мог опираться стро- ительный надзор. Уровень подготовки и детали этих документов все еще развиваются, но они уже являются важным инструментом, чья роль в буду- щем будет продолжать расти.

В заключение можно сказать, что несмотря на серьезные изменения во второй половине 20-го века и в последнее время, на территории Чеш- ской республики и сегодня сохраняется значительное количество сел с до-

минирующей деревянной застройкой. В некоторых предгорных и горных районах эти села образуют обширные области, где сохраняется традиционный характер исторического ландшафта. Эта ситуация в значительной степени является результатом государственной политики в отношении охраны памятников, природы и ландшафтов. Большой вклад делают и владельцы домов, особенно тех, которые используются в рекреационных целях. Количество деревянных зданий и полностью сохранившихся деревень на относительно высокоурбанизированной территории Чешской Республики для неподготовленных туристов может стать приятным сюрпризом и малоизвестным ценным сегментом культурного наследия. Для дальнейшего его сохранения важно не только продолжение текущих тенденций с обеспечением правовой защиты ценных зданий, но и информирование широкой общественности, так как воля владельцев и управляющих недвижимостью в этом процессе незаменима. Кроме того, популяризация этих ценностей на международном уровне может способствовать заинтересованности общества в том, чтобы на их ремонт, реставрацию и презентацию выделялось достойное финансирование.

Валашская деревня в Валашском музее в Рожнове под Радгоштем (фото Веры Кучовой, 2009)

ЛИТЕРАТУРА

- Куча, Карел. 2013. Деревянная культовая архитектура на территории Чешской республики XV–XX веков //Деревянное зодчество, Выпуск III, Москва – Санкт-Петербург, Издательский дом «Коло», с. 29–62.
- Kuca, Karel. 2014. Extensive Heritage Protection of Urban Units in the Czech Republic. Material for European Heritage Heads Forum, Louvain/Leuven, May 21–23, 2014.

Валашская деревня в Валашском музее в Рожнове под Радгоштем (фото Веры Кучовой, 2009)

Место и роль наследия в сохранении и развитии культурного ландшафта

Юрий Веденин

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, РОССИЯ.

Наследие и культурный ландшафт находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Гармонично развивающийся культурный ландшафт всегда сохраняет память о своей истории. Это может быть выражено в материальных свидетельствах прошлого, в топонимике и фольклоре, в литературных и исторических источниках. Наиболее заметно это проявляется в архитектурных и мемориальных объектах наследия, в памятниках этнографии. Это исторические здания, церкви, часовни, традиционные сельские строения. История отражается в системе расселения, в организации и характере сельскохозяйственных угодий. Нередко само население выступает в роли хранителя традиционных ценностей, обрядов и обычаяев. в народных танцах и песнях, в народных праздниках, в традиционной кухне и т.д.

Одновременно каждая эпоха оставляет свой след в культурном ландшафте. В районах с интенсивно развитой промышленностью, инновационными видами деятельности роль наследия нередко отходит на задний план. Однако в настоящее время, когда значимость наследия заметно возросла, сохранившиеся до наших дней объекты культурного и природного наследия тщательно сохраняются. Но не они определяют образ ландшафта. Скорее всего, они выступают в роли изящной приправы к современным облику урбанизированного или промышленного ландшафта.

В связи с этим, особую ценность приобретают районы и поселения, где наследие сохраняет свою доминирующую роль. В этом случае сами культурные ландшафты выступают в роли объектов наследия. Для того, чтобы сохранить такие ландшафты, на их основе организуются музеи-заповедники и национальные парки. Они становятся центрами туризма, научно-исследовательскими полигонами. Во многих из них сохраняются традиционные производства сельского хозяйства, художественных промыслов.

Отношение к наследию становится важным фактором дальнейшего развития страны, регионов. Оно позволяет сохранить историческую память, определяет возможность устойчивого развития и разнообразия мирового и национального культурно-ландшафтного пространства.

Наследие оказывает влияние на развитие мирового и национального культурно-ландшафтного пространства. Это влияние проявляется на следующих уровнях.

На генетическом уровне, когда наследие выступает как носитель исторической памяти, определяющей сохранение самобытности наци-

нальных или региональных культур, в роли своеобразного кода, с помощью которого историческая память включается в современные процессы жизнедеятельности общества. Это положение справедливо для всех объектов наследия как культурного, так и природного. Изучая наследие, мы можем использовать знания о наследии в современной системе образования, рассказать об естественной и социальной истории формирования отдельных регионов, городов, сельской местности, природных территорий, учесть роль исторического фактора в современной системе управления социальными, экономическими и культурными процессами, при разработке программ дальнейшего развития общества и оздоровления окружающей среды.

На экологическом уровне, когда наследие выступает как фактор устойчивого развития общества и биосферы. Игнорирование требований, вытекающих из необходимости сохранения окружающей среды во всём её многообразии, ведёт к возникновению катастрофических ситуаций, угрожающих самому существованию Земли как живой планеты. Культурное наследие играет особую роль в формировании системы «общества – окружающая среда», являясь некой константой, определяющей стабильность этой системы и, вместе с тем, не препятствующей её дальнейшему развитию.

Церковь Зосимы и Савватия в селе Троицком, природный парк «Воскресенское Поветлужье» (Нижегородская обл.)

Часовня Михаила Архангела на Савкиной горке, Пушкинский музей-заповедник
(Псковская обл.)

На территориальном уровне, когда сохранение наследия предопределяет возможность сохранения и преумножения культурного и природного разнообразия мира, страны, отдельных регионов, этносов, групп населения. Это может быть достигнуто только при условии сохранения и постоянного обновления всех пластов исторического культурного и природного слоя Земли, включающих как материальную, так и нематериальную культуру. Очень важно, чтобы при этом сохранялись образцы исто-

Восстановленная мельница в д.Бугрово, Пушкинский музей-заповедник
(Псковская обл.).

*Восстановленная усадьба «Петровское», Пушкинский музей-заповедник
(Псковская обл.)*

рических культурных ландшафтов, представляющих различные этапы развития общества, а также территории, сформировавшиеся в течение длительного исторического периода и хранящими в себе память обо всём многообразии характерного для этого места объектов культурного и природного наследия (Веденин, 2012).

В основе всех этих подходов лежит представление о наследии как фундаментальной категории, определяющей возможность формирования устойчивого и, вместе с тем, разнообразного культурно-ландшафтного пространства (Культурный ландшафт как объект наследия..., 2004)

Одной из важнейших функций государства в сфере культурной политики является формирование целостного культурно-ландшафтного пространства страны и одновременно сохранение самобытности каждого проживающего в ней народа, отдельных регионов и поселений. Важную роль в решении этой задачи играет построение эффективной территориальной системы охраны культурного наследия, которая должна выполнять функции опорного каркаса культурно-ландшафтного пространства. В природоохранной сфере уже давно введено понятие «экологический» каркас (Кулешикова, 2000). Сохранение основных структурных элементов экологического каркаса – центров и коридоров, позволяет обеспечить чистоту лесов, рек, воздушного бассейна, растительного и животного мира. Формирование опорного каркаса культурно-ландшафтного пространства является необходимым условием обеспечения устойчивого социально-экономического и социокультурного развития мира, отдельных стран и регионов.

В наших исследованиях мы рассматриваем опорный каркас культурно-ландшафтного пространства как территориальную систему иерархически организованных центров инновационной культуры и историко-культурных

центров или очагов традиционной культуры, объединенных между собой в единое целое через исторически и функционально обусловленные связи (Культурный ландшафт как объект наследия, 2004).

В качестве таких центров выступают территориальные культурно-ландшафтные комплексы, которые могут быть рассмотрены как локальные культурные ландшафты.

Мы предлагаем выделить два основных типа культурных ландшафтов – инновационные и историко-культурные или традиционные ландшафты. С позиций сохранения наследия в системе историко-культурных и традиционных ландшафтов предлагается выделить в качестве отдельной категории особо охраняемые ландшафты как наиболее строгие по режиму сохранения и использования.

Для инновационного ландшафта характерно доминирование процессов развития, в основу которых должны быть положены с одной стороны самые современные принципы организации культурно-ландшафтного и архитектурно-художественного пространства, а с другой, обеспечивающие создание комфортных условий жизни и надёжной социально-экономической системы. Наследие в данном случае рассматривается как система маркёров, рассказывающих об истории ландшафта, о его специфическом пути развития. Среди таких маркёров важную роль играют деревянные постройки. В России – это деревянные ампирные и классические дома первой половины 19 века, избы, характерные для деревень, вошедших в границы городских поселений. В настоящее время в пригородах современных столичных и промышленных городов преобладают

Деревянная рядовая застройка в исторической части поселения Тейково
(Ивановская обл.)

многоэтажные строения или котеджные посёлки. В большинстве этих городов полностью утрачены даже следы старинных сёл и деревень, по имени которых названы сегодня станции метро, остановки автобусов и троллейбусов, современные улицы. Это можно видеть на примере московских районов, застроенных в 60-70 годах прошлого века (Коньково, Беляева, Тёплого стана и т.п.), где полностью уничтожены элементы природного и традиционного культурного ландшафта – разнообразные формы рельефа, малые реки и ручьи, пруды, сады и т.д. Между тем, сохранение элементов традиционного природного ландшафта (рельеф, элементы природных и антропогенных водоёмов и водотоков, традиционные сады, небольшие усадьбы и т.д.), материальных объектов, напоминающих о том, что ещё недавно здесь располагались деревни с характерными для них деревянными избами, старинные усадьбы, позволило бы придать этим пригородным районам совсем особые черты, отличающие их других аналогичных районов Подмосковья.

В связи с этим особую ценность приобретают остатки старинных усадеб, церковных сооружений, которые ещё можно увидеть на этих территориях. В последние десятилетия московские власти и общественность обратили внимание на эти объекты и предпринимают усилия для их восстановления.

Если же ничего не сохранилось, то следует поднять вопрос о воссоздании деревянных строений как исторических реплик, напоминающих об исчезнувших деревнях, старинных домах. Современные дачные и котеджные посёлки, наряду с использованием современных архитектурных

Деревянная рядовая застройка в исторической части поселения Тейково
(Ивановская обл.)

форм, могли бы включать и традиционные архитектурные формы, повторяющие стиль или детали деревянных домов, которые были когда-то на этом месте.

Сохранение и развитие традиционного ландшафта. Установление гармоничного баланса между сохранением и развитием, – главная цель существования традиционных ландшафтов. Характерной чертой такого ландшафта является стремление населения – местного и приезжих (дачников) сохранить уникальные черты местного ландшафта, в том числе и традиционные деревянные строения, сделать его привлекательным для местного населения. При этом, здесь не прекращается новое строительство. В городах и сельской местности, где преобладают деревянные дома, возводятся новые сооружения. Большая часть этих сооружений строится из кирпича или бетона. Конечно, хотелось бы, чтобы при их строительстве учитывались местные традиции, использовали те же материалы, из которого были построены старые дома. А это, прежде всего, дерево. Но при этом не исключается возможность возведения новых современных домов, отвечающих современным архитектурным вкусам и направлениям. Но все они должны быть очень тактично вписаны в традиционную архитектурную среду.

Наряду с историческими и традиционными видами хозяйственной деятельности, которые ещё сохранились в некоторых малых городах и сёлах

Деревянная рядовая застройка в исторической части поселения Тейково
(Ивановская обл.)

(разнообразные ремёсла, садоводство, животноводство и т.д.), в них могли бы развиваться и современные формы производства. Это могут быть предприятия, ориентированные на инновационные виды деятельности, но вместе с тем, не требующие строительства мощных и больших цехов, что привело бы к разрушению традиционной среды. Особый интерес вызывает развитие интеллектуально ёмких видов деятельности. Сегодня, при развитии интернета, всё это возможно реализовать вне зависимости от положения поселений по отношению к столичным и областным центрам.

В сельской местности большой внимание должно быть уделено развитию сельского туризма. Такие места всегда были привлекательны для художников и литераторов, нередко проводивших там большую часть своей творческой жизни. Нередко целые поэтические или художественные школы были связаны с вполне конкретными регионами. Это и Озёрный край в Англии, и Барбizonский лес во Франции.

Другой пример свидетельствует об особой роли научного сообщества в сохранении и использовании традиционных ландшафтов. Небольшая деревня Медведево Мантуровского района Костромской области стала местом, где регулярно проводятся научные симпозиумы, осуществляется комплекс научных исследований, связанных с изучением сельского населения и окружающего их ландшафта. Здесь сохраняются старые дома, в

Деревянная рядовая застройка в исторической части поселения Тейково
(Ивановская обл.)

которых живут не только коренные местные жители, но и дачники. В настоящее время обсуждается вопрос о придании этому месту статуса достопримечательного места.

Главной задачей, которую приходится решать архитекторам и менеджерам, занимающихся управлением традиционными ландшафтами – это сохранение пространственной структуры, границ открытых пространств, силуэтов поселений, преодоление развития процессов депопуляции, что в свою очередь зависит от возможностей сохранения уже имеющихся и создания новых рабочих мест.

Категория особо охраняемого ландшафта относится к территориям музеев-заповедников и национальных парков. Для таких ландшафтов характерно введение и, что самое главное, строгое выполнение режимов использования земель и градостроительных регламентов, препятствующих развитию деструктивных процессов, связанных с внедрением новых промышленных предприятий, сельскохозяйственных технологий, чужеродных архитектурных форм, и т.д. Эти защитные меры сопровождаются музееификацией ландшафта, организацией туристско-экскурсионной деятельности. Вместе с тем, в процессе развития музеев-заповедников и национальных парков приходится постоянно решать задачи, направленные на гармонизацию отношений проживающих там людей, желающих жить в условиях современного комфорта, с администрацией музеев-заповедников и национальных парков, основная цель деятельности которой заключается в сохранении объектов культурного и природного наследия, традиционной нематериальной культуры, в создании специальной инфраструктуры, ориентированной на обслуживание туристов. Для достижения этих целей необходимо не только сохранение объектов материального природного и

Деревянная рядовая застройка в исторической части поселения Тейково
(Ивановская обл.)

культурного наследия, но и местного населения как носителя нематериального культурного наследия и субъекта традиционной хозяйственной деятельности, поддержка традиционной или квазитрадиционной системы природопользования, социокультурных функций. Без реализации этой деятельности невозможно сохранение культурного ландшафта как объекта культурного наследия.

Особое значение имеет реставрация культурного ландшафта как объекта наследия, включающая воссоздание утраченных элементов ландшафта и рассмотрение их как части музейной экспозиции. В настоящее время чрезвычайную популярность начинает приобретать такой вид художественной деятельности как лендарт. Попытка современных художников внедрить своё искусство в культурный ландшафт, обладающий признаками наследия, очень часто оборачивается деструктивным вторжением в естественно сложившуюся природную или историко-культурную среду. В связи с этим следует напомнить, что в целом проблема «лендарта» не является чем-то инновационным. Она стара как мир. Ведь фактически мы почти постоянно сталкиваемся с «фольклордартом». Сельские поля, луга, места сенокосов. Характерными элементами этих художественных композиций являются изгороди, стога сена, межи, опушки примыкающих к ним лесных

*Казачий курень в станице Еланской, Шолоховский музей-заповедник
(Ростовская обл.)*

massivov. Na russkom severe k nim prisoedinyayutsya krestry. Одна из основных задач музеев-заповедников и национальных парков – это сохранить подлинность культурного ландшафта и составляющих его объектов. Даже следы от этих композиций представляют определённую ценность. Это могут быть заросшие лесом бывшие сельские угодья, где сохраняются старые межи.

Muzei-zapovedniki i nauchnye parki, v otlichie ot muzeev pod ot-kryтыm nебom,являются подлинными объектами культурно-ландшаftno-go naslediya, v kotorых сохрanyaются ne tol'ko istoricheskie stroenija, no i mesta, gde эти stroenija byli vозвedenы i продолжают оставаться tam do segodnyaishnego dnia. Для сохранения таких ландшаftnykh kompleksov ne-obходimo поддерживать традиционные формы хозяйственной деятельности традиционное природопользование, поддерживать традиционные социокультурные процессы, что невозможно осуществить без коренного mestnogo naseleniya.

Takim obrazom, rol' naslediya kak svidetel'stva istoricheskoy pamyati, pozvoljayushoy сохрanyt'sya svyazi s proshlym, osuzhhestvlyat' ustoychivoe razvitiye i podderzhivat' kul'turnoye i prirodnoye raznoobrazie mirovogo, nauchnogo i regional'nogo kul'turno-landshaftnogo prostoranstva chrezvyach'no velika i po etomu sohranenie naslediyaявляется важнейшой задачей, bez kotorogo nevozmozhno dal'neyše'e razvitiye gosudarstva i obshchestva.

ЛИТЕРАТУРА

- Веденин Ю.А. 2012. Изучение, сохранение и актуализация наследия как фактора устойчивого развития районов.// Россия и её регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию, М.: Товарищество научных изданий КМК. С.85-111.
- Кулешова М.Е. 2000. Культурные ландшафты,: общие представления, понятия, подходы к оценке // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М.: Институт наследия. С.37-52
- Культурный ландшафт как объект наследия. 2004 М.-СПб. Дм.Буланин, 620с.

Часть 2
Традиционная деревянная
архитектура

Деревянная жилая архитектура России: история и современность

Ольга Севан

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия (Россия)*

Тема статьи актуальна при рассмотрении территорий и культур различных регионов мира, Европы и также России. Очевидно, что множество различий историко-культурных зон (или регионов) должны быть учтены при формировании современной культуры и образа жизни местного населения, и при проектировании региональной системы расселения, когда прогнозируются социально-экономические, демографические и другие процессы. Однако, в современной культуре дизайнеры, архитекторы, урбанисты, социологи, и т.д. - все, кто призван формировать городскую и сельскую среду, практически не учитывают своеобразие и тенденции, существующие в историко-культурных зонах, в том числе и в архитектуре. В то же время существующие многочисленные различия на разных территориях должны быть сохранены. Более того они должны развиваться. В этой связи такие объекты культуры, как Музеи под открытым небом (skansen или «in situ») могут стать основой для продвижения исторических образцов и региональных культурных процессов, в том числе и в развитии архитектуры.

Анализ исследований исторических и современных зданий важно для сохранения реальной культурной среды сельских поселений и исторических городов. Некоторые из интеллектуальных российских архитекторов в течение XX века пытались и пытаются найти способ объединения и использования традиционных форм, конструкций, деталей в современных деревянных зданиях. Другие работают в совершенно новых интернациональных и интересных формах и т.д. И сегодня на лицо поиски решений в сфере реставрации и реконструкции старых и новых методов строительства. Этот сложный процесс формирования среды исторических городов и деревень в России. Есть много новых зданий с использованием старых украшений или конструкций, без какой - либо связи с историко-культурными зонами (или регионами). Это можно видеть особенно в городах (деловые или коммерческие центры в стиле "a la ruse"), много так называемой «народной архитектуры» на дачах и пр. Но современная ситуация обращает нас к поиску идентичности и своеобразия. А это приводит к проведению круглых столов, семинаров, организации выставок и конкурсов молодых архитекторов в решении новой деревянной архитектуры. И наша задача состоит в том, чтобы показать им, что Музеи под открытым небом могут стать основой для продвижения культурных образцов и для развития российской региональной архитектуры

Тема, предлагаемая в статье, является актуальной. Акцент сделан на деревянной архитектуре, как важном экологическом и традиционном ресурсе развития страны. Это важно при рассмотрении территорий и культур различных регионов России и мира, поскольку сравнительный анализ подходов в формировании традиций, наследия и методов сохранения и развития исторических городов и поселений оказывается полезным на разных этапах их формирования. Кажется очевидным, что множество различий историко-культурных зон (или регионов) должны быть учтены при формировании современной культуры и образа жизни местного населения, и при проектировании региональной системы расселения, когда прогнозируются социально-экономические, демографические и другие процессы. Однако, в современной культуре, как администрации разного уровня, так и дизайнеры, архитекторы, урбанисты, социологи, и т.д. - все, кто призван формировать городскую и сельскую среду, практически не учитывают своеобразие и тенденции, существующие в историко-культурных зонах, в том числе и в архитектуре. Между тем существующие многочисленные различия на разных территориях должны быть сохранены и продвинуты, и сегодня во многих странах вместе с поисками модернизационных и технологических образцов наблюдается стремление к сохранению особенностей территорий, исторических анклавов городов и селений, как и идентичности самого населения. В этой связи такие объекты культуры, как Музеи под открытым небом (skansen или «*in situ*») могут стать основой для продвижения исторических и региональных культурных процессов, в том числе и в развитии архитектуры, традиций и образа жизни в разных проявлениях.

Большое число памятников сохраняются по всему миру в музеях под открытым небом, поскольку их сохранение на местах затруднено по многим причинам. Это уменьшение занятости населения в сельскохозяйственных работах, и соответственно отток населения из сельских мест, рост городов и агломераций, увеличение мобильности населения в связи с появившимся свободным временем и пр. В Европе таких музеев насчитывается более 2090, в России около 30, не считая музеев-заповедников. Один из наиболее известных музеев, в котором автор принимал участие в качестве главного архитектора проекта, это музей «Малые Корелы» (Севан, 2012). Была предложена типология жилища, конструкций и декора, которые могут стать основанием для дальнейших поисков прерванной традиции строительства с учетом региональной культуры. Но для этого необходимо изучать и экспериментировать в этой сфере деятельности.

Такие музеи, как известно, рассматривались как институты, в которых может проходить подготовка специалистов в сфере народного зодчества, в сохранении и поиске новых образцов региональной архитектуры. И при-

Музей деревянного зодчества «Малые Корелы», Архангельская область. Каргопольский сектор (фото О.Севан, 2006)

Музей деревянного зодчества «Малые Корелы», Архангельская область. Мезенский сектор Дом Клокотова (фото О.Севан, 2014)

меры народной архитектуры, изученные и представленные в музее, дают основания для работы проектировщикам в рамках темы современного деревянного домостроения. Но это требует не только видеть, но и понимать структуру старого дома применительно к новым условиям жизни и требованиям среды.

Успешные примеры сохранения, в частности, сельской среды, памятников и культурных ландшафтов имеются в национальных парках, например, в Кенозерском, в Архангельской области, где многие вопросы рассматриваются в комплексе со сложными социально-экономическими, демографическими и культурными аспектами. Но вопрос о том, как строить в исторических городах с деревянной застройкой, как впрочем, и в селах стоит на повестке дня уже давно. И удачных примеров в нашей стране найти трудно, в том числе, и в названных комплексах и с учетом необходимости в их строительстве (например, кафе в музее «Малые Корелы» или гостиница в Кенозерском парке в д. Вершинино).

Еще в начале XX века в молодой России в период появления конструктивизма, стали проектировать и строить современные сооружения из дерева. Проект архитектора И. Мельникова победил на конкурсе и был представлен на Международной выставке декоративных искусств в Париже в 1925 г. 2-х этажное остекленное здание из деревянного каркаса перерезано по диагонали широкой деревянной лестницей, ведущей на верх. Она перекрыта двумя рядами наклонных пересекающихся плит. «Красный павильон» - это «антидворец» по мысли архитектора был сделан в духе революционной идеологии того времени. Э. Корбюзье говорил, что это был единственный павильон, который стоило смотреть.

В это же самое время работали и многие советские архитекторы. В 1923 г. И.В. Жолтовский предложил и разработал генеральный план Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве. Здесь же он предложил создание первого в стране музея под открытым небом, перевезя различные жилые усадьбы из разных регионов страны. А также по его проекту была построена деревянная триумфальная арка, используя образы и элементы русской народной архитектуры, объединив их с конструктивными задачами требуемого входного сооружения (Жолтовский, 1955). Позже в его мастерской другими архитекторами разрабатывались проекты жилых домов и для сельской местности.

В эти же годы в Москве начинают формироваться различные поселки, и первым из них был известный поселок «Сокол», который застраивался для рабочих, художников, ученых, служащих. Поселок-сад строился с 1923 – 1933 гг., и в проектировании отдельных домов участвовали талантливые молодые архитекторы: Н. Марковников, В.А. Веснин, И.И. Кондаков, Н.Я Колли и уже признанный мэтр архитектуры А.В. Щусев. Для них это была

экспериментальная площадка по поиску подходов к проектированию различных типов малоэтажного строительства, постройки не повторяют друг друга, и это не стилизация под старину и не пригородные дачи. Уютные одноэтажные или с мансардой, двухэтажные с приусадебными участками, блочные многоквартирные дома с небольшими садиками, где применены различные приемы планировки, архитектурные формы и строительные материалы. И что важно для нашего рассмотрения - использовались традиционные образцы жилища разных территорий и регионов: Русского Севера, Сибири, западных районов страны.

Поселок «Сокол» с 1979 г. находится под охраной государства как памятник градостроительства первых лет советской власти, но это, к сожалению, не мешает его перестраивать и реконструировать на современный вид, не соответствующий никаким архитектурным средовым правилам. Бизнес и коррупция оказались сильнее закона об охране памятника. И скоро надо думать мы не сможем радоваться и удивляться уникальным деревянным постройкам начала XX века.

Но надо напомнить, что начиная с конца 1940-х годов, в стране проходили различные совещания, на которых вставал вопрос о новом послевоенном строительстве, где говорилось, что «надо, не жалея сил, изучать культурное наследство. Надо знать его всерьез и глубоко» (Совещание..., 1948; речь В.М. Молотова на XVIII съезде ВКП (б)). Такие решения были приняты к исполнению и многие известные архитекторы участвовали в разработке проектов и строительстве сельских мест, жилых домов и других построек. Опираясь на опыт и архитектурные композиции русского народного зодчества, они по-своему решали поставленные задачи. Одним из удачных при-

Поселок «Сокол», г. Москва. Жилой деревянный дом 1920-х гг.
(фото О. Севан, 2011)

Поселок «Сокол», г. Москва. Жилой дом середины 2000-х гг.
(фото О. Севан, 2011)

меров исследователи считали строительство жилого комплекса в поселке Костино под Москвой, выполненные архитекторами Б.Г. Бархиным, В.В. Яновским и другими (Ащепков, 1950).

Под руководством А.В. Щусева в рамках работы по проекту восстановления разрушенного войной города Истры под Москвой. В структуре генерального плана предлагалось строительство разнообразных жилых построек, и было разработано несколько проектов типовых жилых домов: одно- и двухэтажных на одну, две, четыре и восемь квартир (Щусев, 1946). Предусматривались деревянные здания из бревен и брусьев и облегченных каркасных конструкций, использовались типологические и декоративные особенности русского зодчества. В основу всех проектов, учитывая время строительства, была положена идея наиболее экономичного и целесообразного использования жилой площади, а также применялось печное отопление, дающее определенный эффект при минимальном количестве печей. Здания были оборудованы водопроводом и канализацией. Были построены и сельские колхозные усадьбы, в набор которых входили жилой дом с хозяйственными постройками и садовый участок. Помимо жилых разрабатывались и строились общественные сооружения, также деревянные: это были туристические базы, гостиницы на 30 номеров, ресторан, бар и магазины. Некоторые из них до сих пор сохранились или сильно перестроены.

И глядя на представленные объекты, поиск архитектуры которых осуществлялся советскими мастерами в начале-середине XX века, и, сравнивая с тем, что происходит сегодня, снова встает задача встраивания современных сооружений в исторический контекст города или села. Каким же образом можно сохранить «дух места» и как современное, в том числе

Проект одноэтажного жилого дома на 2 квартиры (боковой фасад) в г. Истра, Московская область. Архитектор А.В. Щусев, 1944 г.

деревянное строительство может способствовать поддержанию исторической среды. Эти вопросы обсуждаются сегодня среди специалистов и общественности, поскольку постепенно стало понятно, что потенциал современного деревянного строительства, как важного фактора социально-культурного и экономического развития страны, далеко не исчерпан.

Это можно наблюдать сегодня в своеобразных формах: копии деревянных сооружений, храмы и часовни, туристические деревни в национальном духе («а ля рус»), в жилых постройках, расположенных на торговых улицах, где все ориентировано на продажу. И здесь очевидна своеобразная игра и копирование деталей традиционных деревянных образцов, применительно к торговым и туристическим комплексам. Имеется пример многоэтажного частного дома, появившегося на «заре перестройки», и уже не выдержанного проверку временем. А новые интересные деревянные здания, выполненные российскими архитекторами, нельзя увидеть, поскольку они строятся для частных лиц и закрыты от глаз окружающих за высокими заборами.

Имена российских сегодняшних мастеров известны: Александр Бродский, Николай Белоусов и Тотан Кузембаев и пр. Можно вспомнить и мировые - Томас Херцог, Герман Кауфман, Имре Маковец и других архитекторов. Но анализ российской архитектуры из дерева предлагается рассматривать исследователями, в частности, Н. Малининим (Малинин, 2010) условно по следующим направлениям. Традиция как пример гротеска «можно наблюдать в работах Николая Белоусова и других проектировщиков. Лирический экспрессионизм связан с именами архитекторов Тотана Кузембаева, Светланы Головиной и др. Поэтизация обыденного (по определению Н.Малинина). Это направление возглавляет Александр Бродский, Вместе с перечисленными направлениями специалист отмечает в «русском современном дереве» европейскую минималистическую линию. Это группа архитекторов: Евгений Асс и его ученики и другие. Все эти объекты, несомненно, представляют интерес

Наш подход ориентирован на анализ исторических и новых современных архитектурных объектов, сопоставление исторических функций, форм, образов и деталей в динамики развития с акцентом на сохранение культурного ландшафта, при реальном и удачном использовании уникального и экологического материала дерева, как в городской, так и в сельской среде. Но такого комплексного и взаимосвязанного подхода к окружению, к стоящим рядом постройкам, фронтальным улицам и открытым пространствам практически как-то не видно сегодня в наших исторических городах и поселениях. Хотя можно привести ряд примеров жилых домов, коттеджей и усадеб в Подмосковье, которые были реализованы и

Дубль-дом. Архитектор И.Овчинников (фото О. Севан, 2014)

номинированы на российских конкурсах в последние годы¹. Некоторые из них, по мнению жюри, оказались наиболее соответствующая к возможному строительству в наших широтах, как и в северных территориях России. Или это может быть пример «Дома на склоне», где учтены пространственные особенности местности и конструктивные детали сооружения, логически вписавшись в ландшафт. Но все это отдельно стоящие сооружения, многие из которых нельзя увидеть, спрятанными за высокими заборами.

Есть примеры новых подходов к проектированию и строительству в деревне у студентов и современных молодых ищущих архитекторов. Это демонстрируется в поездках по обследованию и рисованию памятников и среды городов и сел, во время проводимых совместных семинаров архитекторов, имеющим такой опыт работы, в конференциях, в специальных лекциях по истории и современным технологиям и пр. Важным представляется совместная деятельность исследователей, реставраторов, проектировщиков и строителей². Без такого взаимодействия трудно молодым специалистам войти в контекст исторической среды, понять и прочувствовать «дух места», о чем мы писали ранее (Севан, 2009). Это касается не только проектирования, но и непосредственной работы с деревом на объектах Land-art в городах и сельских районах страны³.

Но помимо участия в конкурсах и в разных проектах, молодые специалисты (в частности, И.Овчинников) создают экспериментальные современ-

1 АРХИWOOD (кураторы Н.Малинин, Ю. Зинкевич при поддержке фирмы Honka) <http://archi.ru/russia/54659/arhiwood-pervaya-pyatiletka>; Союз архитекторов РФ “Дерево в архитектуре” в 2013 г. <https://www.facebook.com/olga.sevan>

2 <http://www.ecovast.ru/novosti.htm>

3 Фестиваль Города <http://www.goroda-fest.ru>

Иркутск. Историческая часть города (фото О. Севан, 2013)

ные микро-дома, где можно проявить собственное авторское прочтение предмета и предложить новые типы сооружений, конструкций, технологий, недорогих в исполнении (на 1.01.2015 около одного млн. рублей). Эти постройки могут использоваться как сезонно, так и на постоянной основе разными группами населения (молодые пары, художники, дачники и пр.) и они могут быть приспособлены к разным климатическим условиям нашей страны.⁴ Такие объекты постепенно завоевывают российский рынок, и скромные современные минималистические сооружения можно видеть в разных странах, учитывая кризисную ситуацию в мире.

И если в сфере индивидуального домостроения можно говорить о продвижении и поиске новых форм и образцов строительства в последние двадцать лет, то в структуре городской среды, как и сельской, таких примеров почти нет. Идея сохранения и развития деревянного города, столь распространенная в Северной Европе еще 30 лет назад, не получила поддержки в нашей стране. Есть ряд городов и поселений: Томск, Иркутск, Вологда, а также некоторые малые: Городец на Волге, Елабуга в Татарстане

4 Иван Овчинников. Типовые мобильные решения – это образ жизни, который я переношу на архитектуру <http://archi.ru/russia/55308/intervyu-ovchinnikov>

или Марийский Посад в Чувашии, Шушенское в Сибири, где специалисты пытаются реализовать разные методы совмещения сохранения и развития исторических анклавов города или села. Поэтому анализ и разные подходы к современному деревянному строительству в городах и сельских поселениях заслуживают особого внимания.

Итак, анализ исследований исторических и современных жилых сооружений важен для сохранения реальной культурной среды сельских поселений и исторических городов с учетом регионального своеобразия. И сегодня на лицо поиски решений в сфере реставрации и реконструкции старых и новых методов строительства.

Разработка типологии традиционного жилища, проверенного временем, оказывается не только полезной, но и увлекательной с целью понимания культуры различных этнических групп населения, их опыта, методов работы в условиях различной природной среды. Некоторые из интеллектуальных российских архитекторов в течение XX века пытались и пытаются найти способ объединения и использования традиционных форм, конструкций, деталей в современных деревянных зданиях. Другие работают в совершенно новых интернациональных формах, находятся в поиске современных экономических, технологических и дизайнерских конструкций. Но повсеместно можно видеть наиболее простое использование и копирование декоративных элементов и форм как культовой, так и жилой народной архитектуры, прикрываясь традицией, используя ее в торговых, туристических и развлекательных целях.

Иркутск. Реконструкция исторического 130 квартала города (фото О.Севан, 2013)

Современный сложный процесс формирования среды исторических городов и деревень, как и центров крупных городов, показывает, что многие из них формируются без какой - либо связи с историко-культурными зонами страны (или регионами). Но сегодняшняя ситуация обращает нас к поиску идентичности и своеобразия. А это в свою очередь приводит специалистов к повышению образования в рамках участия в круглых столах, семинарах, организации выставок и конкурсов архитекторов и молодых строителей, технологов для формирования новой деревянной региональной архитектуры. И наша задача состоит в том, продвинуть идеи и показать, что памятники, сохраняемые как в музеях под открытым небом, так и на местах их строительства могут стать основой для продвижения культурных образцов и для развития российской самобытной архитектуры. И они могут выйти на международный уровень и завоевать рынок деревянного домостроения, а исторические города с преимущественной деревянной застройкой, как и сельские поселения, могут войти в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО.

ЛИТЕРАТУРА

- Ащепков А. Современное деревянное строительство // «Русское деревянное зодчество». Государственное издательство архитектуры и градостроительства. М., 1950, с. 83 - 102.
- Жолтовский И.В. Проекты и постройки. (Под ред. Г.Д. Ощепкова), М, 1955, с. 50-51.
- Малинин Н. Современная российская архитектура из дерева: основные тенденции и направления // Культура дерева - Дерево в культуре. Российский институт культурологии, Российский ЕКОВАСТ и другие. М, 2010, с. 74-77.
- Севан О.Г. Реконструкция образа жизни и духа места в музеях под открытым небом // Сб. Культурное многообразие – от прошлого к будущему. СПб, 2009. <http://www.ecovast.ru/images/reconstruction08.pdf>
- Севан О.Г. «Малые Корелы» Архангельский музей деревянного зодчества. История создания, методика проектирования, современное состояние // Прогресс-Традиция, М., 2012.
- Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП (б), М, 1948, с.147.
- Речь В.М. Молотова на XVIII съезде ВКП (б) (по А. Ащепкову, 1950).
- Щусев А.В. Проекты деревянных жилых домов // Проект восстановления города Истры. Издательство Академии архитектуры СССР. М., 1946, с. 7-13, 43-46.

Культурный ландшафт Пенин в процессе изменений, роль деревянной архитектуры в сохранении самобыт- ности региона

Уршула Форчек-Братанец¹, Эвелина Зайонц²

1 - Институт ландшафтной архитектуры, факультет архитектуры, Krakowski тех-
нологический университет (Польша)

2 - Национальный парк Пенины, Кросценко над Дунайцем (Польша)

Поселения в районе Пенин развивались с различной степенью интенсивности в зависимости от экономических, политических и социальных условий. Наиболее мощно и активно культурный ландшафт развивался во времена средневековой колонизации. Именно в XIII-м веке основывались деревни, а поля разделялись на небольшие земляные участки, тогда как большая часть лесов использовалась для расширения сельскохозяйственных угодий.

Следующий этап, отраженный и в стиле построек, был связан с развитием курорта Щавница, как и с мощным влиянием курортной архитектуры, распространившейся по всей области. Уже в наше время развитие района Пенин было тесно связано со строительством Чорштынского водохранилища. Строительство было начато в 1960-х, в период отвержения традиций и культурной идентичности, а также возникновения нового направления в развитии поселений. В настоящее время развитие туризма в области Пенин достигло своего апогея. Вследствие огромного притока туристов наблюдаются: сильное давление в сфере деревенской застройки, как и нежелание сохранять преемственность с традиционными формами построек, а также глубокие изменения культурного ландшафта. Эти изменения затрагивают проселочные пути, структуру поселений и сельскохозяйственных угодий. Столкнувшись с подобными уже укоренившимися тенденциями Национальный парк Пенины начал процесс каталогизации типов построек в области Пенин. Практически вся область буферной зоны Парка была изучена и проанализирована на основе метода «деревенских карточек», разработанного учеными Krakowskого технологического университета. Общая картина оригинальной структуры получена посредством выявления типологии деревень, крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных угодий, а также архитектуры жилых и хозяйственных построек. Подобная база данных позволяет определить направление дальнейшего развития с учетом сохранения самобытности деревенской архитектуры.

Развитие поселений и начало курортного туризма

Возникновение поселений

Район Пенин привлекал внимание поселенцев уже с древнейших времен. Существует множество научных гипотез о следах существования первого человека именно в данном районе, что связано с месторождением радиолярита и его добычей во время Верхнего (Позднего) палеолита [Kolodziejjski, Siwek 2006]. Древнейшие поселения датируются 13-ым веком, когда возникали земледельческие поселения вдоль долин рек, колонизировались плодородные районы поречий. Пойменные (заливные) участки реки Дунаец служили благоприятной зоной для развития поселений с хорошим транспортным сообщением и всеми необходимыми ресурсами. Первоначально деревни возникали спонтанно, разрозненно, отдельными нерегулярными участками заселения по прибрежным склонам. Заселение польской части Пенинских гор непосредственно связано с сестрами монастыря Св. Клары (клирикос), основанного в 1280 году в Старом Сонче. В 14-ом веке, король Казимир Великий обратил внимание на области, прилегающие к Венгрии, что стало частью процесса укрепления польского приграничья. Он укрепил границы вдоль р. Дунайца, основывая поселения в соответствии с магдебургским правом местного самоуправления. В тоже время в области современного Спишской области венгерские правители также усилили политику заселения своих территорий. Регулярность распределения полей, плотность заселения и компактность сельскохозяйственных угодий, сформированные в то время, все еще являются отличительной чертой данной части Пенин. На рубеже XIII-XIV столетий также и валахи (предки русинов-лемков), заселившие Пенинскую область, двигаясь вдоль Карпатского хребта. В Пенинских горах скотоводы встретились с земледельцами, предпочитавшими колонизировать речные долины, в результате чего было создано чрезвычайно богатой структуры поселений на относительно небольшой территории [Smolski 1955].

Изначальная структура поселений Пенинских гор

Пенинские горы – это место встречи множества различных границ, например, (Спишской области с Предгорьями, польских и словацких горцев с валашами). Подобное разнообразие культур, традиций и регионов представляет собой уникальный «котел» культур, характерный для местного ландшафта (Рис.1). В радиусе нескольких километров можно наблюдать строго размеченные участки культивируемых полей, а также спонтанно структурированные валашские деревни и открытые пространства Спишской области.

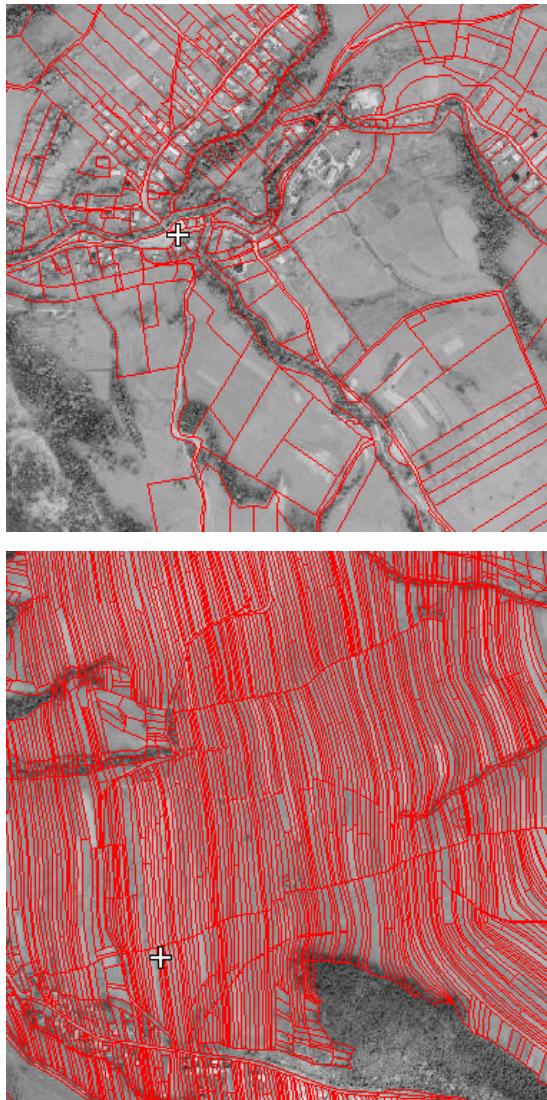

Рисунок 1. Кадастровая система валашской деревни (*Jawoski*) и деревни, расположенной в соответствии с Магдебургским уставом органов местного самоуправления - *Sromowce Średnie* в Пьянинах

Деревни, расположенные в соответствии с магдебургским правом местного самоуправления, строились в речных долинах. Для них были характерны специфическое распределение земельных участков – перпендикулярно реке. В один земельный надел входила прибрежная полоса, часть плоской заливной территории и части склонов, тянувшиеся к верху холма. Застройка поселений могла быть растянутой и компактной по обеим сторонам реки с крайне упорядоченной и четкой структурой. Преобладала деревянная архитектура, в форме круга или полуокруга, при этом жилые и хозяйствственные постройки в основном были связаны с сельским хозяйством. Небольшие хозяйства состояли из двух строений, расположенных перпендикулярно либо параллельно. Древнейшие дошедшие до нас постройки указывают на основные черты деревянной архитектуры данной области: каркасные стены, фронтон с выступающим карнизом на опорах, при этом помещение разделялось на так называемые «белую» и «черную» комнаты с прихожей в середине или анфиладой комнат с асимметрично расположенным входом (рис. 2).

Валашские деревни сильно отличаются от тех, что строились сообразно магдебургскому праву о местном самоуправлении, в том, что касалось организации сельскохозяйственных полей, структуры поселений и крестьянских дворов. В то время как крестьяне речных долин вели оседлый образ жизни, валахи вели кочевой образ жизни скотоводов. Для валашских

Рисунок 2. Утраченное здание в Samorody (*Szczawnica*),
музей Пьянины

деревень характерны два типа крестьянских хозяйств: постоянный, так называемый «разветвленный», свойственный горным регионам, в котором жила вся семья со своим имуществом и скотом во время лета. Хозяйство имело L-образную форму или же закрытую кольцеобразную форму. Жилой дом, называвшийся «хыза», состоял из комнаты, прихожей и кладовой. Это был остроконечный дом с выступами кровли и каркасной стенной конструкцией.

Область Спишского района переходила из рук в руки не одно столетие, становясь пополам польской, венгерской или словацкой. Во времена наибольшего бурного роста поселений, Спишский район был венгерским, откуда – прекрасно прослеживающийся сильно развитый тип немецко-венгерской городской застройки. Это влияние в основном привело к созданию деревень по типу малых городов (Фридман, Кремпахи) с плотной застройкой и организованной структурой. В Пенинских горах также были города, как, например, Кросценко над Дунайцем, построенный в соответствии с магдебургским правом о местном самоуправлении, или же постройки, связанные со средневековыми укрепленными поселениями (Чорштын, Недзица).

Развитие курортов и первая волна туристов

19-ый век оказал сильное воздействие на ландшафт Пенин и отношение к этой области в целом. Многолетнее дробление собственности создало в итоге причудливую мозаику полей. В то же время отсутствие действий по объединению соседних земель сохранило эту картину, являющуюся сегодня характерным мотивом Пенинского ландшафта. С другой стороны, архитектура вступила в новый период своего развития благодаря новым тенденциям в эволюции курортов. Курорт в Щавнице стал эпицентром новых строительных тенденций деревянной архитектуры, распространявшихся в окрестных территориях. Интенсивный приток посетителей курорта вызвал спрос на дополнительные объемы размещения в номерах, построенных в соответствии с новыми стандартами. Новая застройка проводилась на различных «фронтах». Новые здания строились как часть существующих крестьянских усадеб с добавочным этажом на чердаке (рис. 3), типичные курортные деревни строились для гостей, как и частные семейные дачные домики - виллы, как и туристические рекреационные помещения (как, например, питьевые галереи с минеральной водой, бибеты и концертные залы) (рис. 4). Подавляющее большинство зданий строилось из дерева, что привело к появлению уникальных памятников деревянного зодчества в Щавнице, в которых объединялись местные строительные традиции и модные тренды альпийских курортов. Регион Пенин во многом обогатился уже первой волной туристов. Они открыли красоты и осознали необ-

Рисунок 3. Жилой дом с мансардой, адаптированной для размещения туристов
(фото Paulina Nosalska)

Рисунок 4. Горный отель Orlica, бывшая вилла Dabrowski, 1932
(<http://cotg.pttk.pl>)

ходимость сохранения этой уникальной природы и ценных ландшафтов, а также ввели в привычку новый способ использования земель Пенин - для туризма. Очарование региональной культурой не только принесло ей репутацию достопримечательности, но и, в результате ее изучения, законное место в национальной культуре.

Чорштынское водохранилище: культурный ландшафт в переходный период – вторая волна развития туризма

Строительство водохранилища

Следующий случай, а скорее, процесс, обусловивший характер местного ландшафта, стал строительством водохранилища и гидроэлектростанции. Первые планы по постройке электростанции возникли в начале 20-го века, однако, окончательное решение и подготовка к строительству начались в 1970-х. Проект затопления долины Дунайца включал полную трансформацию пространственной организации, наблюдавшейся в этой области на протяжении веков. Было необходимо ликвидировать множество деревень¹, как и построить новые поселения и инфраструктуру. Так, были построены новая деревня Манёвы, новые округи (кварталы) Клюшковец и Мизерны. Бремя давления по заселению Чорштына было облегчено благодаря строительству Чорштын Надзамче. Здания и дороги снизу долины шли вверх по склонам горных цепей. Все исторические здания, расположенные на территории будущего водохранилища, были демонтированы. Лишь исторические постройки, включавшие памятники деревянного зодчества, были сохранены и вывезены в другие места. Не было осуществлено попыток спасти усадьбы в Чорштыне и Манёвах или же каменной приходской церкви в Манёвах [Siwek 2006], в итоге безвозвратно утраченных. Приготовления к постройке дамбы и водохранилища длились 25 лет. В течение этого времени Пенинский ландшафт и долины Дунайца следовало подготовить к аккумуляции 234.5 млн м³ воды.

Облик местных пространств и ландшафт изменились, а преобразования задали новые направления развития. Первая зона ущелья Дунайца, так называемое Чоштынское ущелье, пропитано историей, самобытностью и традициями, но, к сожалению, безвозвратно утратило свой первоначальный характер. Замки, возвышавшиеся над долиной, утратили былое великолепие и неприступность. Бывшая транспортная система, создававшаяся веками и дополнявшая характер поселений, была заменена новой,

1 Ликвидированные деревни: Манёвы, Подбжезье, Цехожин, Чорштын Подзамче с усадьбой, поместьем, парком и Чорштыном. Кроме того, дачные постройки некоторых деревень: Дембно, Фридман, Клюшковице, Сромовце Выжне, Недзица-Замек

комплексной системой, обеспечивающей электростанцию и соседние деревни. Деревни стали развиваться в направлениях, установленных уже новой сетью коммуникаций. Изменения в местоположении основных достопримечательностей региона переместили туристический центр в места, где туристы никогда не останавливались прежде. Наиболее ценные и значимые деревянные постройки, включая виллы и дома отдыха (гостиницы) из Чорштына, складские хозяйствственные постройки из Манёв, были перевезены из областей, подготовленных под затопление и размещены в поселении Клюшковце (расположенном между деревнями Клюшковце и Чорштын). Оставшиеся объекты представляли собой в основном природорожные и кладбищенские кресты и часовни, разбросанные по всей области и оторванные от функционального и ландшафтного контекста.

Развитие в условиях новых реалий

Два последних десятилетия принесли новые изменения в Пенинский культурный ландшафт. Интенсивный приток туристов и спонтанное развитие сферы услуг во времена переходного политического периода, оказали сильное воздействие на ландшафт и направления преобразований. Прекращение культивирования сельскохозяйственных полей вызвало изменения в основном и уникальном мотиве местного ландшафта. Недостаточное использование угодий в сельском хозяйстве приводит к исчезновению цветовой и текстурной мозаики, возникавшей из-за разнообразия культивируемых культур, хотя распределение собственности и оставалось неизменным. Не считая эстетического эффекта, результаты неконтролируемого пространственного развития может наблюдаться в Пенинской области. Разброс зданий был результатом несовершенной правовой системы и огромного местного инвестиционного давления.

Густонаселенные пункты, расположенные в долинах, сегодня представляют лишь часть структуры, распространяющейся по всему ландшафту. Новые факторы не были нейтральны по отношению к облику крестьянских усадеб. Ввиду недостаточного культивирования сельскохозяйственных угодий, фермерские постройки исчезают из культурного ландшафта, так как сфера услуг повлияла на размер, форму и конструкцию построек. Крестьянские хозяйства, состоявшие из нескольких строений, расположенных вокруг крестьянского двора, были заменены одиночными жилыми постройками, расположенными в центре земельных участков. Региональное многообразие, уже много лет наблюдаемое в Пенинах, постепенно сходит на нет. Кроме того, жители забрасывают традиции строительства, декорирования и садоводства. Вторая волна туризма оказалась уже не столь благоприятной для Пенинской области. Очевидные всем преобразования касаются каждого элемента деревенской структуры. Облик полей, как и

поселений, меняется, а владельцы крестьянских хозяйств все более стремятся соответствовать уже новым правилам. Перед лицом подобных изменений возникает необходимость концепции документирования этого исчезающего пространственного обустройства поселений, зданий и декоративных элементов.

Роль документирования исчезающих архитектурных форм

2014 год посвящен Оскару Кольбергу, умершему 200 лет назад. Ученый участвовал в документировании объектов народной культуры, глубоко осознавая всю ее важность. Таким образом, осознание значимости и близости народной культуры пришло уже в 19-м веке. С тех пор область Пенин являлась объектом восхищения и научного интереса, как с точки зрения ландшафта, так и ее деревянной архитектуры. Еще до Первой мировой войны памятники Пенинской области изучали и документировали Владислав Матлаковски, Казимир и Тадеуш Мокловские, Тадеуш Списс и Феликс Копера Диль, а также Леонард Лепши. Полноценная профессиональная инвентаризация примечательных памятников архитектуры Пенинской области была проведена Тадеушем Шидловским, бывшим тогда, в межвоенный период, музееведом Krakowskiego района. Ввиду планов по строительству электростанции команда профессора Богдановского провела исследования деревень, расположившихся в долине Dunajca. Итогом их исследовательской работы стала монография² о культурном ландшафте, в которой и была представлена важнейшую документацию о данной области, в настоящее время полностью изменившуюся (Bogdanowski... 1971).

В 90-х появилась и концепция создания картотеки деревень. Профессор Богдановски вместе со своей командой разработали многослойную модель описания сельского пространства. Идея картотеки деревень состояла в представлении конструкции той или иной постройки, используя все слои, включая пространственный и временной. При описании планировки использовались пиктограммы, что позволило проследить этапы трансформации архитектурных форм поселений и последовательности архитектурных слоев. Описание вариантов застройки также позволило зарегистрировать типа крестьянского хозяйства и конструктивные решения с учетом изменений и современных тенденций. В 2000 году PPN(Национальный парк Пенины) начало каталогизацию строительных форм, встречавшихся в пределах буферной зоны Парка. Пока исследования охватили две трети всей буферной зоны. Изучение сохраненной

2 Bogdanowski J., Flagorowska L., Basista A. Budzilo J., Nowakowski A., Luczynska-Bruzda M., Gutowski M. Исследование ландшафтной архитектуры исторической ценности в окрестностях планируемого Чорштынского водохранилища.

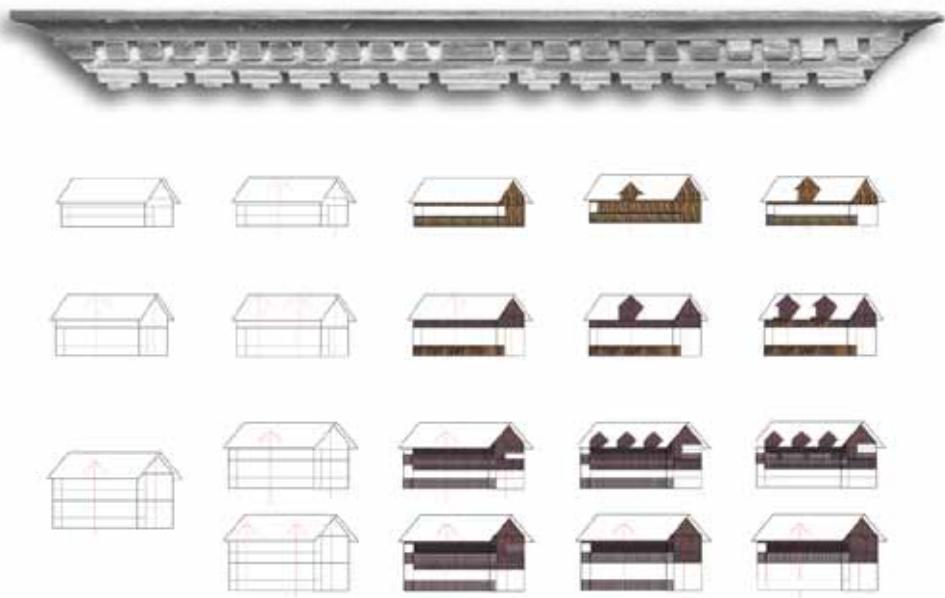

Рисунок 5. Схема из Каталога строительных форм Szczawnica Nizna, пример продолжения формы жилых зданий с региональными моделями декора

деревянной архитектуры указывает на региональное многообразие архитектуры в рассматриваемых областях. Это можно наблюдать по размерам объектов, их архитектурным деталям и декоративным мотивам. Выявление отличительных черт каждого района позволяет установить типы построек, характерные для мест их нахождения [Catalogue...]. Региональное многообразие касается построек до 60-х годов 20-го века. Более поздняя архитектура уже входила в эпоху типовых проектов, а затем псевдотрадиционных, теряя нюансы и детали регионального стиля. Процесс подготовки базового материала может послужить основой и для дальнейшего, осознанного подходу к строительству, сфокусированного на сохранении регионального архитектурного многообразия. Таким образом сохраненная деревянная архитектура – задокументированная, обмерянная и преобразованная в новые строительные модели, может послужить базой для сохранения или даже воссоздания архитектуры данной местности во всей ее самобытности (рис. 5).

Современные возможности сохранения самобытности Пенинского культурного ландшафта.

Земля Пенин рассматривалась как ценный туристический ресурс еще во времена Романтизма, благодаря ее очарованию и красоте. С тех пор туризм является важной составляющей развития местного ландшафта.

Сегодня культурный туризм становится все более значимым. Теперь это вновь открытая форма активного отдыха, однако подобная активность также не оставляет без внимания и интеллектуальную сферу. Туризм укоренен в истории и традициях данной местности, тем самым становясь фактором, поддерживающим и увеличивающим культурную ценность всего региона. С этой точки зрения исторические постройки или культурный ландшафт становились туристическими достопримечательностями. Как следствие, охрана ландшафта – это не только охрана наследия, но и предмет пристального внимания всех работников сферы туристических услуг.

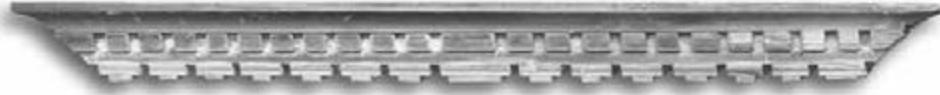
Культурный туризм предлагает посетителям услуги, сфокусированные на образовании, опыте (увеселительные мероприятия) и развлечении. Они общеизвестны под аббревиатурой «3xE», которая отличается от предыдущего кода «3xS» (Солнце, море, песок), при котором подразумевалася лишь интеллектуально пассивный досуг, никак не связанный с изучением самобытности того или иного места. В качестве примера развития посредством охраны ландшафта и традиционных архитектурных форм, можно привести международный Валашский культурный маршрут. Проект сфокусирован на реконструкции традиционных деревянных пастушьих хижин и реконструкции и сохранении пастбищ, связанных с историческими валашскими поселениями. Кроме того, проект призван вернуть овец на горные луга. Благодаря культивированию исторической среды живописные места и достопримечательности этой области можно будет защитить и сохранить [Srodulska-Wielgus J., Wielgus K].

Современное развитие туризма, сфокусированное на культурных и ландшафтных ценностях, может явиться третьей волной позитивных изменений в Пенинской области. Новые предложения для туристов, неразрывно связанные с самобытностью места, а также развитие, основанное на богатстве и многообразии региона, судя по всему, следуют современным туристическим тенденциям. Все это создает характерные особенности, тесно связанные с этим местом и не наблюдаемые где-либо еще. Помимо этого формируется многослойная структура самых высоких стандартов в области туризма.

ЛИТЕРАТУРА

BogdanowskiJ., FlagorowskaL., BasistaA., BudziloJ., NowakowskiA., Luczynska-BruzdaM., GutowskiM. 1971-1972. Study of landscape architecture of historical value in Cracow Voivodeship. — Cracow, ss. 29-137.
Bogdanowski J., Grudniewicz D., 1993, Simplified village landscape card for the catalogue of building forms, Uproszczona karta krajobrazowa wsi dla katalogu form budownictwa, [w:] Files of Commission for Urban Planning and

-
- Architecture, Polish Academy of Science, Department in Cracow, issue. 26, s. 59-70.
- Kolodziejewski S., Siwek A., 2006 , Cultural heritage of Polish Pieniny, „Pieniny - Nature and Man”, issue. 9, s. 157-174.
- Smolski S. 1955. Pieniny Nature and Man, Krakow.
- Luczynska-Bruzda M.1985. Landscape and spatial planning in the Pieniny area - contemporary state and perspectives, [w:] Files of Commission for Urban Planning and Architecture, Polish Academy of Science, Department in Cracow, issue. 19, s. 249-254;
- Siwek A. 2006. Movement of monuments along the Czorsztyn reservoir shore — Regional Centre for Research and Documentation of Monuments in Cracow, manuscript., [Pieniny National Park archive].
- Srodniala-Wielgus J. , Wielgus K., Blachut Z., Kohut P., Michalek J. Wallachian Culture Route - the beginning of journey. www.goraleslascy.pl [online: here 16.06.2014]
- W^glarz B.A., 2011, Leisurely pace in old Szczawnica and Rus Szlachtowska. Pruszkow.

ИСТОЧНИКИ

- Catalogue of building forms of the Pieniny buffer zone, the southern part, 2000. Theme Manager: prof, dr.hab.arch. M. Luczynska-Bruzda, author: U. Forczek-Brataniec, consultancy: dr hab.inz.arch. Zbigniew Myczkowski, Pieniny National Park archive. Kroscienko n.D, mps.
- Catalogue of building forms of the Pieniny buffer zone, the northern part, 2001. Theme Manager: prof, dr.hab.arch. M. Luczynska-Bruzda, author: U . Forczek-Brataniec, consultancy: dr hab. inz. arch. Zbigniew Myczkowski, dr inz. ArchKrzysztof Wielgus. Pieniny National Park archive. Kroscienko n. D, mps.
- Catalogue of building forms of the Pieniny buffer zone, Szczawnica Nizna, 2013. Authors: dr inz. arch.: U. Forczek-Brataniec, mgr inz. Paulina Nosalska - landscape architect. Pieniny National Park archive. Kroscienko n.D, mps.

Дерево возвращает к храму. Конкурсы 1930-х годов на сельские клубы в коллекции Музея архитектуры им. А.В. Щусева

Николай Малинин

APXIWOOD, Москва (Россия)

История деревянной архитектуры России в XX веке радикально отличается от той последовательной эволюции, которую, к примеру, претерпела деревянная архитектура скандинавских стран. Это была череда взлетов и падений, обусловленных социальными сдвигами. Два раза страна от дерева отрекалась, три раза к нему возвращалась. Деревянный дом всегда был символом России – поэтому каждый новый исторический этап спешил или присягнуть ему на верность или отречься. Революция всё перечеркнула (традиции, частный дом, бревно как главный стройматериал), а в качестве нового выдвинула каркасные технологии. Сыграв важную роль в утверждении конструктивизма, дерево сошло с арены, чтобы вернуться в середине 1930-х годов. Советская архитектура забывает авангард и берет курс на «освоение наследия». Это позволяет вернуться к традициям, в том числе и к дереву. Главным событием становятся конкурсы на деревянные клубы для сельской местности (1935, 1939, 1940). Но теперь дерево само возвращают зодчих к архетипу сельского храма. Вспоминаются привычные приемы: привычная в церквях Севера открытая галерея по периметру второго этажа, храмовый прируб, расплюзующийся в пятиконечную звезду, характерные выпуски бревен, шатер в качестве завершения или «двенадцатирик» Генриха Людвига. Характерно, что проект-победитель следующего конкурса (1940 года) сделал Лев Лисенко, еще в 1938 году обмеривший Кижский ансамбль, а в будущем – автор проекта его реставрации и ведущий специалист по древнерусскому деревянному зодчеству.

В 1926 году в советском журнале «Современная архитектура» (в одном номере с рецензией на «Урбанизм» Ле Корбюзье) опубликован проект киоска для деревни конструктивиста Алексея Гана.

Треугольный, чтобы легче вписаться в любой деревенский перекресток, с косыми срезами фасадов для того, чтобы «сток воды и сползание снега происходило в трех направлениях, а не в шести», он несет и важную идеиную миссию. Крестьяне, пишет автор статьи в «СА», «продолжают пребывать в старых условиях домашнего быта двора-избы, и даже их общественные очаги [...] избы-читальни, клубы – так же остаются архитектурно неоформленными. В деревнях – селах по-прежнему только церковь является, так сказать, архитектурным местом. Ей нет соперника здания в деревне, которое бы [...] агитировало за новый быт деревни» (Новиков, 1926).

Но прошло 10 лет, а ситуация мало изменилась. «Производственные отношения на селе были уже социалистические, но архитектура деревни оставалась в основном еще прежней, – читаем в «Истории советской архитектуры» о предвоенной поре. – Великий процесс освобождения землемельца от «идиотизма деревенской жизни» (К. Маркс) происходил бурными темпами, но перестройка архитектурной среды только еще начиналась» (Былинкин и др., 1985).

И в 1935 году Союз советских архитекторов и Всесоюзная Академия архитектуры объявляют первый Всесоюзный открытый конкурс на проект колхозного Дома культуры¹.

Главная задача этого конкурса та же: «Найти новые образы центральных общественных сооружений советских сел, образы правдивые и смелые, которые могли бы быть противопоставлены по красоте и силе старым сооружениям культа, господствовавшим в пейзаже российских деревень» (Хигер, 1936 а).

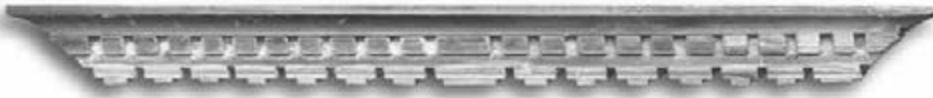
К этому времени рабочих клубов построено уже много – и среди них шедевры Константина Мельникова, Ильи Голосова, братьев Весниных.

Но всё это, во-первых, исключительно в городах, а, во-вторых, всё это конструктивизм.

А в 1932 году – в ходе конкурса на Дворец Советов – в советской архитектуре происходит радикальный поворот: от новаторства к освоению наследия. Как это должно отразиться на архитектуре села – никто не знает. Конкурс, собственно, и призван найти пути решения вопроса. Первым из вариантов оказывается курс на монументальность. Его, еще до объявления конкурса, пробует застrelышник конкурса, архитектор и публицист Роман Хигер. Он делает четыре проекта, в которых вдохновляется образом усадьбы, но – вследствие избыточных размеров – «без уюта и теплоты, всегда ему присущих» (Хазанова, 2000).

Затем он привлекает к работе Ивана Леонидова, чей проект колхозного дворца культуры на 800 мест оказывается еще более грандиозным, недаром современным историкам он кажется «авторским комментарием» к проекту Наркомтяжпрома (Завадовский, 2013). На массивном цоколе возвышается монументальный параллелепипед, окруженный объектами экстравагантных форм, включая сигарообразную башню и лотосовидные колонны. «Проект заставляет вспомнить о мексиканских пирамидах, Ассирии, Вавилоне, Египте, о творчестве Леду» (Хазанова, 2000, с. 104), но также и о недавних проектах Дворца советов И. Жолтовского, В. Щуко, В. Гельфрейха, И. Голосова. Грузностью главного объема он все же куда ближе им, чем устремленному в небо Наркомтяжпрому.

¹ Между понятиями «дом культуры» и «клуб» есть определенная разница, но, поскольку современники описываемых событий употребляют их как синонимы, мы будем придерживаться той же практики

Но в любом случае он страшно далек от чаяний реальной деревни. Правда, «почти все теоретики архитектуры тех лет признавали не только неминуемым, но даже желанным порабощение ее [деревенской культуры] культурой городской» (там же). На упреки в гигантизме Хигер отвечает: «Мы идем сегодня семимильными шагами по пути ликвидации противоположности города и деревни [...] и нет особенного «греха» в том, что у ряда архитекторов заметно желание видеть в будущих агрогородах монументальные сооружения, пусть городского, даже столичного типа. [...] Советская деревня неуклонно развивается по пути изжития «деревенщины», она будет иметь большие общественные сооружения – красивые и величественные. [...] И не удивительно поэтому, что масштабы [...] отдельных общественных сооружений деревни приближаются уже к масштабам и качествам городской архитектуры» (Хигер, 1936 а, с. 46).

Но за этой риторикой нет никакого внятного содержания, что Хигер все же осознает, и в результате участникам предлагается спроектировать клубы разной вместимости: на 100, 180, 500 и 800 человек. Всего на конкурс подано 500 проектов, по его завершению (7 декабря 1935 года) лучшие из них (175) выставлены в московском Доме архитектора.

Результаты же – при рекордном количестве проектов – устроителей огораживают. Хигер вынужден заявить: «Общий уровень работ [...] не высок. Из 500 проектов, показанных на выставке, едва ли можно указать на 5-6 работ» (там же). И в другой статье, не подписанный (а значит, редакционной, транслирующей высшую истину), читаем: «Авторы подавляющего большинства проектов совершенно не справились с задачей архитектурного оформления здания» (Колхозные клубы..., 1936, с. 82).

В результате ни первых, ни вторых премий не присуждено. Только трети: Л. Пономаревой, Л. Твелькнейеру, А. и Л. Урбанам (клуб на 100 человек); М. Савкевич и Н. Остерману (на 180 человек); О. Мунцу (на 500 человек); Б. Рубаненко, А. Гинзбергу, поощрительная премия – архитекторам А. Оху и А. Карре (клуб на 800 человек).

Далее происходит обычный в таких ситуациях поворот. «Ввиду неудовлетворительных результатов конкурса Всероссийская Академия архитектуры привлекла ряд крупных архитекторов к проектированию колхозных клубов и красных уголков» (там же). В решении упомянуты имена А. Щусева, Д. Фридмана, Б. Иофана, А. Мордвинова, Я. Корнфельда, К. Алабяна, И. Фомина и Е. Левинсона.

Но так ли это было на самом деле? Действительно ли конкурс провалился? Или же были какие-то иные причины, по которым результаты пришлось признать неудачными?

Первое, что явно напугало организаторов, это авангардные мотивы, неожиданно просочившиеся из недавно отринутого прошлого: откровенно

мельниковские объемы (Г. Муртазин, Л. Твелькмейер), сплошное остекление (Л. Пономарева), скругленный угловой балкон (Н. Колли). Но признаться в этом организаторы не готовы, поэтому Николай Колли свой нагоняй получает в очень завуалированной форме. «В решениях декоративных деталей [...] Колли идет по пути, подсказанному народным архитектурным творчеством Севера. Эти детали у него всегда конструктивны и выполняют определенную рабочую нагрузку, но местами они решены довольно грубо (консоли главного портика и балкона второго этажа, сама форма балкона, не свойственная деревянной архитектуре и пр.)» (Хигер, 1946 б, с. 43 - 44).

Но мудрый Колли подает на конкурс два проекта, практически близнеца (один – на 200 человек, другой – на 100), но во втором, одноэтажном, уже никаких следов ни конструктивизма, ни балкончика нет. Более того, наличие балкона чудится прообразом хитрого хода, которым будут бороться с худсоветами следующие поколения советских творцов. Заложить в оригинал нечто заведомо непроходное, чтобы гнев упал именно на него, а потом, согласившись с критикой и отринув непроходное, осуществить все остальное. Так и случилось: именно этот проект, один из немногих, был возвращен – в колхозе им. Тельмана в Бурятии.

Правда, основное обаяние этого проекта заключалось в террасах, окружавших здание по всему периметру и рифмующихся с портиком. Но они-то реализованы как раз и не были. Что, в общем, понятно: подозрительная тема (открытые пространства, не имеющие явной функции) и нерациональное расходование пространства (зачем столько террас, если в этой стране полгода зима). Та же проблема – с проектом Бориса Рубаненко. Жюри выдало ему премию, поскольку не могло не оценить изящества проекта, где тоже наличествуют открытые лестницы, роскошная терраса, и все вообще как-то по-итальянски распахнуто, чему способствует и сплошное остекление первого этажа. Но строить же это невозможно! Поэтому композиционное решение проекта практически повторят Игорь Фомин и Евгений Левинсон – только их работа сделана уже с трезвым пониманием особенностей климата. Словно бы их призвали адаптировать легкомысленный проект итальянца к российским реалиям. Поэтому лестницы Рубаненко превращаются у них в суровые боковые объемы со склонными крышами, роскошная терраса – в скромный балкон, вместо элегантной обшивки – брутальное бревно, а весь плотно сбитый объем словно бы съеживается от мороза.

Надо признать, именно этот проект ярче всех отражает тот стиль (назовем его условно «деревянный постконструктивизм»), которым в 1930-е годы застраиваются новые города советского Севера – Игарка, Мончегорск, Кандалакша. Великолепную серию рубленых зданий в Игарке (Дом Советов, здание «Комсевморпути», Управление речного порта) местная

легенда связывает с именем все того же Ивана Леонидова. Который действительно приехал сюда в 1931 году и полгода проработал, делая эскизы планировки развития города и аграрно-промышленного комбината. Никаких документальных подтверждений авторства Леонидова в отношении этих деревянных зданий (увы, утраченных) не найдено, что не мешает жить легенде. «Если до сих пор считалось, что всемирно известный архитектор Иван Ильич Леонидов – это гениальный неудачник, который создал десятки чудесных проектов, но так и не построил ни одного здания, – пишет создатель проекта «Заполярная Игарка» Александр Тощев, – то теперь выясняется, что по его проекту и эскизам в Заполярье был построен целый город, просуществовавший более 70 лет. Открытием для искусствоведов и историков архитектуры будет и то, что весь город был построен из дерева – материала, с которым, как считается, Леонидов не работал».

Однако же, на конкурс Леонидов подает проект, в котором никакого дерева снова нет. На этот раз он вдохновляется виллой Фарнезе, в пятиугольник которой ловко вписывает зал, окружая его по периметру клубными помещениями. Однако, дискуссия о формализме и борьба с «леонидовщиной» продолжается, поэтому очевидных достоинств проекта никто не замечает, зато недостатки подробно разбирает Каро Алабян: «Неудобен план. [...] Плохо расположены комнаты. Освещение распределено неравномерно» (Алабян, 1936, с. 3). (Это произносит архитектор, спроектировавший здание Театра Советской армии – самое нелепое с точки зрения планировки сооружение Москвы XX века). Роман Хигер вынужден присоединиться к генеральной линии партии и написать о своем бывшем соавторе так: «Все требования жизни принесены в жертву «эффектной» и «острой» внешней форме» (Хигер, 1936 а, с. 48).

Бедного закоперщика швыряет из стороны в сторону; ведь о проекте Колли Хигер писал совсем иначе: «Сам образ, сама художественная идея [...] слишком буднична и привычна» (Хигер, 1936 б, с. 44). Но самой страшной его ошибкой окажется размыщение о том, что в проектах сельских клубов «должны быть с особой яркостью отражены характерные особенности районов [...] народное творчество, национальные, географические и климатические условия должны быть одним из серьезнейших факторов, влияющих на формирование архитектурного образа новой деревни» (Цит. по: Хазанова, 2000, с. 107). А в том же номере «Советской архитектуры» читаем, что на 3-й научной сессии Всесоюзной академии архитектуры «было заслушано сообщение тов. Габе о старой крестьянской архитектуре Карелии и возможностях использования ее форм при строительстве новой колхозной деревни» («Архитектура СССР», 1936, № 3. С. 73). Именно эти тезисы и приводят к совершенно неожиданному эффекту. Поскольку проекты не предполагают конкретных адресов, то «гением места» стано-

Л. Пономарева. Проект колхозного дома культуры на 100 человек для средней полосы СССР, 1936
(Музей архитектуры им. А. В. Щусева)

Часовня Иоанна Богослова из д. Зехново (XVIII век)

Часовня Ильи Пророка из деревни Мамонов остров (XVIII век)

Часовня Макария Унженского и Харлампия Мученика из д. Авдотьино (XVIII век)

В. Полков. «Часовня в Кено-зере», 1972 (ГТГ)

Н. Кравченко. Проект колхозного дома культуры, 1935
(Музей архитектуры им. А. В. Щусева)

Но, приглядевшись внимательнее, различаем за ней мотив полиц с повалом – как в Введенской церкви из села Осиново (1776, не сохранилась). Можно прочитать эту форму и как бочку – крышу в форме полуцилиндра с заостренным верхом, образующую килевидный фронтон. Рисунок бочки часто рифмуется с очертаниями куполов храма, словно бы воспроизведя их в разрезе: именно эта симфония плавных линий очаровала художника Ивана Билибина, зарисовавшего в 1903 году Почозерский погост. Иногда в процессе ремонта бочку заменял щипец ломаной конфигурации – как в Успенской церкви в селе Девятины (1770, не сохранилась).

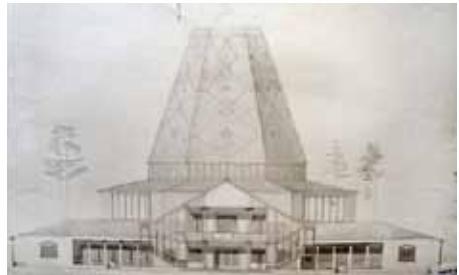
Архитектор В. Антонова безо всякого зазрения коммунистической совести воспроизводит классический шатер деревянного храма – правда, вершину его урезает, а полагающееся шатру основание маскирует колоннадами и лестницами, но невозможно не умилиться тому, как желание создать высотный акцент толкает архитектора на проторенный предками путь. Аналогов этому решению в культовом зодчестве не счесть, возьмем для примера Никольскую церковь в Пурнеме (1618) или Ильинский храм в Усть-Вые (1600, не сохранился). А Георгий Валенков (один из главных конструкти-

Введенская церковь в селе Осиново (1684, не сохранилась)

Церковь Иоанна Предтечи в селе Шуя (XVII век, не сохранилась)

Успенская церковь в селе Девятины (1770, не сохранилась)

И. Билибин. «Почозерский погост», фото 1903

*В. Антонов. Проект клуба на 300 мест, 1940
(Музей архитектуры им. А.В. Щусева)*

*Г. Валенков. Проект Красного уголка для хлопководческих районов Средней Азии, 1935
(Музей им. А.В. Щусева)*

вистов Свердловска, автор знаменитого здания ДОСААФ) вынужден пририсовывать к шатру своего клуба серп и молот (отчаянно вылезая при этом за пределы листа и разрывая рамку) – чтобы сходство с культовой архитектурой не так бросалось в глаза.

Критика всё это с ужасом видит, но боится назвать вещи своими именами: «Вряд ли верны все те работы, которые пытаются создать на очень небольшой программной основе (зал на 100 человек и несколько клубных комнат) большой объем и развить его в высоту для эффектного решения силуэта» (Хигер, 1936 а, с. 47). Но вот большой объем создается для соответствующего зала (на 300 человек) и в высоту автор его не развивает, но сама по себе задача объединить в одном пространстве такое количество людей приводит Генриха Людвига к изобретению «двенадцатирика». Русская архитектура такого не знала, даже «десятирик» существует лишь в единственном экземпляре – в Воскресенской церкви в Важинах (1630). Но при этом привычный «восьмерик» строится ровно по той же логике – как, например, у Покровской церкви Кижского погоста (1764). Кстати, ее знамени-

*Ильинский храм Выйского погоста (1600, не сохранился)
Никольская церковь в с. Лявля (1584) до реставрации
Никольская церковь в селе Пурнема (1618)*

Г. Людвиг. Проект колхозного дома культуры на 100 человек для северных районов СССР, 1936 (Музей им. А.В. Щусева)

А. Щусев. Проект церкви в Глазовке, 1909

тый фронтонный пояс появляется и у Людвига – в виде фронтонов, окружающих купол.

Технарь Людвиг очень любит круглые призмы – они есть у него в проектах и Дворца труда (1923), и Дворца советов (1932), и речного вокзала в Сочи (1930-е), но силуэт призмы он каждый раз создает по-разному. Так и тут: все три яруса клуба разного диаметра, но не за счет изменения количества стен, а за счет изменения длины бревна. Это привычный ход, хотя старая русская архитектура знает и другие пути построения сложного силуэта, как, например, в церкви Иоанна Предтечи в Кандалакше (1801, не сохранилась): на четверике – восьмерик, на нем – четверик, на последнем – шестерик.

Удивительно, но проект Людвига удостоился похвалы Хигера («необычный, но все же реалистичный образ колхозного общественного сооружения»), однако даже в рецензии фигурирует лексика из разряда «устар.», хотя и взятая в остранные кавычки: «Симметрично поставленные боковые «клети» [...] придают всей композиции характер устойчивости и серьезности» (Хигер, 1936 б, с. 41). Продолжит тему Николай Всеволожский в

Воскресенская церковь в селе Важины (1630)
Церковь Иоанна Предтечи в селе Кандалакша (1801, не сохранилась)
Покровская церковь погоста Кипи (1764)

О. Мунц. Проект колхозного дома культуры с залом на 250 человек для северных районов СССР, 1936 (Музей архитектуры им. А.В. Щусева)

И. Грабарь. «Церкви села Ракулы в XVIII веке», 1903 (фрагмент)

1945 году, нагружив похожий объем россыпью резных деталей, рустом, фронтонами с гирьками и без, характерными для модерна трапециевидными окнами. Именно за счет этой буйной декоративности Всеволожскому удастся уйти от образа храма – в северной традиции гораздо более сдержанного и аскетичного. Впрочем, трактовать это пиршество приходится в духе компенсаторики: этот проект зодчий делает безо всяких конкурса – как заключенный Ивдельлага (Колмаков, 2010).

Оскар Мунц, 65-летний мэтр, автор доходных домов в Петербурге и Волховской ГЭС, строит центральный объем своего клуба как череду последовательно увеличивающихся подобных треугольников. За этим легко считывается распространенный в культовом зодчестве прием, идущий от самых ранних – клетского типа – построек, логично оформляющий паперть, сени и крыльцо. Примеры – Никольская церковь Оштенского погоста (1791, не сохранилась) или одна из самых древних деревянных церквей России – Георгиевская церковь в Юковичах (1493).

Гораздо хитрее выглядит проект его сына Владимира Мунца, одного из авторов здания Академии Фрунзе: высокая квадратная в плане башня раз-

Никольская церковь Оштенского погоста (1791, не сохранилась)
Георгиевская церковь в селе Юковичи (1493)
Успенская церковь в г. Иваново (начало XVIII века, 1906)

В. Мунц. Проект колхозного дома культуры, 1944 (Музей архитектуры им. А. В. Щусева)

А. Оль. Дача писателя Леонида Андреева в Райволе (1908, не сохранилась)

верстана на четыре вытянутых щипца (1944). Такие высокие четверики существовали в районе Пинеги и Мезени, они представляют собой отдельную типологию храмов с шатром на крестчатой бочке – как, например, Михаило-Архангельская церковь (1685) Юромского погоста. Еще более высокий четверик мы видим на гравюре, сохранившей облик Воскресенского собора в Коле (1684). Прямым же аналогом рисунка щипцов мунцевского клуба может служить Предтеченская церковь на Ширковом погосте (1697), уникальная тем, что построена «четвериком на четверике».

Тема же башни как таковой появляется лишь с проникновением в Россию мотивов скандинавского модерна – например, в знаменитой даче писателя Леонида Андреева (архитектор Андрей Оль, 1908). А если с «наследием народного зодчества» еще надо было определиться, то с «буржуазными перепевами» все было ясно. Если авторы заимствовали ходы не напрямую из старинного зодчества,

Михаило-Архангельская церковь Юромского погоста (1685, не сохранилась)
Церковь Иоанна Предтечи на Ширковом погосте (1697)

а из переосмыслившей его архитектуры начала XX века (трапециевидные вырезы у А. Стельмащука, утрированные выпуски бревен у Ф. Тернавского), критика реагировала однозначно. «Во многих вещах сквозит тенденция воспроизведения деревянной рубленой архитектуры Севера. Но большинство авторов не пошли в этом направлении дальше тех «образцов», какие давно уже известны по «альбомам дач» в русском стиле, имевшим широкое распространение в довоенное время» (Хигер, 1936 б, с. 49).

Но если в вышеназванных проектах архитекторы сознавали опасность сближения с прототипами и всячески эти ассоциации смягчали, обрезали, ограничивались деталями, то архитектор Олег Вутке (автор первого в Смоленске дома-коммуны) оступился серьезно. Силуэт его клуба настолько близок к часовне (в клинчатое покрытие врезан маленький шатер с пятиконечной звездой), что тут уж критика не вытерпела. «Он воспроизвел силуэт и формы старинной рубленой церкви и назвал это домом культуры, – возмущается Хигер. – Но почему колхозный ДК должен быть похож на церковь? Ведь мы ищем образа новой колхозной архитектуры, которая должна быть противопоставлена старой церковной доминанте села и превзойти ее по силе и остроте воздействия. Мы не хотим ассоциации с церковным строительством [...] мы стремимся к ассоциациям с передовыми образами науки и техники, враждебными религии» (Хигер, 1936 а, с. 47).

Тем не менее, ничего подобного получить не удалось. Поэтому через четыре года, осенью 1939-го, Наркомстрой и ВЦСПС объявляют второй конкурс. Ключевое его слово – «типовой», а главное требование – «добиться наибольшей экономичности сооружения» (Сурик, 1940, с. 33). Организаторы отдают себе отчет, что «применение полученного этим путем типового проекта в реальных условиях чаще всего влечет за собой неизбежные переделки» (там же). Поэтому обеспечить одним махом «типичность», «экономичность» и «гибкость» может лишь небольшой клуб: «примириться с несоответствием проекта реальным условиям можно только в маленьком типовом сооружении, каким является клуб с залом на 300-400 мест» (там же, с. 34). То есть, единственный урок, извлеченный из первого конкурса, связан с завышением масштаба. Но «отсюда вовсе не следует, что советскому клубу [...] нужно придавать характер провинциальной загородной «виллы-резиденции». Этого не понял арх. Л.Н. Павлов» (будущая звезда советского модернизма), чей проект – «палладианская вилла, рассчитанная на размещение в обширном парке, удаленном от всякой другой застройки» (там же).

Тем не менее, чтобы предостеречь авторов от планировки, провоцирующей нежелательные аллюзии, предпочтительным был обозначен «прямоугольный зрительный зал с поперечным его размещением [...] что давало возможность максимально удлинить главный фасад, и тем самым придать

ему необходимую парадность» (Хазанова, 2000, с. 147). Автор этих строк, Вигдания Хазанова, главный историк советских клубов, вынуждена обходить стороной тот простой факт, что именно такое композиционное построение лишает клубы возможного сходства с церквями, имеющими, как правило, продольную планировку и вход с торца. Именно поэтому главным недостатком проекта Льва Лисенко названо «расположение главного входа с торца небольшого здания» (Сурис, с. 35). Тогда как в проекте Александра Стельмащуга (одного из авторов свердловского «Городка чекистов») «общественный характер здания выражен хорошо найденными, вытянутыми по горизонтали пропорциями стены и центральной входной лоджии с балконом» (там же).

На конкурс поступило 450 работ. «Многие из авторов счастливо избежали опасности «амбарной» или «дачной» трактовки архитектурных форм» (там же), а победитель конкурса избежал главной опасности – ассоциаций с культовым зодчеством. Проект клуба на 200 мест Льва Лисенко – это крест в плане, три торца которого завершаются портиками прекрасных пропорций (куда более удачных, чем у Николая Колли). При этом никаких «глупостей» вроде открытых террас, балкон всего один и на втором этаже – явно для выступлений с него. Разве что вход с торца. Общий же образ уведен в сторону классицизма, при этом жесткая рациональность плана и пафосная монументальность портика лишает его и ассоциаций с дворянской усадьбой.

Казалось бы, вектор определен: именно в классическом ключе будут в ближайшие сорок лет строиться сельские клубы и дома культуры. Непонятно только, какое отношение к этому тренду имеют слова критика Якова Корнфельда, который подводит итоги конкурса. «Использование наследия заключается не в копировании отдельных элементов и не в перенесении на современные постройки народного орнамента, а в освоении замечательных по своей архитектурной и конструктивной логичности приемов народного творчества, приемов, полноценно учитывающих природу, и рельеф, и быт, и климат, и национальные особенности, и местные строительные материалы, и местные строительные навыки» (Корнфельд, 1941, с. 52). Ведь ровно теми же принципами руководствовались архитекторы начала XX века (Федор Шехтель, Лев Кекушев, Иван Бондаренко, Сергей Вацков), сумевшие извлечь из традиций квинтэссенцию и создать на ее основе «неорусский» стиль. Заглянув глубоко, за эклектику и классицизм, они как будто впервые увидели каменные храмы Пскова и Новгорода, деревянные церкви русского Севера. Их рукотворную неровность, их живописную пластику, их спонтанную асимметрию они восприняли как воплощение органичности, естественности, живой жизни. А именно это было лозунгом эпохи. Что и позволило прочесть все неровности силуэта как плавную линию стиля «модерн».

Но им не было нужды декларативно рвать с прошлым. Наоборот: радость узнавания, уггадывания за модным – древнего, сделала «неорус» безумно популярным, превратив его в основной стиль «дачного бума»

1900–1910-х годов. У советских же архитекторов в 1930-е годы именно идеологическая задача становится основной: разорвать все связи с историей, освободить образ от вредных ассоциаций. И именно с нею они не справились, обнаружив полное бессилие перед логикой материала. Всякое стремление к высотной доминанте кончается шатром, всякая попытка оформить вход оборачивается церковным крылечком, а порыв создать единое пространство для массовых мероприятий с той же непреложностью возвращает к кафолиону. «Церковь не в бревнах, а в ребрах», – говорили русские старообрядцы, долго лишенные возможности строить храмы. Анализируя же материалы двух этих конкурсов, можно сказать, что и в бревнах церковь тоже.

Кстати, проект-победитель поражает не только выверенными пропорциями, но и дотошным знанием тех самых «замечательных по своей архитектурной и конструктивной логичности приемов народного творчества». Сруб стоит на каменном фундаменте, стыки бревен защиты досками, кровли перекрывают друг друга, не образуя «снеговых карманов», их свесы точно рассчитаны. Это неслучайно: Лев Лисенко еще в 1938 году побывал в Кижах и обмерил ансамбль погоста. А в недалеком будущем именно он станет автором проекта реставрации Кижского погоста и ведущим в стране специалистом по древнерусскому деревянному зодчеству. То есть, тема вернется к своему первоисточнику.

ЛИТЕРАТУРА

- Алабян К.С. Против формализма, упрощенчества, эклектики // «Архитектура СССР», 1936, № 4. С. 3.
- Былинкин Н.П., Рябушин А.В., Калмыкова В.Н., Сергеева Г.В. История советской архитектуры. 1917–1954. М., 1985. С. 178.
- Завадовский П. Стиль «Наркомтяжпром». К 110-летию со дня рождения Ивана Ильича Леонидова // «Архитектурный вестник», 2013, № 2.
- Колмаков А.В. Карельский период в творчестве Н.А. Всеволожского // «Архитектон: известия вузов», 2010, № 30.
- Колхозные клубы, дома культуры // «Архитектура СССР», 1936, № 6. С. 82.
- Корнфельд Я. Колхозный клуб // «Архитектура СССР», 1941, № 6. С. 52.
- Новиков А. Деревенский киоск // «Современная архитектура», 1926, № 1. С. 35.
- Сурик А. Проекты типовых клубов // «Архитектура СССР», 1940, № 7. С. 33.
- Хазанова В.Э. Клубная жизнь и архитектура клуба. 1917–1941 гг. М., 2000. С. 102.
- Хигер Р.Я. Всесоюзный конкурс на колхозный дом культуры // «Архитектура СССР», 1936 а, № 3. С. 44.
- Хигер Р.Я. Колхозные клубы, дома культуры // «Архитектура СССР», 1936 б, № 11. С. 43–44.
- [Хроника] // «Архитектура СССР», 1936, № 3. С. 73.

Деревянная народная архитектура: документы, охрана и презентация

Вера Коваржу

Институт национального наследия (Чехия)

Национальная или народная архитектура является важной составляющей поселений сельских районов, играющей фундаментальное значение для людей всех поколений. Моравия считается одним из культурных перекрестков Европы и областью, в которой сосредоточено множество традиционных сельских построек. Вот почему мы пытаемся собрать, проверить, сопоставить и изложить как можно больше информации о них. Мы стремимся сохранить и защитить их аутентичность и традиционные строительные приемы.

Для традиционной сельской архитектуры характерно использование природных строительных материалов. Местные материалы из окрестностей служили важным ресурсом для земледельцев и их жилищ. Вслед за Вацлавом Менцлем мы можем сказать, что дерево, глина, камень, солома и хворост являлись неотъемлемыми элементами сельской архитектуры. Подобные первичные материалы играли важную роль в жизни ремеслен-

Большой Карлович. Овчарня с новой крышей.

ников, плотников, кирпичников, каменщиков и кровельщиков (по соломе). Они работали вместе с владельцами и строителями над постройкой уникальных сооружений, которые, во множестве случаев, могли сохраняться на протяжении многих поколений.

В данной статье мы хотели бы сосредоточиться на использовании дерева, хвороста и соломы в сельских постройках Моравии. Деревянные сооружения можно обнаружить практически во всех регионах: Горацко на востоке, в районе Оломоуца на севере, в Злинском регионе на востоке, северо-востоке, а также в центральной и южной Моравии. Многие известные исследователи и такие авторитеты, как Вацлав Менц, Вацлав Фролец, Йозеф Варжека, Антонин Куриал, Йозеф Свобода и Иржи Лангер высказывались или упоминали о деревянной архитектуре в своих книгах. Карты первой трети 19-го века показывают, что деревянные дома были распространены по всей Моравии. Исторические исследования, проведенные студентами технического университета Брно, под руководством профессора Антонина Куриала, в середине 20-го века (см. ниже), подтвердили наличие значительного числа деревянных домов и привлекли внимание к данной теме. Некоторые из подобных построек строились по технологии домов-мазанок из сырцового кирпича, а затем белились, напоминая кирпичные постройки. Глина была одним из наиболее распространенных строительных материалов в моравском регионе. Подобный тип деревянных строений в основном обнаруживается в Копанице на востоке, Гане в центральной и средней Моравии и Горацко на западе.

Вшемина. Реконструкция бревенчатого амбара.

Кратка. Интерьер охраняемого памятника до корректировки для рекреационных целей

Себранице. Сохранные бревенчатые стены у входа во двор.

Шеститабулкове. Деревянное окно.

При строительстве деревянных сельскохозяйственных построек применялись самые разнообразные техники, приемы и методы, часто отражающие различные локальные подходы и стилевые особенности и обычай, свойственные той или иной местности Моравии. Наиболее популярными были срубы и технология стенных блоков, при которой отдельный блочный панели поддерживались деревянными либо каменными подпорами (пилонами), некоторые из которых представляли собой каркасную конструкцию.

Нельзя обойти вниманием и деревянные фронтоны (многие из которых искусно декорированы резьбой или простыми цветочными украшениями), гонтовые крыши, изгороди самой различной конструкции и другие деревянные конструкции. Все это означает, что мы можем говорить о различных типах используемой древесины, а также строительных методах и, разумеется, их предназначении.

Следует обратить внимание на то, что эти уникальные объекты архитектурного и культурного наследия данной территории уже с конца 20-го века оказались под угрозой утраты. В настоящее время положение несколько исправилось, однако с другой стороны, можно сказать, что интерес к народной архитектуре остается крайне неразвитым. Новые постройки характеризуются в большей степени индивидуальностью и строятся вне контекста и безотносительно к характерным и самобытным особенностям близлежащих традиционных построек и окружающей их сельской застройки в целом. Там, где традиционные и эстетические особенности и характеристики были забыты, деревни утратили свою аутентичность и теперь больше напоминают городские пригороды.

Кратка. Старинные объекты на охраняемой территории

Хералец. Объединение усадьбы в одном дворе

Последний бревенчатый дом в Драганском нагорье.

Бревенчатый амбар, выбранный для передачи в музей.

Веселка. Неверная концепция модернизации дома: кирпичные наружные стены, подчеркнутые стыки между балками.

Подходы к сохранению, которые помогли задокументировать и поддерживать в хорошем состоянии сельские постройки и деревни, были разработаны уже с начала 20-го века. В то время представители Австрийского ведомства по охране архитектурных памятников старалось сохранить наиболее ценные постройки и сооружения. Одним из таких сооружений было деревянное крестьянское хозяйство fojcht в Велке Карловице (его копия находится в Валашском музее), а также и другие рубленые постройки из Валахии.

В Чешском национальном институте по защите национального наследия в настоящем планируется должность специалиста по народной архитектуре, этнолога или же архитектора. Программа по защите наследия фокусируется на отдельных жилищах и хозяйственных постройках в деревнях все более широкого охвата деревенских районов страны. Существуют также и целые группы охраняемых памятников архитектуры. Министерство культуры приняло решение об охране данных групп памятников посредством особого законопроекта, принятого правительством в 1996 году и позволившего создать Folk Buildings Reservations (музеи-заповедники народной архитектуры). Данный тип охраняемой территории обеспечивает наиболее высокий уровень охраны, однако подобные зоны могут включать не только памятники, но и постройки, не имеющие большой исторической ценности.

Обратимся также и к заповедным территориям, посвященным непосредственно деревянной архитектуре. В западной Моравии были созданы заповедники Кратка и Кржижански, а вблизи Голешова также и часть деревни Рымице, в которой деревянная архитектура представлена лишь

отчасти. Области (зоны) в пределах заповедных территорий, содержащие небольшие скопления памятников, можно наблюдать в Гусленках – район Кывнячки, в Здъехове у Гайдовых Пасек, а также в Велке Карловице в долине Подтяте. Порой может складываться крайне неблагоприятная ситуация – как для местного населения из сельских поселений, так и для сотрудников института – когда создаются так называемые крупные охраняемые территории вокруг группы памятников, однако большинство построек не получают статус объектов охраняемого наследия, а значит финансовую поддержку правительства. Существуют также охраняемые территории, включающие винные погреба, в основном построенные из сырцового кирпича, но с деревянным каркасом и деревянными деталями, балочной конструкцией крыш, фронтонами, лестницами, полами, дверьми и т.д.

Нельзя также не упомянуть и обо взаимоотношениях между владельцами охраняемых объектов наследия и их собственностью. Тяжелее всего наладить баланс интересов для специалиста по охране памятников, как и для властей и чиновников, ответственных за результаты принимаемых решений. Владелец чувствует себя ущемленным в правах. Финансовая поддержка правительства (Министерства культуры регионального совета) может помочь решить данную проблему в том, что касается ремонта крыш или

Хоралец. Бревенчатый дом до модернизации.

фундамента. Однако владелец должен оплачивать определенную часть расходов и лишь в исключительных случаях получает полное финансирование. Финансовая поддержка может оказываться в том случае, если тот или иной архитектурный памятник представляет особую ценность, или же если владелец не может позволить себе начать работы по реконструкции.

По моему опыту, крайне важно неоднократно проводить инструктаж с владельцами, чтобы указать им на положительные примеры различных деревень, а также проводить презентации как для фермеров, как и для полномочных должностных лиц и публики. Иногда все так и остается лишь теорией, а представители деревенского населения говорят: Нам не нравится быть в заповеднике (резервации), мы – не индейцы.

На уровне практики оказываются весьма полезны мастерские ремесленников, специализирующиеся на производстве древесины и других первичных природных ресурсов. Благодаря подходам подобного типа становятся известны и некоторые организации по охране наследия, пропагандирующие ценность сельской архитектуры и следящие за сохранностью архитектурных памятников. Весьма важную роль играют и документальные фильмы, демонстрирующие методику работы с теми или иными строительными материалами. Один из подобных фильмов, показываю-

Кратка. Реконструкция дома.

щий, как реконструировать сруб, был сделан на юге Валахии при финансовой поддержке владельца, г-на Яна Пивечки. Он был снят при участии группы плотников из потомственной семьи плотников из окрестных деревень Валашске Клобоуки, при этом режиссурой и сценарием поставили акцент на традиционных строительных методах.

Был также снят и фильм о постройке и реконструкции домов-мазанок: выкопка материала, складывание стен из сырца и т.д. И еще о домах из камня – сооружениях из различного камня, используемого при строительстве амбаров, конюшен и, конечно же, жилых построек. Все эти фильмы были сняты по заказу Национального института традиционной культуры Стражнице при финансовой поддержке ЮНЕСКО.

Документация подобной, крайне важной информации по охране памятников архитектуры включает обмеры избранных домов. Существуют две важнейших коллекции обмеров. Первая была создана в течение Второй мировой войны студентами-архитекторами под руководством профессора Вирта, попытавшегося спасти студентов ввиду перспективы принудительного труда в Германии. После войны профессор Антонин Куриал, преподаватель Технического университета Брно, работал вместе со студентами над обмерами и документированием сотен объектов по всей Моравии, а также на западе и в северных частях Словакии. Первым шагом было исследование и зарисовка объектов в масштабе 1:200 см. Затем юные архи-

Данковице. Бревенчатый дом на деревенской площади.

текторы составили планы избранных построек, представляющих особую ценность, в масштабе 1: 100 or 1: 50 см. Они сделали эскизы множества деревянных построек в западной (Горацио), центральной и восточной Моравии, в особенности в Карпатах, на территориях, окружающих Рожнов, Всетин, Валашске Клобоуки и Злин. Обмеры и планы были опубликованы в специальных Katalogs (каталогах) вместе с текстами и очерками о характеристиках построек народной архитектуры в данной области. Подобные каталоги крайне полезны для разнообразных дисциплин, в особенности для студентов этнологии, инженерии и архитектуры, и для различных научно-исследовательских институтов и университетов. Я бы хотела добавить, что данные каталоги весьма специфичны – и уникальны: в других странах центральной Европы ничего подобного просто не существует.

И это не единственный успех. Словакский Музей, расположенный в Южной Моравии, разработал проект под названием Folk architecture: known and unknown («Народная архитектура: известное и неизвестное»). Данный проект, при поддержке министерства культуры и администрации Злинского края, потребовал проведения исследований в каждой деревне региона для получения самых последних данных о деревнях в третьем тысячелетии. Команда этнологов, архитекторов и историков провела ряд ландшафтных исследований, результатом которых явилось создание четырех книг о текущем состоянии обследованных территорий. Авторы

Кадов. Бревенчатый дом и деревянное хранилище для молока

описали специфические особенности поселений и элементы урбанистической культуры в деревне, уделив внимание архитектурному стилю, а также нуждам в области сохранения сооружений традиционной архитектуры. О деревянной архитектуре речь шла в трех из данных четырех книг. Они пользовались популярностью, а потому было решено выпустить их новое издание.

Наконец, я бы хотела упомянуть о проекте *The Year of Folk Architecture* («Год народной архитектуры»), о проведении которого было заявлено в прошлом, 2013-м году. В нем принимали участие все учреждения по охране памятников архитектуры и многие местные и региональные советы в Моравии. Мы проводили выставки, подготавливали публикации о постройках деревянной архитектуры, представляли документы и проводили собрания с обитателями тех или иных деревень. Все это способствовало росту заинтересованности к судьбам сельской архитектуры и людей, живущих в сельской местности.

Логика окружающей среды народного строительства

Игорь Крпелан

ИК ПРОЕКТ конструкторское бюро, Вышны Кубин (Словакия)

Формирование выразительной части народной культуры, особенно деревянных построек, происходило под влиянием длительно устойчивых условий края. Они были основной предпосылкой возникновения архитектурных свойств и строительных приемов, характеризующих регион. Верные знания территории, геоморфологических и климатических условий, местных источников строительных материалов дали возможность развитию строительных произведений вне временной ценности, которые могут быть примером решения современных проблем.

Введение

«Человек допускает ошибку не в том, что расширяет границы своих возможностей, но в том, что так поступает, не заботясь о поддержании естественной преемственности и гармонии со средой, в которой живёт, забывает, что является ее элементом».

Формирование выразительной части народной культуры, особенно деревянных построек, происходило под влиянием длительно устойчивых условий края. Они были основной предпосылкой возникновения архитектурных свойств и строительных приемов, характеризующих регион. Верные знания территории, геоморфологических и климатических условий, местных источников строительных материалов дали возможность развитию строительных произведений вне временной ценности, которые могут быть примером решения современных проблем. Сохранённые фрагменты традиционного народного строительства в Словакии являются свидетельством логики окружающей среды и их создателей, но главным образом их уважения к стране как части природы, материального мира.

Логика окружающей среды народного строительства

С долгосрочной позиции, восприятие характера природной среды, отмеченной человеческой деятельностью, только на основании формальных элементов не дает настоящего знания исторического потенциала развития культуры. Объяснение появления любого продукта человеческой деятельности главенством формы над содержанием, вместо необходимого выявления фундаментальных причин, ведёт часто не только к ошибочным заключениям, но и к невозможности раскрыть смысл наследия будущим поколениям.

Людям нашего времени необходимо представлять решение проблем существования людей в традиционной культуре. Это решение – особенно удивляющее высокой степенью отношения к окружающей среде как естественной части существования, основанное на гармонии с окружением, в то время сложным, неразделенным на энергию и пространство, с очень трудоемкими производительными комплексами. В этом отношении большое значение имела ручная обработка материала, от рубки до готового продукта. Ручная обработка оказывала непосредственное влияние на восприятие материала благодаря живому органическому контакту с ним. Дерево, из которого получался строительный материал, не было анонимной материей, как в настоящее время. Уважение к материалу, верное знание его свойств, которое накапливалось поколениями, приводили к пониманию и использованию внешних и внутренних особенностей материала. Такие знания давали возможность включить в общий выгодный результат и силы, скрытые в материале.

Способ оценки этих фактов в наши дни имеет рациональную основу, что часто приводит к невозможности выявления реальных фактов и происходивших процессов, отнесения их к суевериям или другим, с нашей точки зрения, трансцендентным явлениям. Способ мышления людей в прошлом был в основном под влиянием мифологии. Магические силы составляли неразрывную часть мировоззрения, играли решающую роль при обсуждении и принятии любого решения. При таком же способе мышления люди приходили к необходимости и возможности познания действительности, которые в значительной мере были основаны на практических побуждениях с рациональным ядром. В качестве аргумента применения традиционной народной архитектурой проверенных принципов и логики окружающей среды в следующей части статьи приведено несколько примеров.

1. В большой степени на качество строительного произведения влияло уже упомянутое верное знание особенностей места с точки зрения вне-дорожных условий, круговорота атмосферных и подземных вод, преобладающих ветров, ориентация по странам света и др. Дом располагался в соответствии с указанными факторами так, чтобы строительство не осложнялось этими компонентами, а наоборот использовало их. При этом изменение естественного рельефа было минимальным. С точки зрения сложностей посадки новой постройки, это было очень выгодно. Своей естественной конфигурацией здание было приспособлено к местности (рис. 1). В этом отличие от современного строительства, выравнивающего строительную площадку, за счет чего нарушается геологическая устойчивость подбалласта, не говоря об экономической сложности работы (рис. 2). Как правило, налицо подчинение стабильным столичным формам доминирующих строительных типов. В этом заключается выразительный

Рисунок 1. Постройка, при-
способленная к бездорожью

Рисунок 2. Грубое вме-
шательство в ландшафт

контраст современной строительной культуры низшего уровня. Часто она отличается хаотическим устройством урбанистических систем и разнохарактерной архитектурой.

2. Несомненно, интересно и первоначально невероятно звучит утверждение старых мастеров, что «деревянные домики, у которых основные деревянные части не помечены крестом, имеют короткую жизнь». Без следующего объяснения эту информацию можно понять только, как часть ритуала, связанного с отбором ствола дерева, без рационального обоснования. В действительности при выборе дерева в лесу (весь процесс содержит и другие практические подробности и заслуживает отдельного внимания) на дереве ставилась метка над местом будущего отруба: с южной стороны вырубался топором памятный крест. В дальнейшем крест давал возможность ориентироваться при последующей продолжительной обработке дерева и укладке на определенное место. В срубе крест всегда был на верхней (южной) стороне бревна, которое было повернуто вниз северной стороной, где дерево является самым густым и больше всего сопротивляется влажности. Кром того, ось ствола дерева образует искривление, ориентированное на север. При горизонтальном положении в стене сруба подобная укладка бревна является натуральным способом обеспечить его обязательное напряжение и современное стабильное сохранение на обоих концах (Рис. 3). На этом примере нужно осознать и способ сохранения и передачи информации только формой, настоящее значение которой часто не понимается (Адам Марко Зазрива и др., 1992).

3. Следующим примером является рациональный способ сооружения деревянных построек только на основе не плотной, свободной укладки камней. Такой строительный прием обеспечивал возможность поверх-

ностным водам стекать без риска деформации строения от замерзания грунтов. Этому замерзанию противостояли фундаменты твёрдой конструкции, которые были заглублены ниже уровня промерзания грунта (Рис. 4). Конструкция стены сруба, в которой использовалось искривление бревен в контактных пазах, является логическим следствием потребности сохранить возможность независимых фигурных изменений одиночных элементов (натуральное качество дерева). Не стоит забывать и факт, что при такой обработке дерево не поддается влажности и как строительный материал сохраняется лучше всего (рис. 4). Четырёхсторонняя обработка стенных бревен, часто приводящаяся в специальной литературе как ходячий конструктивный прием, применялась чрезвычайно редко (некоторые сакральные строения).

4. Примером рационального использования природных физических процессов, главным образом в тяжелых климатических условиях, служит обогрев подкровельного пространства посредством печных труб, которые кончаются над уровнем пола чердака, благодаря чему устраняется снежная нагрузка крыши. Это дало возможность отредактировать конструкцию кровли на осевую длину стропила 1200–1400 мм с сечением 100–140 мм. Недооценка этого факта часто приводит к деструкции крыш подлинных бытowych объектов, построенных без обязательного пуска тепла под крышу. Отвод дыма в подкровельное пространство имел и другие практические выгоды. Смолистое вещество (содержащееся в дыме) обеспечивало консервацию конструктивных элементов кровли и кровельной дранки, будучи безупречной защитой от воды и дереворазрушающих факторов. Внимания заслуживает и конструкция кровли клещевого комплекса с характерным

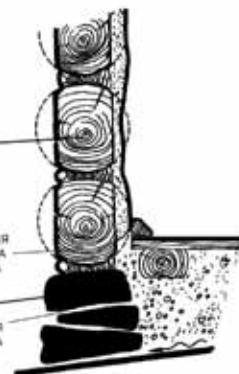
Рисунок 3. Северная и южная стороны дерева

Рисунок 4. Конструкция стены сруба на каменной основе

СЕВЕРНАЯ
СТОРОНА
БРЕВНА

ЖИДКАЯ
ОСНОВА

разделением штифа крыши. Главным образом нижний излом оштовой части крыши, считающийся в основе только эстетическим элементом, удивляет со статической точки зрения. В крыше, сделанной таким образом, нет ветровых крестовин, необходимых при двухскатной крыше. Также удивляет, с экономической точки зрения и с точки зрения строительной механики, остроумное наложение конструкции крыши при посредстве обводных заключений края кровельных брусьев. Множество использованного материала имеется с таким решением восстановленный на необходимое минимум и сверх того воздействие крыши с кровлю обеспечивает определенное смещение потолочных балок, благодаря чему повышается полезная нагрузка (рис. 5).

5. Декор в изобразительном выражении применялся минимально и только на деталях, которые не выходили за рамки конкретного назначения. Обязательно декор имел место в символике гербов и изображений, происходящих чаще всего из метафизического понимания некоторых явлений, в стремлении защитить жилище от злой силы. В действительности мало конструктивных элементов, которые выполняли только одну эту функцию, хотя, на первый взгляд, складывается такое впечатление. Одним из примеров служат столбики на вершине крыши, часто богато украшенные резьбой различного характера. Установленный на самом высоком месте дома, столбик нес функцию защиты жилища. Практически же он служил для накрывания штитовой части крыши в том месте конфигурации конуса, где не было возможности выполнения кровли так, как при прямолинейной грани гребня: в последнем случае дранка ската с наветренной стороны была выше, чем с противоположной стороны. Некоторые столбики имели еще и другое назначение фасций. При аппретуре их верхней части в виде короны с четырьмя фасциями, между последними укладывалась скорупа

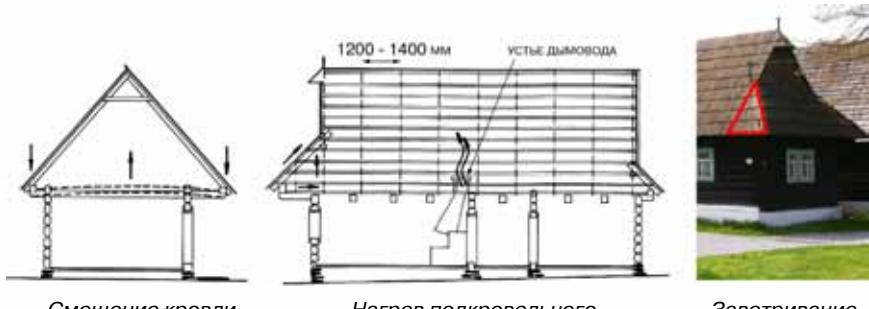

Рисунок 5. Устройство кровли

Рисунок 6. Кровельный столбик

цельного яйца с отверстием для воздуха. Скорлупа держалась, как в клетке, при помощи гвоздиков, вбитых в вершину короны (рис. 6). Это было рентабельное устройство для отпугивания птиц и даже насекомых звуковыми эффектами, неслышными человеческим ухом. Источник этих звуков – мягкая вибрация скорлупы под воздействием течения воздуха (по рассказу Йосифа Турчака, 1973 г. Подбиел).

6. Примером эффективного использования природного продукта является глина, которая в регионах бытования деревянной архитектуры употреблялась на глиняные полы (рис. 7) и на постройку печи. Удивительным

Рисунок 7. Глинобитный пол

и модельно энвайронментальным является технологический процесс использования глины с полевых дорог (рис. 8), которая добывалась после Дня Михала (конец сентября – начало октября), когда с полей был собран урожай, а скот и овцы пригнаны в деревню с летних пастбищ. Глина, обогащенная таким натуральным способом нужными компонентами из кала домашних животных и остатков растений, имела качество готовой строительной смеси, пригодной для употребления (по информации Либора Патлугу Малатина 1994).

7. Когда обсуждаем логику строительных процессов, которые существуют в традиционном народном строительстве, отдельного внимания заслуживают источники тепла, конструктивные и технологические приемы их сооружения. Приведём пример, известный из материалов, получённых при обследовании народной архитектуры на Ораве (Рис. 9). Функция такой печи состояла не только в отоплении жилища, но и в приготовлении еды. Печь использовалась для выпечки хлеба, и ее размер был задан количеством хлеба, для которого она была поставлена. Размер печи зависел не только от выпечки нужного количества булок, но и от аккумулирующей способности печи. Хлеб выпекался в печи не когда в ней горел огонь, но посредством тепла, аккумулированного отопительной печью при нужной температуре. В пустую печь укладывали хлеб. Желаемые параметры достигались за счет объёма использованного материала каменной части печи, но главным образом благодаря большому объему глины, из которой были сделаны стенки и свод. окружающие пустое внутреннее пространство для хлеба (объём был точно установлен). В такой печи пекли хлеб желанного качества без присутствия хозяйки. Стоит упомянуть способ устройства печного купола с деревянной опалубкой, на которую уклады-

Рисунок 8. Следы дорог по добытой глине

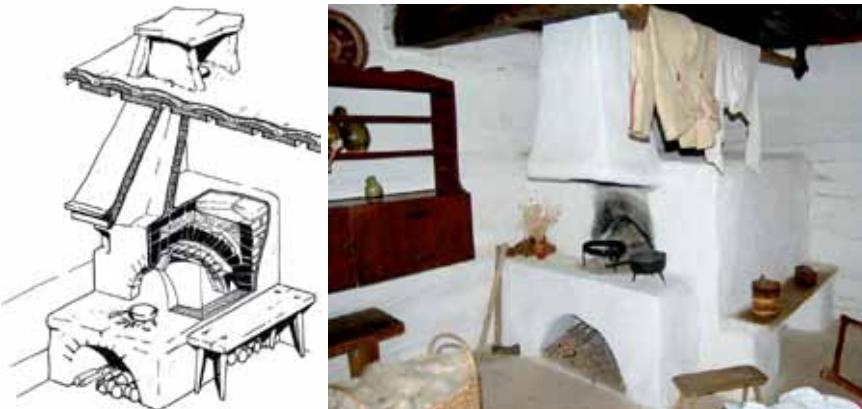

Рисунок 9. Конструкция печи с открытым очагом

вали камни (образующие основу самого купола) и залили жидкой глиной. После окончания сооружения всего печного корпуса и соответственного высушивания конструкции, дощатая перегородка купола сгорала при первой топке, причём в глиняной заливочной мастике выжигалась гомогенная керамическая зона. Ещё тёплый корпус печи обмазывался с внешней стороны жидкой глиной и белился известью, что предупреждало чрезмерное растрескивание при дальнейших топках.

Заключение

Приведённые примеры демонстрируют, наверное, только часть результатов творчества бесчисленного количества талантливых представителей ремесленного искусства, которое является коллективным проявлением духа творчества. Чувствовать в нём дыхание знания веков по виду продолжающие возможности творческой деятельности человека той эпохи, когда результаты размышлений поколений стали готовым продуктом высокого качества основой взаимоотношений человека в стране и со страной. Но захват эти познаний без настоящего знания, без основы представляет риск деформации в современных аппликациях. Неправильно обобщать и понимать эти познания как широко формально предъявляемое. Удивительным является именно разнообразие в модификации различных процессов, соответствующих месту и эпохе. Было бы безответственным растратить этот потенциал особенно во время, когда куда убедительнее сознаем ответственность за окружающую среду. Используем модели минувшего, чтобы мы опять могли отмечать, что в этой стране мы не только живём, но и живём с ней.

Архитектурные свойства культурных ландшафтов, подлежащие сохранению на особо охраняемых территориях России

Игорь Шургин

Фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества» (Россия)

Гармоничный облик традиционных сельских ландшафтов обусловлен взаимосвязью творений природы и результатов человеческого созидания – он долгое время осознанно создавался людьми. Гармония облика традиционных сельских ландшафтов служит логической (обусловленной внутренними закономерностями) средой существования природы и человека в конкретном географическом пространстве и обладает измеримой эстетической ценностью.

Правильное соотношение масштаба и форм поселений, благоприятное сосуществование архитектуры с окружающим пространством предопределают гармонию культурного ландшафта.

Архитектурный ландшафт, имеющий историко-культурную ценность, это вместе с тем пример сохранения важных черт преемственности, несмотря на постепенную (естественную) замену построек.

Отчетливые формы природного ландшафта и архитектурные акценты могут и должны быть гармонично связаны между собой и уравновешены. Тогда сумма их свойств создает новые ценности, отличающиеся культурной и исторической оригинальностью.

Жителей городов традиционные сельские ландшафты давно привлекают своей гармоничностью, которая порождена взаимосвязью творений природы и плодов человеческого созидания. Эта гармония, сотни лет осознанно создававшаяся людьми, в свою очередь, служила средой существования природы и человека. Гармония традиционных сельских ландшафтов была обусловлена внутренними закономерностями, она сформировалась в конкретном географическом пространстве, обладает измеримой эстетической ценностью.

Существование традиционной архитектуры (в России большей частью деревянной) – один из основных зрительных признаков, определяющих принадлежность территории к категории культурных ландшафтов. В статье представлены архитектурные примеры из трех регионов России в направлении с севера к центру страны.

Правильное соотношение масштаба и форм поселений, благоприятное сосуществование архитектуры с окружающим пространством предо-

Рисунок 1. Национальный парк «Кенозерский». Деревня Карпово.

пределяют гармонию культурного ландшафта на побережье Кенозера в Архангельской области. Застройка деревень, разбросанных, так сказать, «пятнами», основана на полусвободной градостроительной структуре. Деревни расположены среди полей и лугов, обрамленных лесом (рис. 1), а также на склоне возвышенной части побережья (рис. 2). Их застройка представляет важную доминанту обширного сельского ландшафта, сложившегося в ходе исторического процесса.

Роль господствующей архитектурной вертикали в ландшафте Кенозерья играют часовни. Их расположение определяется ландшафтной ситуа-

Рисунок 2. Национальный парк «Кенозерский». Деревня Семеново.

Рисунок 3. Национальный парк «Кенозерский». Часовня в селе Вершинино.

Рисунок 4. Национальный парк «Кенозерский». Часовня у деревни Немята.

Рисунок 5. Национальный парк «Кенозерский». Деревня Карпово

цией. В одном случае часовня венчает крутой холм, разделяющий деревни (рис. 3). В другом случае – стоит за селением, на фоне леса оживляя панораму полей и лугов (рис. 4). В третьем случае часовня занимает место среди деревенских построек (рис. 5).

Крестьянские дома обладают крупными архитектурными формами благодаря значительным размерам бревен, из которых срублены. Хозяйственные постройки расположены за жилищем-избой по одной оси и, как обычно на севере России, покрыты общей двускатной кровлей с высокими бревенчатыми фронтонами. Одна из разновидностей домов этого типа распространена в Кенозерье. Ее отличительный признак состоит в том, что жилая часть дома представляет собой четырехстенный сруб, у которого в

Рисунок 6. Национальный парк «Кенозерский». Дом в деревне Немята.

Рисунок 7. Окно дома в деревне Карпово.

Рисунок 8. Музей-заповедник «Кижи». Архитектурный ансамбль погоста.

стене, завершенной фронтоном, прорублены четыре окна (рис. 6). Аналогичные конструктивные детали таких домов имеют разную декоративную обработку, чем обуславливается архитектурно-художественное своеобразие каждого дома. Сплошной резьбой покрывались причелины – доски, прибитые по внутреннему краю кровельного фронтона. Фигурно вытесывались концы верхних бревен продольных стен избы, выступающие перед фронтоном. Оконные наличники представляли цельную архитектурно-декоративную композицию, включающую резьбу и, иногда, раскраску (рис. 7).

Отчетливые формы природного ландшафта и архитектурные акценты могут и должны быть гармонично связаны между собой и уравновешены. Тогда сумма их свойств создает новые ценности, отличающиеся культурной и исторической оригинальностью.

Яркой иллюстрацией подобной взаимосвязи архитектуры и природы служит культурный ландшафт острова Кизги на Онежском озере в Карелии (в настоящее время – территория музея-заповедника). Уникальный архитектурный ансамбль, состоящий из двух церквей и колокольни (XVIII – XIX века), воспринимается как апофеоз творческого взаимодействия людей с окружающим их природным ландшафтом (рис. 8).

Застойка деревень, издавна существующих на острове, не нарушает многовековой архитектурно-ландшафтной гармонии. Две сохранившие-

Рисунок 9. Музей-заповедник «Кижи». Деревня Ямка.

еся жилые деревни находятся в отдалении от церковного ансамбля. Их застройка, расположена в одну линию, вторяющую обрису берега (рис. 9). Дома в деревнях крупные, жилые помещения в них полутора и двухэтажные. Их окна обращены к озеру. Находящемуся в избе человеку кажется, что озеро вливается в окна. Наслаждением для глаз и для души бывает, сидя на широкой пристенной скамье, смотреть на широкий водный простор, отражающий разные тона закатного освещения, постепенно переходящего в свето-цвет белой ночи. Необычайная, именно кижская красота, гармонично сочетающая выразительную деревенскую архитектуру и природу, продолжает волновать, без преувеличения, каждого человека.

Дома в деревнях Заонежья – особого географического и культурно-этнографического региона, к которому относится и остров Кижи – очень большие. Выделяется тип, который в других местах России очень редко встречается (рис. 10). В домах этого типа на деревенскую дорогу и озеро выходят две избы, разделенные сенями, накрытые одним скатом общей кровли. Второй скат кровли намного длиннее. Под ним, кроме жилых помещений, находится скотный двор, постройки для скота и над ними – сарай для сена. Большинство же составляют дома, в которых жилища и хозяйствственные помещения, как и в Кенозерье, расположены по продольной оси, соответствующей гребню двускатной кровли (рис. 9).

Важно отметить, что на острове Кижи находится один из первых российских музеев под открытым небом, основанный А. В. Ополовниковым. Поэтому многие постройки перевезены из других мест Заонежья. Однако, поставленные на места утраченных, они не нарушили гармонии культурного ландшафта острова, но восстановили историческую ситуацию (рис. 11).

Подобную же роль исполнили и, так называемые новоделы – сооружения, воссозданные по рисункам и аналогиям. Сегодня трудно представить

Рисунок 10. Музей-заповедник «Кижи». Дом типа «кошель» (дом Ошевнева)

Рисунок 11. Музей-заповедник «Кижи». Часовня из деревни Вигово

кижский церковный ансамбль без бревенчатой ограды, спроектированной А. В. Ополовниковым и построенной пятьдесят лет назад (рис. 8). Нельзя обойтись и без сельских оград. Казалось бы, что архитектурного в простой сельской ограде? Но как профессиональный художник линией рисунка преобразует плоскость листа, так и крестьяне деревянными оградами в реальности «разрисовывали» землю, прилежащую их селению, по пословице: чья земля, того и городьба.

Рисунки 12, 13. Национальный парк «Угра». Дом в одной из деревень.
Передний и задний фасады

Определенный культурный ландшафт, представляющий историко-эстетическую ценность, нуждается в строжайшей охране. Введение новых совместных доминант может привести к уничтожению эстетической ценности исторического контекста.

Ландшафт, имеющий историко-культурную ценность, это вместе с тем пример сохранения важных черт преемственности, несмотря на постепенную (естественную) замену построек в селениях. В частности, в этом можно убедиться на примерах из национального парка «Угра» в центральной России. В селениях на территории парка огнем войны было уничтожено большинство крестьянских построек. Однако хозяева восстанавливали свои жилища и хозяйственные строения в тех же формах, какие были прежде, то есть у построек начала XX века (рис. 12).

Изба-пятистенок ставилась вдоль деревенской дороги или улицы. В ней нет монументальности северных домов. Сруб покрыт на четыре ската по стропильным конструкциям, с двумя фронтончиками вверху. Сбоку ставилось крыльцо, вдоль задней стены пристраивались сени (рис. 13). Скотный двор располагался сзади и нередко оставался открытым. Хлева находились за ним. Против домов по другую сторону дороги строились сараи для сена и погреба (рис. 14). Подобная застройка сочеталась с широкими лугами, среди которых прихотливо извивалась лента реки. Такова картина культурного ландшафта Приуралья.

Рисунок 14. Национальный парк «Угра». Сарай для сена и погреб в деревне Сергиево.

Облик деревни и в северной, и в центральной России определяют компоненты, характерные как для самой этой деревни, так и более обширных культурных территорий. С этой точки зрения подлежат выявлению и сохранению элементы градостроительной структурыселений и архитектурной структуры их составляющих построек. В число структурных элементов, в частности, входят: градостроительная схема селения, форма и размер селитебных участков, тип застройки усадьбы, габариты, архитектурные и декоративные формы построек.

В наши дни происходит бесконтрольная интенсивная урбанизация сельской жизни. В северной и центральной России продолжается сокращение традиционной сельскохозяйственной деятельности. На запущенных землях строятся унифицированные или экстравагантно-безвкусные здания, никак не связанные с местными сельскими архитектурными традициями (рис. 15). При перестройке старых жилищ хозяева не заботятся о сохранении их традиционного внешнего вида, занятые только обеспечением себя современными бытовыми удобствами.

Разрушающее действие на культурные ландшафты указанных явлений необходимо остановить в первую очередь на особо охраняемых территориях.

Для иллюстраций использованы фотографии И.Н. Шургина

Рисунок 15. Национальный парк «Угра». Пример дисгармоничной постройки в деревне Сергиево.

Исторические Деревянные Реконструкции: Театр Глобус (Globe Theatre) и крытый яковианский театр (Indoor Jacobean Playhouse) в Лондоне

Пол Саймонс

McCurdy & Co. Ltd (Великобритания)

В Великобритании в период Междуречия (Английского Содружества) (1649-1660) пуританский фанатизм привел к разрушению всех сохранившихся, специализированных деревянных театров; Елизаветинского «О»-образного театра под открытым небом и крытый Яковианский театр. Отдельные фрагменты были обнаружены в ходе археологических раскопок на территории современного Лондона, в документальных источниках и рисунках современников.

Решение воссоздать эти культовые здания привело к открытию Globe Theatre в 1996 году и крытого яковианского театра в 2014 году. Эти два здания были реконструированы с особой тщательностью и детальным изучением столярных работ тех времен, а также современных сохранившихся зданий.

Древесина также тщательно отбиралась и поставлялась со всей Великобритании с соблюдением традиционных методов обработки. Была создана специальная исследовательская группа международных экспертов для точного воспроизведения всех объектов с привлечением всех доступных историкам, проектировщикам и мастерам знаний и методик. Во время реализации проектов молодые люди обучались историческим строительным методикам и столярному делу.

Театр Глобус, Саутварк Лондон. (Globe Theatre, Southwark)

В 1949 году молодой американский актер Сэм Уонамейкер во время своего посещения Лондона стал разыскивать оригинальный театр «Глобус Шекспира», о котором был наслышан, но в итоге обнаружил лишь мемориальную доску на стене неподалеку от того места, где когда-то стоял Елизаветинский театр. Но так он обнаружил и дело всей своей жизни - создание точной копии театра, для которого писал свои пьесы Шекспир и на сцене которого выступал. Эта его мечта была, наконец, реализована, в 1996 году.

Во времена Шекспира в Лондоне было 10 открытых («летних») амфитеатров, построенных между 1576 и 1614 годами, и 5 драматических театров в уже существующих залах, перестроенных под первые между 1576 и 1629 годом. В то время Лондон был крупнейшим городом в Европе, и удвоился в размерах в течение 50 лет, в результате чего лондонские власти изо всех

сил старались приобрести как можно больше земли для застройки, вытесняя театры за пределы городских стен. Это привело, в конечном счете, к тому, что Елизаветинскому театру пришлось переехать к югу от реки Темзы, к Бэнксайду в самую южную часть, возле Лондонского моста, в единственном месте перехода через Темзу в то время.

Первым из них был театр Роза (The Rose) который в 1587 году последовал за театром Лебедь (The Swan) в 1595, Глобус (Globe) в 1599 и, наконец, Надежда (Hope) в 1614 году (рис. 1).

В период междуцарствия, то есть между 1649 и 1660, после казни короля Карла I и до восстановления короля Карла II, пуританское правительство приняло решение, по идеологическим причинам, закрыть все театры и концертные залы в Англии, результатом чего стали непоправимый ущерб и, в итоге, разрушение. Таким образом, ничего, кроме нескольких скучных археологических остатков от этих известных сооружений, в которых отразились столь яркая и значительная культурная и общественная деятельность, не осталось. Это произошло в конце 16 и начале 17 веков.

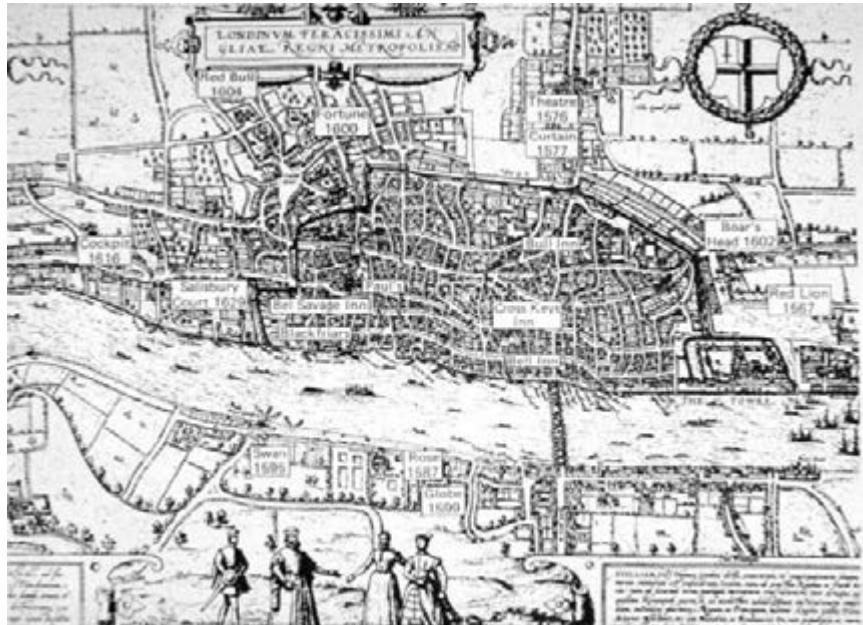

Рисунок 1. Карта города Лондона в начале 17-го века, с указанием месторасположения старинных театров к северу от реки Темзы, а также новые театры к югу от реки, находящиеся вне юрисдикции городских властей.

Сэм Вонамейкер был полон решимости восполнить столь досадный пробел в истории Лондона и жизни Шекспира и принялся за воссоздание подлинного Елизаветинского театра на том же, или максимально приближенном к первоначальному местонахождению театра Глобус. В то же время была создана McCurdy & Co, компания архитекторов и плотников, специализирующихся на ремонте и реконструкции исторических зданий из древесины. Первоначальные проекты шли в русле строительства музеев под открытым небом, только входивших в моду в Великобритании, намного позднее, чем у многих предшественников с континентальной Европы. Перемещение исторических зданий в связи с развитием строительства как в городских, так и сельских районах, набирало ход в Великобритании в конце 1960, с 70-х и 80-х и привело к созданию новых музеев под открытым небом для перемещения ряда наиболее ценных образцов традиционной архитектуры, находившихся под угрозой уничтожения, как из городских, так и в сельских населенных пунктах.

В то же время развитие природоохранного движения вело к увеличению спроса на возрождение традиционных строительных ремесел и на-выков, наряду с новыми методами сохранения существующих зданий на основе принципа минимального вмешательства и возможной потери исходного материала. Именно в этот период в McCurdy и Со решили заново открывать для себя ремесла и традиции средневековых плотников, которые сохранялись в традиционном британском стиле деревянной каркасной конструкции (фахверка) с 12 по конец 18 века. Это привело к переосмыслению методики заготовки и обработки древесины, получения бруса из бревна, а также подхода к выбору размеров и форм лесоматериалов, инструментов, маркировки и следов обработки при формировании, окончательной обработке (отделочных работах) и стыковки бруса в элементы каркасных структур.

К 1991 было отведено место под строительство, а также выделено первоначальное финансирование, что позволило McCurdy & Co, объединиться с архитекторами из проекта «Пентаграмма», которые начали создание копии шекспировского театра Глобус. Многопрофильная группа экспертов по международным исследованиям Шекспира использовала для этого все доступные исторические источники информации, включая современные труды, карты, гравюры, рисунки, записи недвижимости, строительные контракты тех времен и археологические данные. Два источника информации оказались особенно важными для работы команды дизайнеров, позволив им определить первоначальную геометрию и масштаб театра Глобус, что должно было привести к созданию круговой конструкции, известной под названием «деревянное О» ('wooden O').

Считается уже общепринятым, что Елизаветинские театры были круглые, «кругом из дерева», как упоминалось Шекспиром в «Генрих V»:

«Вместит ли круг из дерева те шлемы, Что наводили страх под Азенкуром?»

Крупные объемы древесины нелегко вписываются в кольцевую форму, и уже на раннем этапе стало ясно, что кольцевая структура была получена посредством многогранной многоугольной каркасной основы - но из скольких граней? В 1989 году археологи Музея Лондона обнаружили около 60% останков «Театра Роза», подтвердив, что первоначально театры действительно имели форму многогранника. Это вдохновило на дальнейшие исследования, и позднее в том же году было найдено и изучено около 5% от здания театра «Глобус», однако полномасштабных раскопок произвести не удалось, поскольку большинство археологических доказательств до сих пор находится под зданиями 19 века Southwark Bridge Road и Anchor Terrace.

Тем не менее, небольшой фрагмент основания тетра Глобус позволил узнать две конструктивные особенности, которые будут использованы при дальнейшем строительстве: во-первых — количество граней многоугольника театра составляло 20, с углом в 162° в соединениях двух внешних стеновых секций; во-вторых, диаметр наружной стены «деревянного круга» был 100 футов (30,48 м). Была также установлена ширина первого этажа галереи. Эти жизненно важные позволили воссоздать весь проект и основу конечной структуры постройки. Другая крайне важная информация была получена из современного «Глобусу» контракта 1600 года о строительстве театра «Фортуна», заключенного с бригадой Питера Страти, который и строил оригинальное здание «Глобуса». В этом договоре приводятся данные об основных деревянных структурных компонентах с указанием их размеров, что позволило точно воспроизвести трехэтажную, с двойным навесом закругленную ярусную структуру здания. После этого на испытательной стройплощадке компании МакКерди была построена тестовая 20-гранная двухпролётная модель в натуральную величину для проверки данной конструкции и её структурных характеристик. Этот процесс был тщательно контролировался всеми экспертами и специалистами, участвующими в проекте, до принятия данного проекта реконструкции к исполнению.

Оставался лишь вопрос о том, какой формы изначально была сама сцена, её размер и обустройство. Что опять-таки удалось узнать из археологических свидетельств с раскопок театра «Роза» благодаря единственному сохранившемуся рисунку интерьера театра «Лебедь» работы голландского писателя Де Витта, датированного 1596 годом, на котором показана большая авансцена, и, позади нее, хоры, над которыми расположена кровельная конструкция крыши, фасад которой поддерживается двумя большими столбами. Эти колонны должны были быть по-настоящему массивными и, после постройки 15 пролетов основной конструкции, был установлен ряд

временных сооружений для проверки различных потенциальных конфигураций этого важного элемента театра. Дальнейшие исследования и анализ сделанных конструкций, поддерживаемых деревянными колоннами, обусловили применение методики преобразования цельных стволов деревьев в круглые, суженные столбы; также применялся метод продольного просверливания через центр колонны традиционным буравом для обеспечения выравнивания процесса высыхания древесины и снижения риска появления сердцевинных (метиковых) трещин (рис. 3).

При отделочных работах в театре «Глобус» были использованы: щитовые настилы, точеные и резные балясины на верхних галереях, две каркасные винтовые лестницы для доступа к верхним галереям, причем каркас, следуя традиции, заполнялся известково-штукатурный раствор с добавлением конской шерсти на дубовую решетину, в то время как крыша покрыта речным тростником, а все двери и окна, согласно традиции, сделаны из древесины с железными гвоздями ручной работы, причем вся древесина рамной конструкции крепилась традиционно вручную - в расщелину забивались суженные дубовые колышки разной длины и сечения. Всего в постройке было более 6000 дубовых колышков (рис. 2).

Рисунок 2. Копия шекспировского театра Глобус, Бэнксайд, Саутварк, Лондон.
Открыт в 1996 году.

Крытый яковианский театр Якова около 1616 года.

В рамках общего проекта восстановления театра «Глобус» в Лондоне всегда намеревались воссоздать и второй театр – самый ранний известный крытый яковианский театр ок. 1616. Шекспир, скорее всего, знал подобные театры и даже писал для их намного более камерных сцен и залов. Здесь у актеров были совсем другие отношения со своей аудиторией, по сравнению с большой, шумной и порой своюенравной аудитории своего предшественника, публичного театра под открытым небом. Это яковианский театр должен был располагаться рядом с театром «Глобус» и при этом построен с использованием традиционных материалов и методов строительства, как можно ближе к оригинальной постройке. Проект афишировался как прекрасная возможность собрать вместе лучших в истории театра молодых специалистов, как и в истории архитектуры, городской археологии, актеров, драматургов и художников поделиться знаниями и опытом для создания как можно более точной реконструкции, на основе наиболее полных на то время данных.

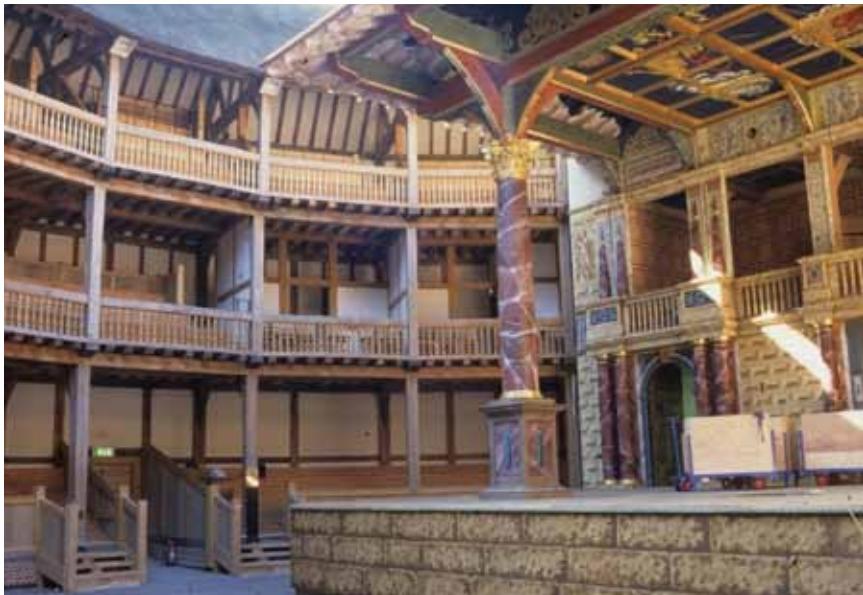

Рисунок 3. Законченный интерьер шекспировского театра Глобус; показаны три уровня галерей с сидениями, открытая площадка для стоячих мест аудитории, а также деревянная конструкция и обустройство сцены, включавшей одну из деревянных колонн с frons scenaе (задник сцены) и галерею хоров.

Это произошло после того, как самые современные исследования и представления о первоначальным театрах были объединены в попытке построить реконструкцию театра Глобус. Яковианский театр, теперь называющийся театром Сэма Вонамейкера, в честь создателя и основателя проекта, в целом, был воссоздан на основе рисунков фирмы Иниго Джонса (1573-1652) находящиеся в настоящее время в коллекции Ворчестерского коллежда, Оксфорд. Как оказалось на этапе разработки проекта, эти чертежи датировались более поздним временем, чем первоначально предполагалось, возможно, даже концом 1640-х годов, будучи работами Джона Уэбба (1611-1672), одного из учеников Джонса. Тем не менее, эти рисунки были сделаны до эпохи Реставрации.

Эти Театры очень отличались от своих елизаветинских собратьев, отражая новые идеалы классицизма и барокко. Тем не менее, предполагается, что размеры, структура и планы с этих рисунков похожи на первые

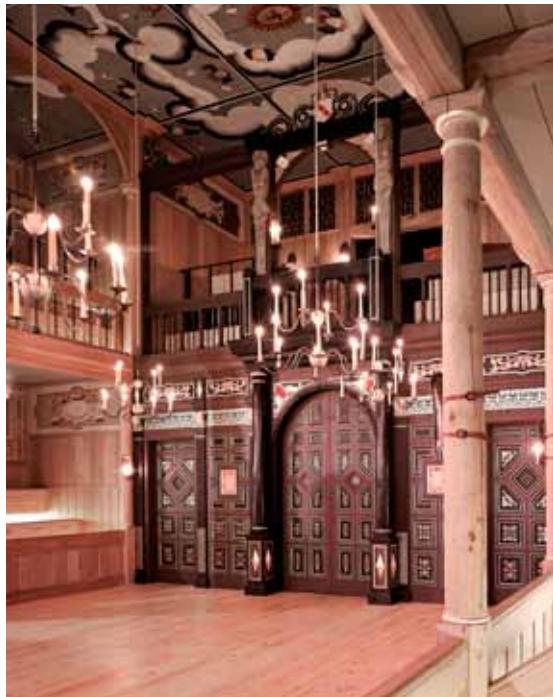

Рисунок 4. Интерьер Сэм Вонамейкер Театра. Копия крытого яковианского театра около 1616 года, показывающая сцену, хоры и две галереи для зрителей.

крытые театры, создавшиеся на 30 лет ранее, большинство из которых были встроены в уже существующие ансамбли пустующих монастырских зданий, или залов и подсобных помещений великолепных аристократических домов Лондона.

Яковианская эпоха началась со смертью королевы Елизаветы I, последней из династии Тюдоров, погибшей в 1603 году. Ее сменил на троне Яков VI, король Шотландии (1566-1625), который уже был на шотландском троне в течение 36 лет; он принял имя и титул король Яков I Англии, Ирландии и Шотландии. С начала века новый монарх и новая королевская семья мода менялась довольно быстро, вновь находя отражение в архитектуре и дизайне интерьера. И хотя плотники, строившие Глобус в 1599, возможно, были теми же плотниками, что строили и закрытый театр в 1616 году, стиль построек и, в особенности, детали внутренней отделки, украшения и резьба рассматривались как новые и современные по сравнению с елизаветинскими предпочтениями предыдущего царствования. Несмотря на то, что плотники использовали те же инструменты, методы соединения и основные конструктивные решения, инновации в стиле обшивки (облицовки панелями), орнаментировки, классических мотивов, облицовки стен, обустройство перил и галерей – все сказалось на оформлении интерьера крытого яковианского театра и в результате привело к созданию совершенно иного пространства для актеров и зрителей, а следовательно, и к появлению нового творческого вызова для драматургов. Поздние произведения «Король Лира» и «Сонеты» были написаны уже после 1603 года, при этом Шекспир умер в 1616 году.

А потому было необходимо исследовать и осмотреть здания периода 1603- 1625 года, в особенности, чтобы ознакомиться с творениями мастеров плотницкого и столярного дела яковианской эпохи, которые уже не были рядовыми произведениями предшествующей эпохи. Наибольший интерес представляли примеры столярных яковианских работ, которые обнаруживались на церковных перегородках и строительном крепеже, на лестничных клетках, галереях и обшивке деревенских домов. Особым значением в этом смысле обладали Чилэм Хаус и Ноул хаус в графстве Кент и часовня Райкот Чейпел, а также Честлтон хаус в Оксфордшире. Именно здесь были произведены подробные точные замеры, фотографии, воспроизведены профили в полный размер, как и резные орнаменты - для использования в реконструкции.

Этот новый театр, также построенный компанией МакКерди и Со. Ltd между 2012 и 2014 годами, также воссоздавался при помощи полно- масштабного макета и постройки двух двухэтажных отсеков зала в виде подковы; при этом было создано два пролета (секции) по обе стороны от большой авансцены (выносной сцены) и еще 5 галерей, образующих полукружие зала перед сценой. Это позволило протестировать элементы

конструкции, а также согласовать доступ и выход из помещения с пожарной инспекцией. Кроме того, это позволило определить окончательное расположение зрительских мест с учетом обзора сцены из относительно стесненных и ограничивающих поле зрения сидячих и стоячих мест, обустроенных под довольно крутым наклоном и под углом к сцене. Все это принесло бесценный опыт организаторам и персоналу театра, ведь даже с активным применением компьютерной графики и моделирования четкого представления о реальной обзорности сцены не возникало, до тех пор пока на макет в натуральную величину не были запущены зрители, позволив проверить все эти полученные цифровым способом предположения.

Театр Сэма Ванамейкера был официально открыт для публичных представлений 9 января 2014. Это был единственный во всем Лондоне зал, где в качестве освещения разрешалось использовать только свечи – так же, как это было бы 400 лет назад. История воссоздания двух культовых утраченных достопримечательностей Лондона явилась плодом совместных усилий многих преданных своему делу людей, экспертов, профессиона-

Рисунок 5. команда дизайнеров и плотников МакКерди в лесах деревянной каркасной конструкции сцены яковианского Театра перед строительством сидений, поручней, панелей и заполнением задней стены фахверка.

лов и добровольцев, а также потрясающим путешествием навстречу открытию нового и познанию старого.

И конечно же, это верно применительно к молодым плотникам-стажерам, задействовать которых помогла National Heritage Training Group в рамках фонда содействия Heritage Lottery Fund, и которые участвовали в создании деревянной конструкции крытого театра в мастерских МакКерди в Беркшире, чтобы затем поработать и на месте строительства в Лондоне при возведении и строительной отделке деревянной конструкции, а затем стать очевидцами того, как завершенный проект использовался как настоящий театр, прославившийся как самая молодая в Лондоне и уникальная площадка для проведения культурных мероприятий.

Наследие традиционных ремесел и профессиональных навыков должно всячески поддерживаться, цениться и передаваться из поколения в поколение. В Великобритании и в других странах по всей Европе фактически заложена демографическая часовая бомба – что связано с ростом потерь представителей контингента опытных и квалифицированных работников в сфере культурного наследия, ввиду приближения их пенсионного возраста или смены специальности, требующей напряженной ручной работы на менее трудоемкое ремесло.

Крайне важно, чтобы те из нас, кто несет ответственность за защиту и рациональное использование культурного наследия исторических городов, деревень и ландшафтов инвестировали и настаивали на том, чтобы в ходе реализации любой программы с государственным финансированием по сохранению и исследованию этого уникального наследия всегда бы находилась возможность включить в бюджет программы и элемент обучения, повышения квалификации, образования и непосредственного наставничества при передаче знаний – без подобной решимости, а также, предпочтительно с императивностью этого требования, содействовать желающим обучиться соответствующим профессиональным навыкам для поддержания и сохранения нашего наследия в будущем, мы все можем оказаться в отчаянном положении, в особенности, последующие поколения.

ЛИТЕРАТУРА

- Bowsher J. & Miller P. 2009. 'The Rose and the Globe – playhouses of Shakespeare's Bankside, Southwark. Excavations 1988-1990'. Museum of London Archaeology. Monograph 48. (с подробной библиографией)
- Carson C. & Karim-Cooper F. Ed. 2008. 'Shakespeare's Globe, a theatrical experiment'. Cambridge (с подробной библиографией)
- Day B. 1996. 'This wooden 'O', Shakespeare's Globe reborn' London.
- Harris R. 1978. 'Discovering Timber-Framed Buildings'. Princes Risborough.
- Mackeith A. 2009. 'Discovering Shakespeare's Globe'. London

Часть 3

**Культурный и исторический
ландшафт**

Культурный ландшафт Кенозерья как комплексный объект управления

Елена Шатковская

Кенозерский национальный парк (Россия)

У каждого народа свой особый, неповторимый, сформировавшийся за многие столетия хозяйственной и культурной жизни традиционный культурный ландшафт. Именно окружающая природа формировала мировоззрение людей, их религиозные обряды, способы природопользования.

Например, на севере нашей страны, где и расположен Кенозерский национальный парк, эти земли, задолго до их массового заселения русскими, были освоены финно-угорскими племенами. От них до наших времён сохранились топонимические названия – Масельга, Поча, Ундоша, Чёлма, Тамбичлахта... Человек был полностью слит с природной средой и практически не изменял окружающий ландшафт. Древние племена обожествляли деревья, занимались охотой и рыболовством, и создали замечательную «культуру леса».

Славянское население, пришедшее сюда в XIII – XIV веках, принесло совершенно другие традиции. В основе их было землепашество и христианство. Земледельческая культура изменила ландшафт северных земель: обширные площади были распаханы и заняты полями, на смену чудским полуземлянкам пришли просторные деревянные избы. В дремучих лесах протянулись дороги. Система волоков и каналов, соединивших озёра Масельгское – Левусозеро – Пелусозеро сохранилась неизменной с тех пор, когда водные дороги были единственными путями торговых и культурных контактов. Образование монастырей и пустыней на обширных территориях, и происходивший параллельно рост числа деревень придали направленное развитие структурным элементам культурного ландшафта Парка. Произошло слияние двух культур: «культуры леса» и «культуры поля», и формирование своеобразной культуры Русского Севера.

Кенозерский национальный парк – замечательный пример северорусского традиционного устройства пространства, объединившего черты раннего средневековья Русского Севера и дохристианских финно-угорских культур.

Если посмотреть на лесоустроительную карту Парка, то можно увидеть поразительную мозаику небольших фрагментов лесов, различного породного состава и возраста, полей, озёр и болот. Такое неестественное для подзоны средней тайги разнообразие свидетельствует о том, что ещё в не-

давнем прошлом практически все природные элементы ландшафта были вовлечены в хозяйственное использование. Ещё сто лет назад велось интенсивное сельское хозяйство. В обычной практике находилось и подсечно-огневое земледелие, при котором земельные участки освобождались от леса для использования всего на несколько лет, а затем забрасывались и застраивались вновь.

Есть ещё одна особенность культурных ландшафтов. Высокая фрагментарность и мозаичность угодий способствовали созданию условий для существования различных видов животных, птиц, растений. Многие из них находятся за пределами своих естественных ареалов.

Нетрудно понять, что ландшафт как элемент культуры отражает состояние общества. В Кенозерье он гармонично развивался вплоть до начала XX в., но с 1930-х гг. в результате бесконечных экспериментов на селе, социально-экономического кризиса и духовного упадка опустели когда-то многолюдные деревни, сократилась численность населения и площадь обрабатываемых угодий. Произошли утраты культурного наследия, разрываются уникальные внутриландшафтные визуальные связи, имевшие огромное ассоциативное значение в прошлом. Лес отвоевывает обратно утраченные когда-то рубежи, поля быстро застаивают ольхой, берёзой. исчезают в лесах монастырские дороги. «Святые» рощи, ранее фрагментированные среди полей, сливаются с возникшими вновь лесами.

И все-таки к моменту создания в 1991 г. национального парка относительно других мест Кенозерье в большей степени сохранило свое природное, историко-культурное и духовное наследие. Связующим звеном культурного и природного наследия выступает культурный ландшафт, и его поддержание и использование совмещает принципы сохранения биологического разнообразия, историко-культурного наследия и развития местной экономики.

Из чего же складывается культурный ландшафт? Это исторически сформировавшиеся в результате многовековой хозяйственной деятельности целостные комплексы гармонично взаимосвязанных элементов: сельские поселения с традиционной планировкой; прилегающие поля и озёра, использовавшиеся для разнообразных форм природопользования; участки лесных промысловых угодий; историко-культурные элементы, многие из которых имеют оттенок сакральности («святые» места, церкви, часовни, «святые» рощи, поклонные кресты, почитаемые камни). А ещё топонимические названия, мифы, воспоминания о далёких легендарных событиях, которые позволяют заглянуть в глубокую древность. Основа ландшафта – живущие в Кенозерье люди с их духовной культурой и мировоззрением.

Это и определило особую специфику Парка – сохранение, изучение и полноценное развитие всех видов наследия – природного и культурного,

материального и нематериального. Поэтому все мероприятия Парка направлены на комплексное сохранение наследия, охватывающего сами объекты наследия, среду, в которой они существуют, духовную культуру исторических мест, человека, как носителя наследия.

С момента создания перед Кенозерским национальным парком стояла серьёзная задача сохранения и восстановления исторически сложившихся культурных ландшафтов, как одной из главнейших его ценностей. Она обусловлена тем, что на большей части Северо-запада России практически нигде не сохранилось компактных, хозяйственno и духовно увязанных в единое целое, объединяющих историческое, культурное и природное значение, территорий.

Качественно новым не только для нашего Парка, но и для всей российской системы федеральных особо охраняемых природных территорий (ООПТ) стало выделение культурных ландшафтов, как комплексного объекта управления. В Менеджмент-плане Парка (План управления и развития, 2001 г.) впервые в России совместно со специалистами РНИИ культурного и природного наследия была разработана типология и классификация культурных ландшафтов, выполнена привязка к местности, дана характеристика культурного ландшафта как объекта наследия в разных аспектах – природном, пространственно-географическом, культурном, этнографическом. Из 24 культурно-ландшафтных комплексов выделено 7 приоритетных, представляющих наибольшую ценность по международным критериям, состояние которых в значительной мере определяет его потенциальную устойчивость, целостность и ценность. На них в настоящее время и сосредоточены управленические усилия.

К сожалению, применить комплексный подход к сохранению культурных ландшафтов оказалось практически невозможно. В российском законода-

Прекрасно только разнообразие...
(фото К. Кокошина)

тельстве о системе особо охраняемых природных территорий культурный ландшафт, как отдельное понятие, не выделяется, полностью отсутствует финансирование работ по сохранению культурных ландшафтов. Кроме этого, уберечь от деградации культурный ландшафт можно при условии ведения местным населением традиционных видов природопользования, прежде всего, сельского хозяйства, и заинтересованности в этом местных жителей. Но большинство видов природопользования были естественными элементами натурального крестьянского хозяйства. Для их функционирования нет уже ни экономических предпосылок, ни демографических возможностей.

Поэтому проблема сохранения культурного ландшафта Кенозерья не в том, что невозможно восстановить его таким, каким он был в прошлые столетия. Функциональная и планировочная периферия ландшафта всегда будет претерпевать изменения. Ландшафт перешел в другое состояние, но сохранил многие свои ценности. Парку в этих условиях важно сохранить ключевые структуры ландшафта, формы и функции, которые определяют его индивидуальность и мировое признание историко-культурной исключительности.

И тут, вероятно, необходимо переосмыслить целевую основу хозяйствования. То есть, в её основе должно лежать не столько получение сельскохозяйственной продукции, сколько предоставление традиционного исторического ландшафта с использованием старинных методов природопользования и бытового уклада в качестве турпродукта. Наверное, только в этом случае у местного населения, как носителя культурных традиций территории и получателя дохода, появится осмысленная необходимость сохранения ценных историко-культурных и природных элементов ландшафта.

Концепция сохранения и восстановления исторических и традиционных культурных ландшафтов Кенозерского национального парка предполагает, с одной стороны, искусственную «консервацию» и «реставрацию» приоритетных агроландшафтов в оставленных людьми деревнях. С другой стороны – разработку и реализацию программ поддержки местного населения, интерес которого к сохранению традиционного образа жизни необходимо использовать и развивать для обеспечения поддержания основных структур ландшафта в жилых деревнях.

За последние несколько лет Парк реализует на территориях приоритетных культурно-ландшафтных комплексов несколько проектов, в том числе международных, по сохранению и реставрации ландшафта. Актуальность и обширное понимание проблемы сохранения культурных ландшафтов Кенозерья продемонстрировал Российско-Норвежский проект «Развитие традиционных ландшафтов в Баренц-регионе на примере Кенозерского национального парка» (2002 – 2004 гг.). Особое внимание в проекте уде-

лялось влиянию различных методов ведения сельского хозяйства на биологическое разнообразие территории.

Угроза утраты некоторых элементов ландшафтов снимается расчисткой старинных монастырских троп, дорог-тележниц, вырубкой древесно-кустарниковой растительности. Для таких работ подбираются модельные участки культурных ландшафтов, как, например, Порженский погост. Причинами такого выбора послужили: небольшие площади ландшафта (около 40 га); его компактность; относительная простота его пространственной структуры, единый визуальный и этнологический центр; отсутствие постоянных жителей; явные признаки деградации ландшафта; расположение ландшафта на пересечении эколого-просветительских и туристических троп. С 2013 г. Парк стал оказывать безвозмездную помощь в сенокошении жителям, проживающим в заозерных деревнях на Кенозере и имеющим домашний скот. Кроме этого реализуется долгосрочная программа «паспортизация деревень», изучается биоразнообразие, разрабатываются историко-архитектурные опорные планы деревень, зоны охраны памятников архитектуры, сохраняется традиционная народная культура.

В 2013 г. началась реализация еще одного Российско-Норвежского проекта «Деревянные памятники в культурном ландшафте Кенозерского национального парка. Мониторинг и поддержание». В рамках этого проекта будет выполнен не только ремонт трех деревянных церквей, находящихся в аварийном состоянии. Очень важным шагом в решении задачи сохранения ландшафтом стала разработка «Плана формирования, сохранения и устойчивого управления Масельгско-Гужовским культурно-ландшафтным комплексом». В рамках проекта будет выполнена расчистка заросшего кустарником поля близ старинной деревни Гужово (площадь 40 га) и засевание его луговым клевером. Кроме этого, на отдельной поляне посетителям будет продемонстрирован процесс смены луговой растительности на лесную. В проекте также представлены перечень и периодичность необходимых работ по поддержанию ландшафта с определением объемов и площадей вырубки древесно-кустарниковой растительности, ландшафтных рубок и т.д. Одним из объектов показа на новой экологической тропе станет участок воссозданного подсечно-огневого земледелия – это будет первый в России опыт демонстрации старинного вида природопользования.

В этом году такой же подробный план будет разработан для Зехново-Ряпусовского культурно-ландшафтного комплекса. К работам будут привлекаться как местные жители, так и волонтеры.

Вектор развития нашего Парка – сохранение коренного населения, потому что все наше богатое природное и культурное наследие бесмысленно, если не будет его хранителей. Поэтому участие местного населения в

деятельности Парка является важнейшим условием всех наших проектов, в т.ч. международных. Парк первым в России пошел по пути реализации идеи устойчивого жизнеобеспечения местного населения. Постепенно приобретается опыт работы по преодолению бедности в сельской глубинке через развитие малозатратной модели экономического развития и общественного самоуправления.

Современная стратегия Парка направлена на формирование эколого-экономического мышления местного населения. Создан и успешно действует фонд микро-кредитования местного населения. В течение многих лет Парк оказывает действенную помощь жителям в приобретении новых знаний: организуются циклы обучающих семинаров по развитию малого экологически ориентированного бизнеса и сельского туризма, различные стажировки, мастер-классы лучших российских и зарубежных специалистов, проводятся Фестивали традиционных знаний. За сравнительно короткий период нам удалось достичь весьма ощутимых результатов по внедрению модели эколого-экономического рынка недревесных ресурсов леса. Люди поверили в свои силы, научились изготавливать экологически чистую продукцию. Гости Парка уезжают домой с привлекательными сувенирами, а жители остаются с выручкой за свою продукцию.

Совершенно очевидно, что местные жители от полного непринятия идеи национального парка в начале 1990-х гг. постепенно приходят к пониманию выгоды сохранения наследия. Главная задача сегодня видится в том, чтобы с участием государства сохранить коренное население, его культурную самобытность, наполнить жизнь деревни содержанием, чтобы было зачем местному населению там жить, а туристам приезжать.

Реализации этих задач во многом способствует развитие устойчивого туризма. Туристическая деятельность осуществляется на территориях приоритетных культурно-ландшафтных комплексов, в старинных деревнях с их обаятельным архитектурным обликом. В них посетители получают уникальную возможность стать не пассивными наблюдателями окружающей жизни, а ее соучастниками.

Туризм для нашей территории – не самоцель, а жизненная необходимость. Это связано с тем, что туризм способствует развитию малого бизнеса местного населения в различных сферах: сельское хозяйство, торговля, сувенирное производство, транспорт и т.д. Поэтому туристическая деятельность – это отчасти способ сохранить деревни от вымирания, культурные ландшафты от деградации и зарастания, традиционную народную культуру от полного исчезновения, создать рабочие места в сфере обслуживания посетителей.

Сегодня в мире огромный спрос на подлинность. Отличительной чертой предоставляемых Парком услуг является их глубокая связь с местными

традициями, с подлинным колоритом северной русской деревни. В развитии инфраструктуры гостеприимства поставлен акцент на реставрацию старинных домов конца XIX – нач. XX вв. и создание тематических гостиниц с выставочными зонами.

Устойчивый «туризм – это не только бизнес, но и прямое обращение к душе человека, его чувствам и сердцу». Участие гостей Парка в этнографических программах и мастер-классах, разработанных совместно с местными жителями, способствует более полному погружению в среду, постижению человеческой и духовной ценности территории.

Безусловно, важнейшим элементом культурных ландшафтов являются памятники архитектуры. Кенозерский национальный парк – единственный национальный парк в России, создавший в своей структуре музейный фонд и взявший при организации на свой баланс почти 100 памятников архитектуры, среди которых – шедевры русского деревянного зодчества XVIII века. Наши памятники – не мертвые музейные экспонаты, они активно включены в жизнь территории, с ними тесно связана система экологических троп и маршрутов, их посещение – ключевой элемент большинства туристических программ.

Многие памятники достались Парку в аварийном состоянии. С момента образования Парка возвращаются к жизни уникальные сооружения с участием местных плотников, решаются задачи по отработке методов и технологии реставрации деревянных памятников, основанные на совмещении традиционного плотницкого ремесла и современных методов реставрации. Локальное сообщество получает памятники в пользование, жители деревень являются их хранителями. Таким образом, местному населению возвращена роль главного действующего лица в охране наследия. В середине трудных 1990-х гг. неоценимую финансовую, техническую и человеческую помощь оказало Правительство Норвегии, взявшее на себя финансирование реставрационных работ наиболее уникальных памятников Кенозерья.

Не менее важная задача – сохранение движимых памятников. Особое место в музейном фонде занимают знаменитые кенозерские «небеса» – уникальные образцы монументальной живописи в деревянных храмах, аналогов которым нет в мире. У нас одна из самых больших в России коллекций «небес» – 17 комплексов.

И все же материальное наследие – это только предмет, вещь, артефакт, но если мы будем владеть знаниями, навыками, в результате которых они появляются на свет, их суть окажется гораздо глубже. А это уже нематериальное наследие, сохранить которое возможно через поддержку «носителей» традиций и среды их обитания. Парк на протяжении многих лет ведет целенаправленную работу по сохранению и возрождению традиционных

Реставрация Никольской часовни (фото из архива Парка)

промышленов и ремесел, фольклорных традиций, обрядов и праздников, ярмарок и фестивалей.

В течение почти семи столетий между озерами Кенозеро и Лекшмозеро формировалась уникальная культура озерных, прибрежных, островных и полуостровных селений, строились замечательные памятники архитектуры. Русскими крестьянами через леса и болота были освоены водные пути, позднее – сухопутные дороги, давшие начало многим трактам, часть которых сохраняет значение и в настоящее время. Освоение богатейших лесных массивов, природных богатств озер и рек велось без ущерба для природы, с её хорошим знанием, чувством единства природной среды и человеческого жилья – тем, что составляет основу экологических представлений народа, возникших задолго до оформления экологии как науки. Кенозерье по праву можно назвать «территорией культурного ландшафта», учитывая глубину и гармонию взаимовлияния человека и природы на этой земле. Доказательством этому служит включение в апреле т.г. культурного ландшафта «Заповеданное Кенозерье» в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Часовня после реставрации (фото Е. Ломакова)

ЛИТЕРАТУРА

- Менеджмент-план (План управления и развития) Кенозерского национального парка на 2001 – 2005 гг. Архангельск, 2001. Раздел «Культурные ландшафты» 29–35 с. / авт.-сост. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, А.В. Козыкин, Д.В. Тормосов, Е.Ф. Шатковская;
- Среднесрочная программа развития устойчивого (экологического) туризма на территории ФГУ «Национальный парк «Кенозерский» на 2011 – 2015 годы. Архангельск, 2010 г.
- Козыкин А.В. Культурные ландшафты Кенозерского национального парка: проблема сохранения национального достояния // «Russian Conservation News». М., 2005.
- Природное и культурное наследие Кенозерского национального парка. Сборник научных статей/Авт.состав: А.В. Козыкин, Д.В. Тормосов, С.В. Торхов и др. под ред. Е.Ф. Шатковской. – Петрозаводск: ПетроПресс, 2002.
- The Kenozero National Park: крат. Путеводитель / Нац. парк «Кенозерский»; [авт. текста Е.Ф. Шатковская [и др.]; авт. фот. Н. Чесноков [и др.]. – Архангельск: М'арт, 2004. – 165, [2] с.: ил., карта.

Традиционная архитектура в сельском культурном ландшафте национального парка «Угра» (Россия, Калужская область)

Валерий Новиков

Национальный парк «Угра» (Россия)

Территория национального парка отличается многообразием типов культурных ландшафтов, среди которых сельский является фоновым и доминирующим. Системообразующими центрами этого ландшафта до сих пор остаются исторические поселения с традиционной планировкой и застройкой. Наряду с примерами каменного строительства, в них имеется большое количество деревянных жилых домов и связанных с ними хозяйственных построек. По всем признакам эти сооружения отвечают в основном южнорусскому типу крестьянского жилища, характерному для рубежа XIX-XX веков. Основная проблема сохранения традиционного сельского ландшафта – нерегулируемая дачная застройка деревень, сопровождаемая оттоком коренного населения и утратой крестьянской культуры. Решение проблемы видится в разработке специальных Правил землепользования и застройки, а также эскизных проектов типового жилья для национального парка.

Национальный парк «Угра» (организован в 1997 году, площадь 98,6 тысяч га) обладает большим количеством объектов историко-культурного наследия и многообразием типов культурных ландшафтов (Памятники истории..., 2007; Новиков, 2013). Это связано с долинным характером территории парка, где главные реки (Угра, Жиздра, Высса) выступают в качестве основных природно-культурных «осей» (рис. 1). Исторически именно реки обживались людьми в первую очередь и, являясь основными путями расселения и сообщения, сопровождали многовековую хозяйственную деятельность человека.

В ряду современных культурных ландшафтов парка (таблица 1) сельский является фоновым и представлен его основными элементами (топосами): селами, деревнями с полями, лугами, лесами, суходолами, водотоками, дорогами и т.п. В отдельных местах составными частями сельского ландшафта являются реликты утраченных усадебных (помещичьих), исторических заводских или фрагменты активно возрождающихся монастырских комплексов.

Несмотря на заметную деградацию сельского ландшафта и отток деревенского населения в последние десятилетия из-за упадка сельскохозяй-

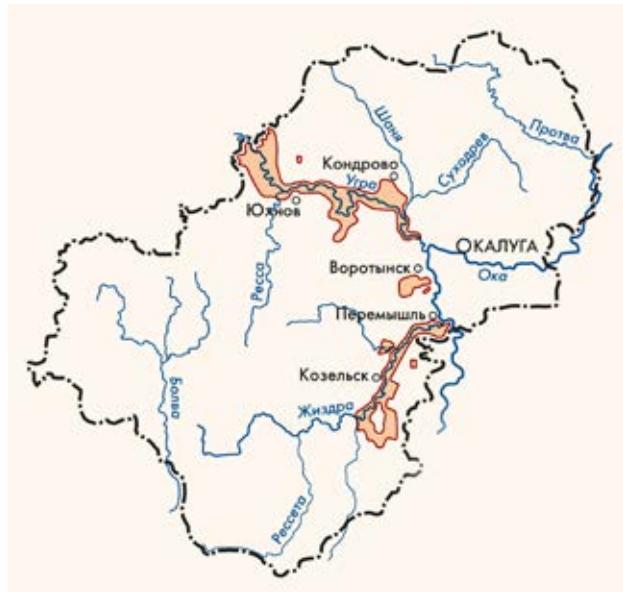

Рисунок 1. Национальный парк «Угра» в Калужской области

ственной деятельности, его системообразующими центрами по-прежнему являются исторические поселения с сохранившейся традиционной планировкой и застройкой. В границах парка находится 62 населенных пункта, примерно столько же насчитывается в его охранной (буферной) зоне. По преимуществу это деревенские (сельские) поселения, в одну или несколько улиц, с сравнительно небольшим числом жителей и количеством домов: в среднем от 10-15 до 40-60 (единично до 100-150).

Планировка деревень, как правило, тесно связана с рельефом. Главные улицы ориентированы преимущественно вдоль возвышенных берегов рек, озер и крупных оврагов («рядовая» застройка). В небольших населенных пунктах жилые дома располагаются обычно по одну сторону улицы, хозяйствственные постройки (сараи, амбары, погреба) – по другую. Вдоль домов нередки однорядные посадки деревьев (липа, вяз, ива), подчеркивающие «красную» линию застройки. Дома при этом стоят обычно длинной стороной параллельно улице (рис. 2). С тыльной части к ним, вплотную или через крытый пролет, традиционно пристраиваются «дворы» для содержания домашних животных. Индивидуальные бани не характерны. В советское время обычно строились общественные бани (одна-две на деревню).

Таблица 1.
Типология культурных ландшафтов национального парка «Угра»

Типы ландшафтов	Содержание, элементы
Крестьянский сельский	Села, деревни с полями, лугами, суходолами, лесами, водоемами, дорогами
Усадебный дворянский	Помещичий дом, хозпостройки, парк, сад, пруд, альеи, прилегающие угодья
Монастырский	Архитектурный ансамбль, скит, заповедная роща и святой источник, прилегающие угодья и села («монастырщина»)
Патриархальный уездного города	Историческая планировка и традиционная застройка
Исторический заводской	Карьерные, шахтные разработки, заводская застройка и рабочие поселки
Археологический	Концентрация древних городищ, селищ, стоянок, курганов
Военно-исторический	Места сражений и военных столкновений, нередко с сохранившимся «рельефом войны»

Рисунок 2. Деревенская улица (Сергиево).

Рисунок 3. Традиционный деревянный дом (Олоньи горы)

Внешний вид традиционных жилых домов обычен для средней полосы России: деревянные рубленые избы с двухскатной или четырехскатной крышей (рис. 3). По внутреннему объему и планировке встречаются как однокамерные, так и двухкамерные (с избой, сенями, горницей или клетью) дома, а также «пятистенки» и избы «с прирубом», отличающиеся большим количеством окон по фасаду (до 4-5). Наружная отделка домов достаточно скромна, за исключением декоративного оформления наличников окон (рис. 4). В крупных зажиточных деревнях и селах обычны жилые

Рисунок 4. Декоративное оформление наличников окон (Хлестово)

дома городского типа, обшитые снаружи досками или обмазанные глиной по обрешетке с последующей побелкой стен (село Воротынск, деревни Шеняно-Слобода, Кольцово, Березичи, Ильинское).

Несмотря на солидный возраст большинства населенных пунктов, существующих с XVI-XVII веков, на сегодня в них в основном сохранились традиционные деревянные строения, сооруженные в послевоенные 40-60-е годы XX столетия; реже встречаются дома, построенные в 30-е годы, а также на рубеже XIX-XX веков. Наряду с этим в деревнях и селах достаточно много примеров типовой каменной (из кирпича) жилой застройки периода 1900-1914 годов (рис. 5). Они характеризуются сохранением общего плана и внутренней планировки, присущей деревянным постройкам. Кроме того, имеются образцы комбинированных каменно-деревянных сооружений, в которых срубовая часть дома (обычно сени) является более поздней. Каменные постройки, среди которых имеются и примеры объектов хозяйственного назначения, достаточно удачно разнообразят селитебный ландшафт, но в заметных количествах отмечаются в деревнях, прилегавших к богатым дворянским усадьбам и монастырям (Железцево, Каменка, Гордиково), а также в поселениях городского типа (Воротынск). В последующее время, вплоть до колхозно-совхозного строительства послевоенных лет, кирпичная жилая застройка на селе практически не имела продолжения.

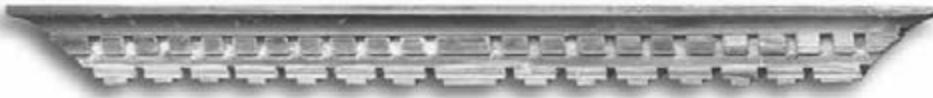
Рисунок 5. Типовой каменный дом (Воротынск)

Определенную законченность планировочной картине сельских поселений придают церковные храмы, располагающиеся обычно в створе главной улицы и нередко замыкающие ее на уступе берега реки (Никола-Ленивец, Верхнее Алопово). Исключение составляют церкви, приуроченные к дворянским усадьбам: часто они занимают пограничное положение между селом и усадьбой, объединяя в одном поселенческом комплексе два типа культурных ландшафтов (Сергиево, Березичи, Палатки и др.). Образцы сакральной (храмовой) архитектуры в сельском ландшафте территории представлены в основном каменными церквями, построенными в период с середины XVIII до начала XX веков. Примеров сохранившихся до наших дней деревянных церквей в границах парка не отмечено, за исключением храма в честь Святого Иоанна Предтечи в скиту монастыря Оптина Пустынь (20-е годы XIX столетия; рис. 6). С другой стороны, начиная с 90-х годов прошедшего века, в нескольких населенных пунктах, в том числе на фундаментах исчезнувших церквей, построены новые деревянные храмы с использованием традиционных технологий (Подборки, Корокино, Сосенка).

Специальных исследований народного жилища в границах национального парка до его образования никем не проводилось. В начале 2000-х годов в парке разработана программа изучения и сохранения традиционной культуры, один из блоков которой посвящен традиционным построй-

Рисунок 6. Деревянная церковь (Оптина Пустынь)

кам (Васильева, 2007). В 2004-06 годах сотрудниками парка, при участии специалистов Псковского института «Спецпроектреставрация» и Реставрационных мастерских г.Калуги, были проведены первые обследования территории парка, в ходе которых изучено более 50 домов с хозяйственными постройками в Юхновском, Дзержинском, Перемышльском и Козельском районах Калужской области (Васильева, 2005; Гофман, Васильева, 2009). При этом особое внимание уделялось типологическим признакам традиционного русского крестьянского жилища: внутренней планировке жилого помещения (положению печи и ее устья относительно входа, «святого угла» - относительно устья печи), положению дома по отношению к улице, характеру двора, высоте дома, положению пола по отношению к земле, форме кровли, технике возведения и внешней обработке стен.

В результате было выяснено, что обследованные объекты соответствуют традиционному крестьянскому жилищу рубежа XIX-XX веков, характерному в целом для Калужского региона и принадлежащему преимущественно к южнорусскому типу (Бломквист, Ганцкая, 1967). Это подтверждается ориентировкой дома длинной стороной вдоль улицы, отсутствием подклета, использованием в качестве фундамента врытых в землю дубовых «столбов», наличием четырех скатов у крыши и перекрытием ее щепой, дранью и соломой, широким распространением западного варианта южнорусской внутренней планировки: печь находится у входа, устьем повернута к передним окнам на улицу, «святой угол» располагается по диагонали от печи. Присутствие элементов среднерусского типа, особенно наличие крытого «двора», а также повсеместное распространение стропильного перекрытия для четырехскатных крыш, замена земляного пола деревянным, печей, топившихся «по-черному» - на печи с дымоходом, также было характерно для соответствующих территорий на рубеже XIX-XX веков (Ганцкая, 1967).

В свою очередь и для хозяйственных построек следует отметить повсеместное применение архаичных строительных приемов: «столбовой» техники, самцовской конструкции крыш, покрытие их соломой. Благодаря единству материала и конструктивных приемов архитектурные формы жилой и хозяйственной застройки не претерпевают значительных изменений с течением времени. Лишь во внешнем устройстве обследованных сооружений нередко присутствуют элементы сельской архитектуры XX столетия: пристроенные «терраски» в жилых домах, покрытие крыш толем или шифером.

И типовые кирпичные дома в сельской застройке практически не претерпели никаких изменений с момента строительства. Особенностью кирпичных сооружений иногда является беление стен по всей поверхности (южнорусская традиция); при нередком правиле украшать поверхность стен под крышей, на углах стен и вокруг окон, каждый дом украшен по-своему (Гофман, Васильева, 2009).

Вместе с тем общая оценка современного вида сельских населенных пунктов в национальном парке «Угра» свидетельствует, к сожалению, о том, что присущая им традиционная архитектура постепенно исчезает. Это связано в первую очередь с нерегулируемой дачной застройкой, «засорением» привычного селитебного ландшафта чуждыми архитектурными формами, отвечающими лишь личным вкусам их владельцев. Даже еще сохраняющиеся традиционные крестьянские усадьбы и постройки перерпевают серьезные изменения ввиду широкого распространения «евроокон», крыш ломаной конфигурации и сплошных высоких заборов из профилированного металла и пластика. Начало этому негативному процессу было положено в 90-е годы прошлого столетия, когда в результате «перестройки» стала приходить в упадок сельскохозяйственная деятельность и начался отток из деревни коренного населения – главного хранителя культурных ценностей сельского ландшафта. В итоге традиционное народное домостроение неизбежно утрачивается и села превращаются, в лучшем случае, в так называемые «агро-рекреационные поселения» горожан. Степень сохранности традиционного облика населенных пунктов при этом убывает в направлении с юга на север, по мере приближения к границам Московской агломерации – основного носителя этой новой экспансии.

Искажение традиционного сельского ландшафта, ввиду отсутствия грамотного и ответственного планирования, происходит также и за пределами населенных пунктов, на пространствах бывших сельхозугодий. Это связано со строительством в самых живописных местах и на высоких точках водоразделов крупных промышленных предприятий, современных «технопарков», а также животноводческих комплексов последнего поколения.

Задача сохранения архитектурного облика сельских поселений и сельского ландшафта в целом не может быть решена без соответствующей юридической базы и регулирования правовых отношений в сферах землепользования и градостроительства. Наряду с существующим опытом и методическими рекомендациями по сохранению сельских ландшафтов (Сельские..., 2013), в сегодняшних условиях действенным инструментом регулирования этих вопросов в России могут стать обязательные Правила землепользования и застройки (ПЗЗ), являющиеся нормативным актом любого муниципального образования (МО). Подобные Правила разрабатываются с целью обеспечения планирования и устойчивого развития территории МО, сохранения окружающей среды и объектов культурного наследия. ПЗЗ предполагают выделение территориальных зон, для которых устанавливаются определенные градостроительные регламенты. Рассматриваемые Правила проходят обязательную процедуру согласования с национальным парком, как это предусматривает Федеральный Закон Российской Федерации «Об особо охраняемых природных территориях»

применительно к документам социально-экономического развития населенных пунктов, находящихся в границах парков.

В свою очередь национальный парк «Угра» намерен предложить муниципальным образованиям и новым жителям деревни типовые варианты жилой застройки, учитывающие традиционные архитектурные стили до-мостроения на данной территории. Подобную работу планируется выполнить в ходе реализации проекта Еврокомиссии «Деревянная архитектура в культурном ландшафте – вызовы современности» (2013-2016 гг.) и издать в виде общедоступного альбома эскизных проектов. В рамках этого проекта, при участии «Фонда поддержки памятников деревянного зодчества», уже проведена экспедиция по дополнительному обследованию традиционных построек в границах парка.

ЛИТЕРАТУРА

- Памятники истории и культуры национального парка «Угра» /под ред. В.П.Новикова, Т.А.Гордеевой/. – Калуга, 2007. – 186 с.
- Новиков В.П. Некоторые итоги работы национального парка «Угра» по сохранению, восстановлению и музеефикации культурных ландшафтов // Природа и история Поугорья. Вып.7. – Калуга, 2013. – С.227-235.
- Васильева Е.И. Программа по изучению и сохранению традиционной культуры и культуры исчезнувших поселений НП «Угра»: опыт ее реализации // Историко-культурное наследие и природное разнообразие: опыт деятельности охраняемых территорий. – Смоленск, 2007. – С.202-205.
- Васильева Е.И. Традиционные постройки Жиздринского участка национального парка «Угра» (по материалам экспедиций 2004 г.) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции. – Калуга, 2005. – С.234-237.
- Гофман Г.С., Васильева Е.И. Традиционные постройки на территории национального парка «Угра» // Природа и история Поугорья. Вып.5. – Калуга, 2009. – С.207-212.
- Бломkvist Е.Э., Ганцкая О.А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. – М., 1967. – С.131-165.
- Ганцкая О.А. Строительная техника русских крестьян. // Русские. Историко-этнографический атлас. – М., 1967. – С.166-190.
- Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию /под ред. М.Е.Кулешовой/. - М., 2013. – 220 с.

«Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское». Дух места и градостроительный регламент

Ирина Агафонова

Научно-исследовательское предприятие «Этнос» (Россия)

Поэтическая легенда о невидимом граде Китеже, не сдавшемся врагам, но скрытом в водах озера (или же в окружающих его холмах) и продолжающим сегодня свою мирную праведную жизнь, имеет свое материальное воплощение в небольшом озере Светлояр, расположенном в Воскресенском районе Нижегородской области. Находящееся рядом с озером стариное село Владимирское сохранило свои основные характеристики как историческое поселение и развивается сегодня в русле преемственности культурных и духовных традиций. В январе 2015 года целостный культурно-ландшафтный комплекс, объединяющий село Владимирское, озеро Светлояр и окружающий их ландшафт с его сакрализированными топосами, получил статус объекта культурного наследия – достопримечательного места (Постановление Правительства Нижегородской области от 20 января 2015 года № 17).

В статье дается краткая характеристика исторически ценных особенностей и параметров данной территории – ее «предметов охраны». Именно эти хрупкие и сегодня особенно уязвимые материальные носители «Духа места» нуждаются в специальной защите, в том числе, юридической, что может быть достигнуто с помощью установления здесь определенных ограничений и требований к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству (градостроительного регламента).

Поэтическая легенда о невидимом граде Китеже, не сдавшемся врагам, но скрытом в водах озера (или же в окружающих его холмах) и продолжающим сегодня свою мирную праведную жизнь, имеет свое материальное воплощение в небольшом озере Светлояр, расположенном в Воскресенском районе Нижегородской области. Масштабы значимости этой ключевой для русского менталитета идеи, тесно связанной с идеей духовного обновления, преображения, выходят далеко за рамки конкретного озера, села, региона и имеют огромное значение для всей русской культуры в самом широком и глубоком ее понимании.

Расположенное рядом с озером стариное село Владимирское было местом бытования списков «Китежского летописца», отразившего эту патриотическую красивую легенду. Село не только сохранило свои основные ха-

теристики как историческое поселение, но и имеет выраженную тенденцию развития в русле преемственности культурных и духовных традиций.

Окружающий озеро ландшафт носит следы сакрализации. Об этом говорят наименования холмов, памятные кресты на почитаемых местах, расположенных по ходу движения вокруг озера, камень-следовик (углубление—след на нем, по народному поверью, оставила сама Богородица). Имеются и другие сакральные объекты, находящиеся в некотором отдалении от озера: Святой источник – ключ Кибелек и могилы Трех Святых старцев (богатырей), связанные с озером тропой и ландшафтом.

Территория, объединяющая обозначенные части и элементы, отличается ярко индивидуальной, исторически, градостроительно, эстетически и ландшафтно обусловленной пространственной структурой. Это дает основания для топографической идентификации территории и придания ей защитного статуса. Такая возможность появилась в нашей стране с выходом Федерального закона от 25.06.2002 года «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ и Положения о государственной историко-культурной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 15.07.2009 г. № 569.

Идея объединения старинного села Владимирского, озера Светлояр и окружающего их ландшафта с его сакрализированными топосами в целостный культурно-ландшафтный комплекс со статусом объекта культурного наследия – достопримечательного места, в настоящее время нашла свое юридическое выражение. Обоснование включения комплекса в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации основано на ряде основных принципов и критериев, выявленных в процессе изучения феномена данной территории.

В основе ДМ – объединенные озером Светлояр, связанные ландшафтом и единым направлением паломнического движения к озеру от автотрассы Нижний Новгород – Боковая - Воскресенское часть села Владимирского, расположенная вдоль главной улицы села – улицы Советской, и сакрализированные топосы (Святой источник ключ Кибелек, могилы Трех Святых старцев).

Эта наиболее старая часть села сохранила, в основном, историческую застройку, облик и образ самобытного заволжского поселения (улицы Советская, Первомайская и Пролетарская). Его композиционная ось – улица Советская, вытянута вдоль речки Теплухи с прудами, впадающей в чуть более крупную речку Лунду. Она отмечена несколькими крупными двухэтажными полукаменными домами (их типологические особенности говорят о торговом назначении нижних этажей), и тремя градостроительными (архитектурными) доминантами.

Важнейшей доминантой является деревянная ярусная Владимирская церковь с колокольней (1766 г.). Находясь в глубине от красной линии улицы Советской, она «держит» собой площадь перед каменным двухэтажным зданием сельской администрации, хорошо просматривается и с улицы. Часть территории бывшего при церкви кладбища является теперь главной общественной и административной площадью села, используется также и для торговли – временной и постоянной.

Краснокирпичная Никольская церковь, заложенная в 1908 году, служит градостроительной доминантой при въезде в село. Недостроенная (отсутствует начатая постройкой колокольня над западным входом) и лишенная пятиглавия в советское время, она, тем не менее, хорошо просматривается с автотрассы. Одновременно храм, находящийся на изгибе оси улицы Советской, своим западным фасадом замыкает ее перспективу, обозначает границу села при въезде в него, маркирует начало пути к святыму озеру.

К числу исторических доминант села Владимирского относится и деревянная пожарная часть с каланчой, заменившая в 1960-х годах первоначальное здание конца XIX – начала XX века. Поставленная в самой высокой точке села пожарная каланча является выраженным архитектурным акцентом, отмечает направление поперечной улицы села. Архаичную по облику

Владимирская церковь, 1766 г.

постройку в настоящее время можно назвать уникальной, поскольку она осталась едва ли не единственным в регионе сохранившимся сооружением данного типа.

Значимыми объектами для села Владимирского являются два здания общественного назначения, стоящие вдоль улицы Советской: двухэтажный деревянный Дом культуры, архитектура которого характерна для своего времени (1957 г.), и только что выстроенный многофункциональный общественно-культурный центр – краснокирпичное двухэтажное сооружение, решенное в характере «русского» направления периода эклектики конца XIX века («терем»). Расположенные в ряд друг с другом на довольно большом озелененном участке они, вместе с парковой зоной, составляют своеобразную пространственную градостроительную доминанту.

В целом, градостроительная ситуация продолжает развиваться в сторону насыщения улицы Советской общественно значимыми функциями, что соответствует ее месту и значению в функционально-планировочной структуре села. Сегодня, как и во все периоды, она остается центральной улицей поселения, главным направлением движения к озеру Светлояр от автотрассы, частью композиционной оси достопримечательного места.

Огромную роль в жизни и развитии села играет его культурно-образовательный центр, представляющий значительный интерес и ценность для всего региона. Основой стал комплекс бывшей земской школы, расположенный на окраине села Владими尔斯коего несколько обособленно от основной планировочной структуры. От него сохранилось одно-двухэтажное

«Кресты». Вид на пожарную каланчу с улицы Советской

деревянное (фасады обшиты) здание школы 1882 года постройки, на небольшом расстоянии от которого находится одноэтажное, также деревянное, здание Историко-художественного музея «Китеж».

Современное использование школьного здания находится в русле его первоначальной учебно-педагогической функции, развивая и дополняя ее. В 1997 году здесь открылся детский центр творчества «Китеж», где занимаются по настоящее время ребята после учебы в основной школе. В центре работают выставочные залы с экспозицией детских работ. Замечательно маркируют современные функции здания элементы благоустройства, выполненные руками детей, а также высокохудожественные керамические изделия, украшающие главный фасад и указывающие на расположенную на втором этаже музейную экспозицию профессиональных художников-керамистов, открытую в 2012 году.

Значимость территории усиливается в связи с наличием объектов, связанных с посещением известных людей – писателей и поэтов В.Г. Короленко, М. Горького, М.М. Пришвина, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, жизнью известного местного писателя-сказочника С.В. Афоньшина.

Детский центр творчества «Китеж» и выставочный зал керамики

Граница той части достопримечательного места, которая расположена вне села Владимирского, обусловлена окружающими село и озеро Светлояр открытыми пространствами лугового ландшафта и лесными участками, а также зоной влияния на сохранность и восприятие ландшафта паломниками,двигающимися по тропе через лес к Святому источнику ключу Кибелек и могилам Трех Святых старцев.

Главной составляющей достопримечательного места, объединяющей все другие и определяющей его значимость, является озеро Светлояр. В природном отношении озеро представляет собой небольшой по площади (около 12 га) водоем, имеющий правильную яйцевидную форму. При небольших размерах в плане глубина достигает 28 м (по некоторым данным 33 м). Озеро питается родниковыми водами и через ручей, вытекающий на северо-востоке, имеет сток в речку Люнду. Озеро необычно по своим гидрохимическим особенностям, отличается исключительно чистой и прозрачной водой. В нижних слоях она сильно охлаждена и имеет температуру всего 3,5-4 С. По существующим поверьям, вода обладает целительными свойствами.

Береговые склоны частью высокие холмистые, частью - низкие и пологие; с севера и северо-запада озеро охвачено полукольцом торфяного болота. Растительность достаточно разнообразна: имеются луговины; бор с сосной и березой в возрасте от 60 до 130 лет; участки, где встречаются осина, крушина, рябина, малина, шиповник; посадки сосны. В водах и на берегах озера произрастают различные редкие виды растений.

Происхождение озера точно не установлено. Имеются гипотезы о карстовом происхождении озера, эоловом, метеоритном, а также о том, что его образование связано с пересечением двух глубинных разломов земной коры.

Как уникальный природный объект, озеро имеет статус памятника природы федерального значения, установленную охранную зону. Оно входит также в границу образованного в недавнее время природного парка «Воскресенское Поветлужье».

На сегодняшний день прилегающая к озеру территория имеет достаточно деликатное благоустройство: дощатый настил на тропе, по которой паломники обходят озеро; дощатые сходы к озеру; обновленные деревянные поклонные кресты вдоль тропы. Дополнением к древним сакральным объектам на территории достопримечательного места является деревянная церковь, поставленная на высоком южном берегу озера - на участке, где находилась старая часовня. Шатровый силуэт нового храма замечательно вписался в общую ландшафтную ситуацию, прекрасно просматривается со многих видовых точек. Недалеко от основных входов в церковь лежит камень-следовик с углублением, которое, согласно поверьям, яв-

ляется следом ноги Богородицы, а скапливающаяся в нем вода обладает целительными свойствами.

Также свойства исцелять имеет вода Святого ключа Кибелек и открыто-го ручья в этом же месте, на котором была устроена Георгиевская купальня. Часть тропы, проходящая от озера через лес, также благоустроена с помо-щью дощатого настила, защищающего почвенный покров от разрушения, оборудована местами для отдыха с простыми деревянными скамьями.

Неподалеку от Кибелька, в лесном массиве, находится небольшая по-ляна с тремя высокими деревянными крестами на местах, традиционно по-читающихся как могилы Святых старцев (по другим версиям – богатырей). Эти захоронения, как и другие сакральные места, являются предметом по-клонения паломников. Сюда приносят подношения в виде пищи, цветов, лука и т.д. С самых давних времен существует обычай тройного обхода (или оползания) озера, который производится в молитвенном состоянии.

Характерно, что в число людей, стремящихся посетить освященные ме-ста, входят представители самых разных религиозных конфессий. Особен-ными для Светлояра являются дни 6-7 июля, собирающие на его берегах огромное количество народа, когда престольный праздник главного храма села плавно переходит в народное празднование Ивана Купалы. В эти дни здесь мирно уживаются крестные ходы с Владимирской иконой Богомате-ри между храмами и вокруг озера, купание в озере, ночной обход вокруг него со свечами (озеро тогда оказывается как бы взято в огненное кольцо), праздничные театрализованные представления, художественные выставки, концерт бардовских песен, ярмарка изделий народных промыслов и др.

Существуют цепочки ассоциативных связей, каждое звено которых вы-зывает в памяти другие составляющие: Светлояр – град Китеж – Китеж-ская Русь; Светлояр – праздник Купалы; село Владимирское – Светлояр – ритуальный обход озера – поклонные (памятные) кресты и памятные места – Кибелек – Георгиевская купальня – могилы Трех Святых старцев; село Владимирское – Воскресенское Поветлужье – Светлояр; село Влади-мирское – престольный праздник Владимирской церкви – чудотворная Владимирская икона Богоматери.

Таким образом, в объекте культурного наследия, во всей его комплекс-ности, в полной мере присутствует «Дух места», имеющий мифоритуаль-ные истоки, связанные, в первую очередь, с сакрализацией озера. Отсюда мифология местности, топонимика, потребность в реализации внутренних творческих сил людей (как живущих здесь, так и приезжающих) – невиди-мая духовная культура живого этнокультурного ландшафта. Все части ДМ, объединенные святым озером и реально связанные друг с другом географи-чески и планировочно, в совокупности своей представляют тип ассоци-ативного ландшафта.

При этом он является и типом выдающегося развивающегося ландшафта, который сохраняет активную роль в современном сообществе и где продолжаются эволюционные процессы. Это замечательное само по себе обстоятельство таит огромную опасность для достопримечательного места. Сегодня, несмотря на имеющиеся уже защитные меры, существуют серьезные проблемы существования озера как объекта культурного и природного ландшафта, угроза потери самобытности исторического села и превращения его в коттеджный поселок в окружении турбаз и ресторанов. Таким образом, явственно ощущаемый «дух места» с его мифоритальными истоками и идеей духовного обновления вполне реально может оказаться замененным на дачный, курортный, развлекательный.

Противостоять этим процессам невозможно с помощью одних лишь просветительских действий и культурных мероприятий, которые, без сомнения, очень важны и пока еще успешно работают. Однако становится все более очевидно, что здесь остро необходимы и мероприятия, носящие юридический, нормативно-правовой характер – еще одна степень защиты в добавление к установленным. Именно для этого в настоящее время разрабатывается градостроительный регламент, регулирующий характер использования различных участков территории и устанавливающий определенные ограничения и требования к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству.

Чтобы запроектировать такой регламент, необходимо понять и описать четким юридическим языком те параметры объекта культурного наследия, которые в совокупности своей определяют образ территории и «дух места», - его «предметы охраны». Именно они должны быть сохранены при любой возможной здесь хозяйственной и строительной деятельности.

В пределах села Владимира к предметам охраны относятся, в первую очередь, «исторически ценные градоформирующие объекты»: памятники и другие объекты, ценные в архитектурно-художественном, историческом, стилевом, типологическом отношении (выявлено около 30 построек, местоположение и внешний облик которых подлежат полному сохранению), а также планировочная, объемно-пространственная и функциональная структура села. Элементами этой структуры являются: трассировка и линии застройки продольных улиц - основных композиционных осей; местоположение, габариты, трассировка знаковых участков планировочной структуры и пространственных доминант, их градостроительное и функциональное назначение (улица Советская, дамба и определяемая ее местоположением поперечная улица, пересечение ее с улицей Советской - «Кресты»; церковная (Владимирской церкви) и административная площадь; площадь Никольской церкви; зона общественно-культурного назначения между улицами Советской и Октябрьской – с ее парком, Домом

Деревянный одноэтажный дом в 3-4 оси света по главному фасаду с фронтонным завершением

1

Деревянный одноэтажный дом в 5-6 осей света по главному фасаду с трехоконным мезонином и фронтоном

6

Деревянный одноэтажный дом в 3-4 оси света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном

2

Деревянный на каменном этаже дом в 3-4 оси света по главному фасаду с фронтонным завершением

7

Деревянный одноэтажный дом-пятистенок в 5-6 осей света по главному фасаду с фронтонным завершением

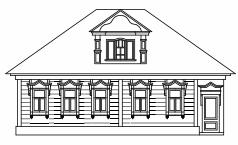
3

Деревянный на каменном этаже дом в 3-4 оси света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном

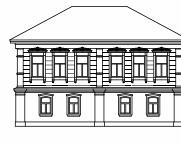
8

Деревянный одноэтажный дом-пятистенок в 5-6 осей света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном

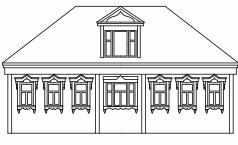
4

Деревянный на каменном этаже дом-пятистенок в 6 осей света по главному фасаду с вальмовой кровлей

9

Деревянный одноэтажный дом-шестистенок в 7-9 осей света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном

5

Деревянный на каменном этаже дом-шестистенок в 7 осей света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном

10

Основные композиционные типы жилых домов села Владимирского

культуры, общественным центром; зона учебно-культурного назначения с Историко-художественным музеем «Китеж», детским центром творчества «Китеж» и выставкой керамики). Все это вместе взятое создает не застывший, но живой, развивающийся во времени и пространстве образ исторического села, ведущего активную культурную жизнь. Перечисленные участки требуют градостроительного осмысливания и тактичной реконструкции с учетом максимального сохранения исторических параметров.

Важнейшим фактором сохранения образа поселения являются такие градостроительные показатели, как усадебная сельская структура жилой застройки, соотношения между застроенными и незастроенными пространствами, а главное – типологические и архитектурно-художественные характеристики самих домов. Подавляющее большинство старинных жилых строений – одноэтажные бревенчатые рубленые дома в три-пять осей света по главному уличному фасаду, покрытые высокой вальмовой или двускатной крышей. Развитые слуховые окна могут трансформироваться в небольшой мезонин. В районе центральной улицы имеются несколько крупных полукаменных домов с торговыми (первоначально) нижними

Жилой дом-пятистенок с палисадником

этажами, в том числе и дома-шестистенки с семью окнами по фасаду. Характерными являются структура, масштаб, пропорции уличных фасадов домов; характер и пропорции архитектурных деталей фасадов, художественная прорезная и глухая резьба, цветовое решение фасадов с выделением яркой покраской наличников окон и других элементов декора.

Также важным для восприятия места является использование традиционных элементов малых архитектурных форм – дощатые ограждения участков (штакетники), колодцы «журавли» и др.

Именно эти основные параметры, детализированные по отдельным участкам центральной зоны села, утверждаются градостроительным регламентом, приложением к которому служит таблица основных композиционных типов жилых домов села Владимирского. Очевидно однако, что столь жесткие требования к жилой застройке невозможно предъявить ко всем объектам реконструкции и нового строительства села Владимирского. Часть требований к регламенту носит рекомендательный характер и смягчается по мере удаления от основных композиционных осей. При этом учитываются и возможности развития инфраструктуры на периферийных территориях, расположенных вдали от озера Светлояр.

Что касается природно-ландшафтной зоны достопримечательного места, то здесь главными принципами установления ограничений и требований является сохранение природных и композиционных характеристик ландшафта, в том числе топосов. Топос здесь понимается как осмысленный и освоенный культурой тип места: луговины и поля, лесные массивы,

Примеры резных оконных наличников

дороги и тропы, в т.ч. круговой обход вокруг озера – «тропа паломников», березовая аллея, ведущая к озеру, памятные холмы и т.д. Также должны сохраняться основные материальные объекты: Казанская церковь (точнее – ее местоположение и основные параметры), отмечающая место бывшей здесь в XIX – начале XX века часовни; поклонные (православные и православные старообрядческие) деревянные восьмиконечные кресты вокруг озера, отмечающие почитаемые места; камень-следовик; памятное место с остатками почитаемого дерева в честь Пресвятой Троицы; могилы Трех Святых Старцев с восьмиконечными деревянными крестами.

Также важными факторами, определяющими выразительность архитектурно-художественного образа достопримечательного места и требующими сохранения с помощью определенных ограничений и действий, являются пейзажи (виды и панорамы), открывающиеся с главных точек восприятия природного и культурного ландшафта, его звуковая палитра, где главную роль играют естественные звуки живой природы, традиционного деревенского хозяйства. Особое значение имеют преобладающие звуки тишины в районе озера Светлояр – в связи с преданием о доносящихся со дна колокольных звонах.

Что же касается традиционных способов поддержания сакрального смысла культурного ландшафта (религиозные праздники и обряды, крестные ходы вокруг озера, устройство деревянных восьмиконечных поклонных крестов и подношения к ним), то здесь очень важно исключить искусственное вмешательство и не препятствовать естественному выражению духовных порывов, не допуская, в то же время, вполне вероятных антиобщественных тенденций. В качестве основного ограничения в рамках градостроительного регламента может быть установлен запрет на любое капитальное строительство в пределах ландшафтной зоны (в том числе, и устройство памятных знаков, имеющих основание из долговечных материалов). При этом необходимо понимать, что не исключено появление новых либо восстановление древних забытых сегодня традиций и обрядов.

Таким образом, с помощью установленных ограничений и требований к хозяйственной деятельности, градостроительных регламентов может быть сохранен материальный аспект «Духа места», выявленный и описанный в «Предметах охраны». Это, в свою очередь, будет способствовать и сохранению духовной составляющей ассоциативного культурного и природного ландшафта – достопримечательного места «Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское».

Сохранение культурного ландшафта на примере исторического села Владимирского и озера Светлояр. Проблемы и перспективы музеификации культурно-ландшафтного комплекса

Алексей Гроза

Природный парк «Воскресенское Поветлужье» (Россия)

Озеро Светлояр и село Владимирское, находящиеся в Воскресенском районе Нижегородской области (бассейн реки Ветлуги), составляют ландшафтно-культурный комплекс, являющийся олицетворением легенды о невидимом граде Китеже. Это место почитают представители разных конфессий.

Село Владимирское традиционно связано с озером Светлояр, Решением Нижегородского областного Совета народных депутатов от 06.04.1993 г. № 109-м оно было отнесено к историческим поселениям регионального значения.

Яркими достопримечательностями села являются: деревянная ярусная церковь XVIII столетия, деревянная пожарная каланча, дома конца XIX – начала XX века на каменных подклетах, речка Теплуха с прудами.

В целях усиления государственной охраны данной уникальной территории разработан специальный проект. Он предусматривает приздание ландшафтно-культурному комплексу озера и села статуса объекта культурного наследия – достопримечательного места (ДМ). Проектом также предусмотрена возможность музеификации как отдельных объектов, так и территории внутри комплекса. Предлагаемые мероприятия будут способствовать сохранению традиций материальной и духовной культуры сельского населения Нижегородского Заволжья.

Легенда о граде Китеже, скрывшемся в глубинах озера Светлояр, — одна из самых поэтических легенд о древней Руси. Данную легенду воспевали в своих трудах Владимир Короленко и Михаил Пришвин, Максим Горький и Сергей Дурылин, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Анна Ахматова и Федор Сологуб, Максимилиан Волошин и Игорь Северянин, Николай Клюев и Андрей Белый. Свое второе рождение озеро Светлояр получило во времена раскола в церкви, когда в начале 18 века более сорока тысяч старообрядцев пришли в керженские леса, спасая святую веру предков. И озеро Светлояр с легендой о граде Китеже стало главной святыней верующих. Первым письменным документом, который дошел до наших дней является книга, «глаголемая Китежский летописец», по исследо-

дованию специалистов, относящаяся к началу 18 века. Виктор Комарович исследовал феномен создания данного народного произведения и выскажал гипотезу о собирательном характере данного произведения. В книгу включили элементы житий святых, некоторые исторические факты, имеющие другие даты в настоящей истории, и переложили на действительность начала XVIII века, с целью интерпретации для современников, с необходимой идеологической концепцией в интересах старообрядчества. Первая официальная публикация «Китежского летописца» в журнале «Москвитянин» относится к 1843 году, Степан Меледин, создатель общественной библиотеки из г. Семёнова, написал рассказ о сборах старообрядцев на светлом озере, почитающих образ светлого града Китежа. В дальнейшем при посещении классиками озера Светлояр и публиковавшим в своих произведениях данный миф из местной легенды превратился в один из национальных символов России. Представления о Китеже христианизировались в соответствии с общими процессами, происходящими в русской культуре. Однако даже в христианизированных фольклорных образах различимы лежащие в их основе архетипы, которые сложились в древней мифологической традиции. Они живут в генетической памяти поколений, передающих свое культурное наследие по законам преемственности. Эти же первообразы пульсируют и в «сверхличном, или коллективном, бессознательном», что со всей очевидностью проявляется в народном творчестве, и особенно

Око Светлояра, вид с птичьего полета

в мифологии, которую К.Г. Юнг отождествляет с «коллективной психикой, а не индивидуальной» (Криничная, 2004).

«Познание духовной глубины Светлояра вышло из народа и идет к народу волнующим своим сказом. Веянием своего духа оно исходит из русской культуры и возвращается в неё <...>. Светлояр – «золотая жила» художников, поэтов, композиторов, мыслителей, которым доступна духовная глубина жизни. Эзотерически эта легенда вскрывает высшую реальность человека и народов» (Архиепископ Иоанн Сан-Францисский, 1992).

Овладевая умами и вдохновляя на творчество, образ Китежа в начале 20 в. побуждал многих «интеллигентов» приобщиться к созерцанию и со-переживанию «праведной» Руси. В село Владимирское Семеновского уезда Нижегородской губернии, где находится озеро Светлояр, а в настоящее время Воскресенский район Нижегородской области, посещали многие из них. Современное устремление народа к устроению общества и поиску смысла жизни в контексте перемен, особенно на рубеже 19-20 столетий притягивала их на берега Светлого озера, где не только мода или любопытство, но и жажда духовного общения с «народом» были востребованы. И почти каждый, кто побывал «у стен града невидимого» и набрался там ярких впечатлений, оставлял красочные описания своего странствия.

Райнер Мария Рильке в своем известном письме к Леониду Пастернаку (отцу поэта) 14 марта 1926 года писал о том, что «исконная («глубинная...

Светлояр, осень

умеющая все претерпеть») Россия не погибла, а лишь «вернулась ныне к своим потаенным корням, как это было уже с ней однажды во времена татаршины <...> и, объятая темнотой, незримо и медленно, в святой своей неторопливости собирается с силами для какого-нибудь, еще, быть может, далекого будущего» (цит. по: Рильке и Россия, 2003).

Устройство России подверглось новому социальному опыту (коммунизму), но ее сокровенная суть осталась нетронутой. Придет время — и Россия явит миру свой ослепительный, незамутненный («нерукотворный») лик. Такого рода представления были распространены — в советский период — и внутри страны. «Россия, Русь! Храни себя, храни» — воскликнул в 1960-е годы поэт послевоенного поколения Николай Рубцов (Рубцов, 2000).

Предпосылки этой историко-культурной трансформации можно видеть уже в романах Мельникова-Печерского, запечатлевшего старинный быт и древние устои старообрядческого Заволжья. Важным событием в культурной жизни стала, опера Николая Римского-Корсакова «Сказание о невидимом Граде Китеже и деве Февронии», которая способствовала популяризации китежской темы.

Русский Китеж, коренящийся в народной легенде, вырастает — как общенациональный миф — прежде всего из потребностей общественного сознания. Успех романов Мельникова-Печерского, оперы Римского-Корсакова, стихотворений Клюева и Волошина объясняется не только их худо-

Лебеди шипуны на озере Светлояр

жественными достоинствами — он напрямую связан с движением русской общественной мысли: от народничества 1860—1870-х гг. к религиозному народничеству начала XX в.; от революционной волны в первой половине 1900-х гг. к богоискательству и богостроительству, охватившим в «эпоху реакции» различные слои русского общества; от яростных дискуссий вокруг проблемы «народ и интеллигенция», предельно обострившейся в период «между двух революций», до полного переосмыслиения понятия «народ» после победы большевизма. Нараставшее на этом фоне внимание к Китежу представляется вполне естественным (Азадовский, 2013).

Легенда, как видно, оказалась жизнеспособной. Два мифа (о Святой Руси и Невидимом Граде) постепенно слились воедино, и Китеж стал функционировать в нашей культуре как воплощение трагической судьбы России, как выражение ее неосуществленных мечтаний о Царстве Божием и Небесном Иерусалиме, о праведной, райской жизни. Сюжет разросся, превратился в систему представлений, в емкую метафору, трактовать которую можно по-разному, но ядро ее остается неизменным: образ богоспасаемой, святой страны. В этом и заключается уникальность «местной легенды», давно преодолевшей свой старообрядческий генезис.

«Китежский миф, повествующий о прошлом, объясняющий искупительный путь настоящего и дающий опору для веры в будущее, становится средством осмыслиения русской истории» (Карлсон, 2011).

Дневной дозор зимним днем

Да, китежский миф превратился в миф о России, какой она до сих пор предстает зачарованному взору: несбыточная утопия, «наш неосуществимый сон» (Волошин).

И в наши дни на берега озера Светлояр начинают приходить верующие, паломники, туристы. Но за последнее времена ушедшего века так сложилось, что территория озера превратилась и в некое подобие зоны отдыха не только районного, но и областного значения. Сегодня Светлояр буквально стонет от того, как ведет себя человек на берегах священного места. Мы чувствуем, как незримо разрушается духовное наследие, благодаря умалению и осквернению устоев и традиций, в веках совершающихся здесь.

Отражение храма в честь Казанской иконы Божией матери в водах озера Светлояр

По-человечески понятно, что местному населению негде искупаться в жаркий день, и они приходят к озеру. И все-таки, исходя из уникальности как исторического, так и духовного значения Светлояра, нужно искать выход из сложившейся ситуации. Такой выход, конечно же, есть. Территориально развести данные две идеологии: памятника природы и парка культуры. Ведь что мешает, например, возродить и благоустроить места отдыха на берегу речки Люнды, где они и были, поскольку в озере раньше не купались? Построить купальню у святого ключика Кибелек для омовения верующих. Создать места отдыха на берегу р. Ветлуги и на р. Керженец, других озерах и водоемах Нижегородского Заволжья. Ведь «сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его нравственной самодисциплины и социальности». Длительный процесс исторического развития общества, окружающей среды ведёт к нарастанию мощности культурного слоя, к формированию сложной и разнообразной культурной среды. Д.С. Лихачёв обращает внимание на обратный процесс. «Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со всей прогрессирующей скоростью» (Лихачёв, 1983).

Во время праздника Владимиркой на озере Светлояр начало 20 века, до революции. С 23 на 24 июня по старому стилю

Ведь озеро Светлояр и связанная с ним легенда о сокровенном граде Китеже является одним из ярких примеров культурного ландшафта. По классификации охраняемых территорий Юнеско относит данный тип территории к ассоциативным типам ландшафтов. Это ландшафты, хранящие в себе память о выдающихся исторических событиях, исторических личностях или связанные с художественными произведениями. Они несут в себе черты сакральности. При этом необходимо отметить, что культурный ландшафт, как объект наследия, рассматривается весьма широко. Он включает не только вещественно-выраженные природные и культурные объекты, но и сохранившуюся на этой территории живую традиционную культуру, мифы и легенды, хранителем которого является население, проживающее на этой территории (Культурный ландшафт..., 2004).

Село Владимирское неразрывно связано с находящимся рядом (2 км к западу) озером Светлояром, благодаря которому оно и получило широкую известность. С целью сохранения озера Светлояр и возрождения традиций, связанных с легендой о граде Китеже, этой целостной ландшафтной территории, объединяющей озеро Светлояр, село Владимирское, тропу паломников, могилы трех старцев и ключик Кибелек, в январе 2015 года придан статус объекта культурного наследия – достопримечательного места.

Обряд обползания на коленях вокруг озера Светлояр,
60-е годы 20 века

Благодаря последним открытиям археологов и работам специалистов из Научно-исследовательского предприятия «Этнос» Алексея Давыдова и Ирины Агафоновой сложилась возможность для придания статуса до-стопримечательное место «Культурно-ландшафтному комплексу «Озеро Светлояр и село Владимирское». Основные исторические вехи обоснования говорят нам о следующем.

По последним данным археологических исследований берег озера Светлояр был заселен издревле - со времен мезолита (VII – VI тысячелетия до н.э.). В VII – IX веках н.э. территория Поветлужья входила в ареал распространения марийских племен. Заселение русскими окрестностей современного села Владимирского и непосредственно берега озера Светлояр датируется временем не позднее XIV века. Об этом свидетельствуют обнаруженные в 2011 году Ветлужской археологической экспедицией Музея ННГУ, под руководством Евгения Четвертакова и его заместителя Андрея Пудалова, русские средневековые селища Владимирское 1 (на правом берегу реки Люнды), Светлояр 1 и Светлояр 2 (на Святых горах у озера Светлояр). Однако их генетическая связь с современным селом Владимирским, которое известно по архивным документам с середины XVII века с первоначальным наименованием Люнда (по названию реки), пока не установлена.

Село до отмены крепостного права являлось владельческим, переходя из рук в руки разных собственников. В «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию второй половины XVIII века, касающихся Макарьевского уезда Нижегородской губернии, среди других сел кратко указано, что «Владимирское, Люнда тож, на обеих сторонах оврага безымянного, в том селе церковь Владимирская Пресвятая Богородицы деревянная». По мнению писателя С.В. Афоньшина, местного уроженца, первоначально был заселен правый берег оврага с речкой Теплушкой (Теплухой) – притоком реки Люнды, а затем село распространилось к югу.

Озеро Светлояр показано с ярко выраженной протокой, соединяющей его с рекой. К северо-западу от него обозначены разрозненные постройки хутора, принадлежавшего князю А.А. Сибирскому. В настоящее время хутор не существует. Из известных нам чертежей он последний раз показан как «Старый хутор» на генплане озера Светлояра и его окрестностей в 1893году.

В дореволюционное время Владимирское являлось волостным центром. По данным на 1895 год число жителей в нем составляло 922 человека, в том числе 422 мужчины и 500 женщин.

Единственной архитектурно-градостроительной доминантой села на протяжении долгого времени являлась деревянная ярусная Владимирская церковь с колокольней. В конце XIX – начале XX века к ней прибавилось

массивное, также деревянное, здание пожарной части с каланчой, находившееся на месте современного памятника жителям села, погибшим в Великую Отечественную войну. Заложенная в 1908 году вторая (каменная) церковь оказалась недостроенной. Тем не менее, ее краснокирпичный объем доминирует, замыкая перспективу улицы Советской и обозначая границу села при въезде/выезде из него со стороны современной трассы на районный центр Воскресенское.

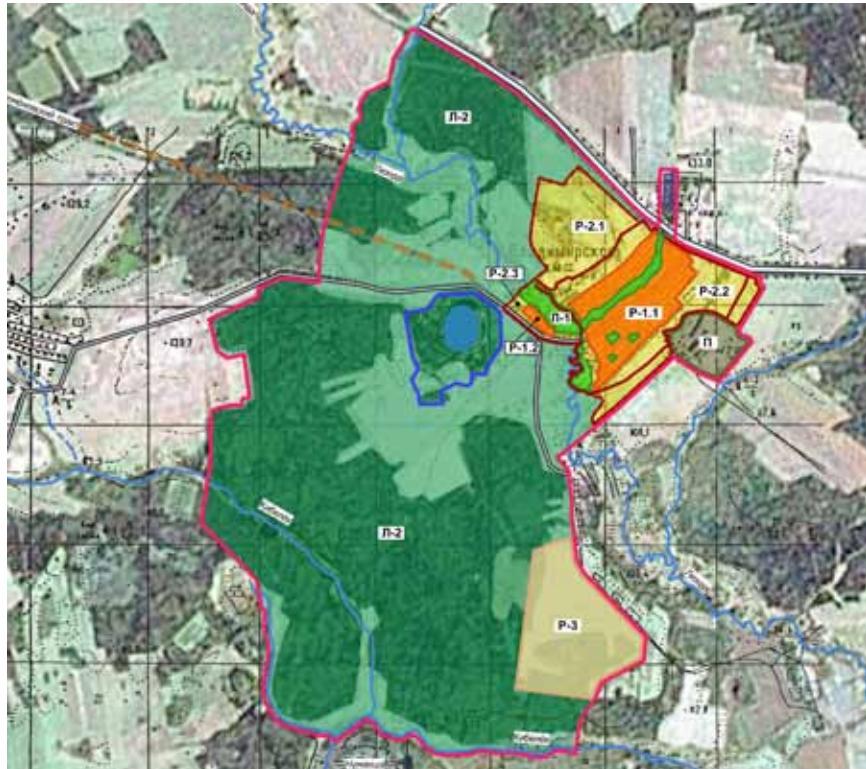
Постепенно почитание этого святого места и отдельных элементов его ландшафта (деревья, родники, «святые горы», то есть холмистый берег, камень-следовик) помимо старообрядцев распространяется и среди приверженцев официального православия, а еще позже – среди сектантов.

Еще одним таким сакрализированным топосом являлся находящийся примерно в двух километрах от озера ключ Кибелек, воспринимаемый как легендарное место битвы трех русских богатырей с татарами, а также расположенные здесь их «могилы» (по другой версии – «могилы» трех старцев).

В советское время среди значительной части людей отношение к Светлояру оставалось неизменным. В святость озера по-прежнему верили, к нему шли паломники, устраивались диспуты на религиозные темы. Последний такой диспут по сведениям И.А. Кирьянова состоялся в 1953 году. Продолжавшееся почитание святынь вызывало противодействие официальных властей, провозгласивших атеизм своей официальной идеологией: где-то в 1936 – 1937 годах была снесена часовня, завален лесным мусором родник Кибелек. Патрули из представителей советского и комсомольского актива в дни религиозных праздников пытались не допустить паломников на берега Светлояра.

Вместе с тем, именно в советское время были организованы многочисленные научные экспедиции с целью изучения озера, его происхождения, а также происхождения и бытования китежской легенды.

Исходя из описания данной местности и проведенного анализа исторической среды, мы предлагаем следующий этап актуализации культурного наследия, в виде музеефикации культурного ландшафта озера Светлояр и села Владимирское и прилегающих достопримечательностей. Музеефикацию мы понимаем как направление музейной деятельности и охраны памятников, сущность которого – преобразование историко-культурных и природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, природной, научной, художественной ценности и включения их в актуальную культуру. А в будущем создать музей-заповедник на базе существующего историко-художественного музея «Китеж» и территории, имеющей статус «Достопримечательное место».

P-1 - предлагаемая граница Объекта «Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское» P-2 - граница охранной зоны государственного памятника природы федерального значения «Озеро Светлояр», утвержденная распоряжением Администрации Нижегородской области от 1 ноября 1995 года № 1469-р (с изменениями на 11 марта 1999 года) P-3 - зона застроенных территорий (исторических) - P-1.1, P-1.5 P-2 - зона застроенных территорий (современных и перспективных - пред назначенных для перспективного расширения территории села Владимирского) - P-2.1, P-2.2, P-2.3 P-3 - зона застроенных территорий (существующих и перспективных) L-1 - зона территорий, занятых ценным природным ландшафтом	П-1 - зона производственная Л-2 - природно-ландшафтная зона Л-3 - леса Л-4 - луга, пастбища, сенокосы Л-5 - водоемы и водотоки Л-6 - автодороги Л-7 - зона исторического кладбища

Схема регламентного зонирования Культурно-ландшафтного комплекса «Озеро Светлояр и село Владимирское»

В итоге, можно инициировать процедуру включения данного объекта в список объектов ЮНЕСКО в номинации «Культурный ландшафт».

Важно заложить регламенты сохранения исторической застройки в селе Владимирское, которое постепенно начинает превращаться в дачное село. Выработать правила по сохранению стиля, высотности построек, осмысливать и развивать архитектурно-узловые территории в селе. Создать условия по строительству гостиниц, не нарушающих визуальную, звуковую среду. Разрешить строительство в отдалении от озера, чтобы туристский комплекс не нарушил аутентичности и тишины исторического места. Затем на основе принятых регламентов на территории объекта культурного наследия принять поправки к правилам землепользования и застройки села Владимирское. Немаловажная составляющая в сохранении культурного наследия отводится местным жителям, с которыми необходимо проводить встречи и разъяснительные беседы, просветительскую деятельность, направленную на повышение общего уровня культуры и исторической, архитектурной и природной грамотности. Приложением к документам необходимо разработать альбом, на основе научных изысканий, с предложениями по фасадам, размерам, стилю характерных построек, учитывающих современные требования комфорта и красоты построек. Разработать «Фирменный» стиль села, с системой малых архитектурных форм и другими элементами.

Многовековое почитание водоема племенами язычников, искоренение язычества церковью, раскол в самой церкви, борьба советской власти с религией и наступивший, наконец, период новой эпохи, ноосфера – все, как в зеркале, отразилось в водах Светлояра. Стремление познать свою Родину, ее природу и историю влечет к этому озеру многочисленных людей.

Притяжение Светлояра основано на стремлении людей к воссозданию в душах своих образа Светлого Града,озвучного образу Небесного Града Китежа. Это притяжение основано на нравственных законах и обогащено разумной верой благодаря знаниям и опыту. Пусть живительный источник Матери Природы и великий символ многих поколений позволит найти точку опоры и сохранить равновесие и устойчивость в нашем обществе в эпоху глобальных перемен.

ЛИТЕРАТУРА

- Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., Академический проект; Гаудеамус, 2004.-1008 с.- («Summa»). С. 712.
- Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Дно Светлояра // Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное / Сост., автор вступ. статьи Ю. Линник. Петрозаводск: Святой остров, 1992. С. 509–510.

-
- Рильке и Россия: Письма Дневники. Воспоминания. Статьи. Стихи. СПб., 2003. С. 550.
- Рубцов Н.М. Собр. соч.: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 204. («Видения на холме»).
- Азадовский К. Тоска и томление по Святой Руси. Новое литературное обозрение №119 (1/2013). <http://www.nlobooks.ru/node/3261>.
- Карлсон И. Поиски Руси Невидимой: Китежская легенда в русской культуре. 1843-1940.-Goteborg, 2011.-392с.- (Slavica Gothoburgensia 10). с. 352.
- Лихачёв Д.С. Земля родная. – М., 1983. – С. 82, 93.
- Культурный ландшафт как объект наследия. Под.ред.Ю.А.Веденина, М.Е.Кулешовой. - М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. - 620 с., ил.

Обновление деревень в Словакии. Наследие деревянной архитектуры

Михаил Шарафин

ФА СТУ Братислава и Ателье Домова о.о.о. (Словакия)

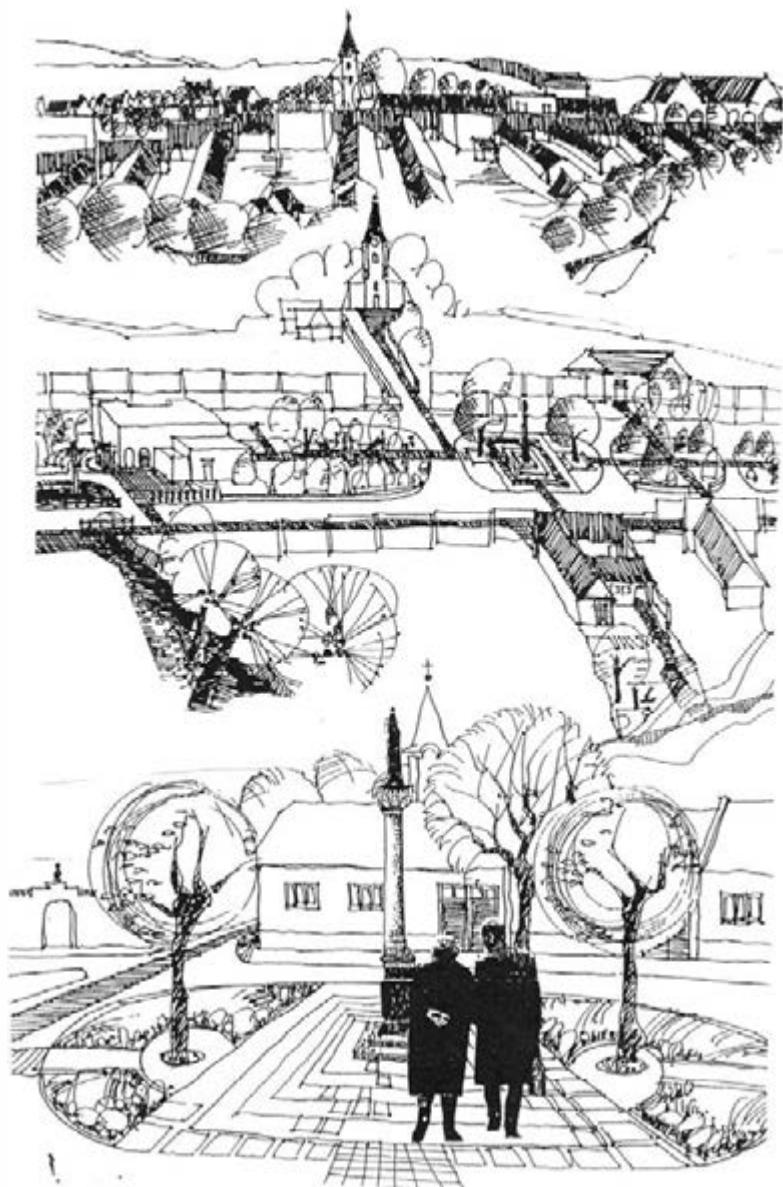
Общеевропейское движение данного направления достигло в нашей стране ключевую точку дискуссии – останется деревня деревней? Ответ ищу в архитектуре. За идентифицирующий критерий деревни считаю ее уклад. Уклад не является только логикой строительства и размещения дома, уклад создает дух среды. Архитектура каждой деревни становится ее носителем и свидетельством.

Анализ моделевых ситуаций Словацких деревень предоставляет много доказательств об использовании методики «уклада» при возобновлении деревни. Методика его автора является конкретной и наглядной, управляет процессом возобновления деревни, оценивает достигнутые результаты. Сценой методики является архитектура. Автор декларацией уклада стимулирует архитектуру в деревенской среде и дифференцирует ее назначение в условиях деревни и города. Деревня в отличии от города будет обозначаться укладом своей архитектонической концепции образования среды

Общеевропейское движение данного направления достигло в нашей стране ключевой точки дискуссии – останется ли деревня деревней? Ответ ищу в архитектуре. За идентифицирующий критерий деревни считаю её уклад. Уклад не является только логикой строительства и размещения дома, уклад создает дух среды. Архитектура каждой деревни становится ее носителем и свидетельством.

Уклад это противоположность хаоса. Хаос завоёвывает нашу эпоху, и поэтому уклад проигрывает. Хаос, как продукт независимости подчиняет себе создание среды, архитектура теряет смысл уклада и предпочитает либеральное проявление. Однако уклад остается духовным наследием и лицом среды. Уклад остался призывом для создания среды наполненной эмоциями общности и сплочённости. Уклад выделяется спокойствием его элементов и их связей. Архитектура поэтому является зеркалом возобновления деревни, воспримет или не воспримет уклад своего пространственного проявления? Возобновление устанавливает дискуссию индивидуальных интересов с целью быть активным участником совместного договора. Возобновление деревни это возвращение к укладу.

Модель наследия

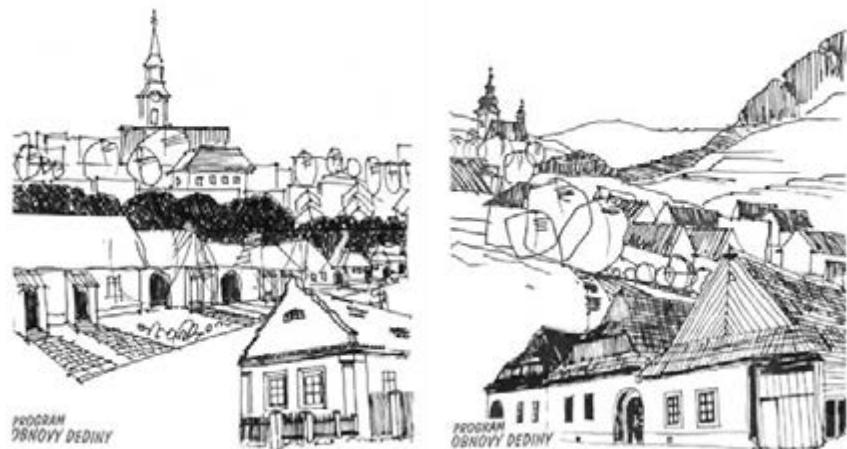
Словакская деревня, как мы ее видим в данный момент представляет собой диалог новых и старых, больших и малых домов, бедных и богатых жилищ, и это все представляет среду противоречий. Предшествовало всему этому прошлое, которое записано в силуэт деревни, силуэт это черта уклада. Каждый дом и его форма был неотъемлемой частью данного целого. Заполнял ее смыслом для общего уклада. В общий образ деревни была вписана гармония домов с окружающей местностью, это является проявлением их внутреннего взаимоотношения. Словакская деревня унаследовала свой облик, как упорядоченное целое домов с доминирующей церковью. Деревня вписывается в местность, сила деревни заключается в ее компактной упорядоченности. Словакские деревни разнообразны и у каждой своя судьба. Выделяются особенностями своей региональной идентичности. Основной особенностью деревни является ее спокойствие структуры, внимательная интеракция её элементов. Дома представляют собой однородное целое с духом социального и культурного уклада. Облик деревни выражает традиции строительства. Традиция заключалась в приверженности к строительному укладу, традицией была самоуверенность деревни. Так мы унаследовали некоторый строительный уклад нашей деревни-дома-улицы и способ строительства. Традиции оставили след во вкусе поколений. Строительный уклад стал особенностью культуры деревни. Представляю доказательства, которые создают культурное сокровище Словакии. Привлекательным является рельеф деревень южной, средней и восточной Словакии, это деревня равнины, деревня предгорья и деревня горных долин. Прочитывается в них ответственность каждого хозяина дома за облик своей деревни. Силуэт деревни остается архитектоническим стимулом или регулятором нашего времени. Наше наследство заключается в включении дома в общее целое. Дом в деревне не принадлежит только хозяину, он представляет собой всё сообщество деревни. Уклад понимаю, как выразительный стимул архитектуры, который интерпретирует деревенский дух. Окружающая среда воспринимается глазами покоя или хаоса. Деревню воспринимаем по другому как город, деревня должна быть оазисом спокойствия. Уклад является темой архитектуры.

Модель времени

Презентация исследуемых моделей словацких деревень открывает на матрице нашего времени новые явления. В структуру домов вошли неоднородные элементы и этим был нарушен деревенский контекст. Словакская деревня прошла процессом превращения в деревню городского типа, в историческую структуру вступил новый образ дома, новообразование пло-

ской крыши высокого дома. Уклад был поставлен под угрозу. В облик деревни вошел новый элемент с ореолом современности (1960 - 1990), но-вообразование идеологического выравнивания деревни и города. Уклад, как медиум покорности и взаимоуважения начал постепенно исчезать. Старые дома в исторических постройках были заменены новыми. Деревни начали меняться на города и у многих таким образом происходжение капитулировало. Доказательством модели деревни данного времени это потеря исторически сформированного уклада. Дома народной архитектуры стали символом неполноты и отсталости. Словакия потеряла не только много старых домов, но и смысл взаимодействия старого с новым. Архитектуру нашего времени представляли новообразования, улицы потеряли свой уклад, еще и сегодня выделяются разноречивостью хаоса. Мои

заключения. Деревня построила много домов, но не создала облик привлекательного целого.

Новая модель деревни это современная Словацкая деревня (1990 - 2010), которая празднует время плюрализма, время независимости и индивидуальности. Деревней овладело чувство самоуверенности типа - каждый может строить, что хочет. Восхищаемся выразительной минимизацией односемейного дома, регистрируем влияние ностальгии и идилличности в выборе домов. Модным становится и деревенский дом в романтическом стиле. Сегодня деревня в новой ситуации, проходит процессом дифференции. Деревни в плenу автономии постепенно индивидуализируются. Каждая деревня характеризуется своей индивидуальной дорогой в будущее. Обновление деревень приобретает новое назначение, сохранить деревни вблизи городов, что означает открыть фальшивое лицо здесь построенных домов, и сохранить деревенский дух. В Словакии много рекреационных деревень, горных поселков и хуторов. Архитектура ищет индивидуальный подход к каждой деревне. Многие деревни изменили облик своих общественных пространств. Каждая деревня начинает представляться своей собственной строительной культурой, конкретно своим умением понимать и внедрять свой строительный уклад. Решающим фактором становится не только хозяйственная позиция деревни, но и особенно интеллектуальная жизнеспособность каждого самоуправления.

Модель примера

Автономность словацкой деревни имеет экономические негативы, но и выгоды в общественно-культурной области. Деревни живут активной культурной жизнью, сохраняют свои обычаи и фольклорные традиции. Возобновление деревни приобрело характер общественно-культурной деятельности, мобилизирует демократический дух. Под возобновлением понимаем активную заботу об облике деревни в смысле культурно-исторического наследия. Основной программой самоуправления становится строительный уклад, уклад в смысле объединения мнений на строительство домов в улицах. Для этого приведу пример на модели деревни Рыбник в средней Словакии. Деревня находится в области виноградарства с большой культурной традицией. Характерной чертой деревни является её общественный уклад.

Местность

Возобновление деревни исходит из традиций виноградарства. На столе самоуправления находится проект возобновления виноградов, включая самоснабжение, угощения, имеются ввиду винограды с семейной и рекреационной традицией. Одним из результатов является проект возобновления виноградарских домов с винными погребами, которые являются

исторической особенностью. Винные погреба представляют собой воно-градарский дух деревни, являются атракцией и уникальностью для посетителей. Знаменателем восстановления домиков является возобновление уклада.

Деревня

План и облик деревни имеет читательную историческую характеристику. Предметом возобновления является договор о сохранении исторических ценностей и обеспечение соответствующего уклада. Результатом являются планировка общественных пространств, проекты и их внедрения. Деревня живет на данных пространствах, как одна семья, здесь встречает своих гостей и здесь же празднует и веселится. Уклад общественных пространств стал новым культурным достоинством деревни.

Уклад домов

Исключительное внимание заслуживает решение сохранить первонаучальные черты улиц, сохранять старые дома и наружные заборы домов считать выразительной частью всей деревни. Уклад таким образом здесь возвращается в старые улицы.

Памятный дом

Гордостью деревни стал музей открытый под крышей дома народной архитектуры. Старый дом - торжество прошлого. В плане создать музей и расширить его в традиционную улицу. Улица станет эмоциональной и интерпретирующей школой истории деревни, не только музейной, но и живой сценой фольклора, ремёсел и обычаев. Улица становится местом нового уклада и встречи старого с новым, это история в изложении современной презентации.

Уклад создает дух среды. Укладом я назвал способность деревни принять общие правила о том как создавать обстановку своего дома. Уклад я адресовал деревенской архитектуре, уклад является защитой против хаоса. Уклад внушит деревни искому эмоцию общности, уклад таким образом будет гарантировать, что деревня останется деревней.

Иллюстрации: проект возобновления деревни Рыбник. Проф. Шарафин Михал и Ателье Домова о.о.о., 2010 - 2014

ЛИТЕРАТУРА

Шарафин Михал. Архитектура деревни / возобновление деревни. Tristanpress о.о.о. Тополчаны. 2006.
Christopher Day. Дух и город, ERA. 2004. Брюно.

Сохранение ценностей исторического природного комплекса Онежского Поморья в настоящее время

Екатерина Вахина

Национальный парк «Онежское Поморье» (Россия)

Эта статья знакомит читателя с новым национальным парком в России – «Онежское Поморье». В ней кратко рассмотрен исторический природный комплекс Онежского полуострова, этапы его развития, культурные ландшафты. Статья привлекает наше внимание к культурному наследию поморов, его особым ценностям: уникальным сельским ландшафтам, национальной деревянной архитектуре. Проводится краткий анализ и оценка сохранности наследия. Обращается внимание на сохранение ценностей исторических природных комплексов национального парка «Онежское Поморье». Рассматриваются пути реставрации и реконструкции памятников, а также их современная адаптация. Статья знакомит с работой над первыми проектами национального парка: визит-центры в городе Северодвинск, на Соловецких островах; маяк–музей; поморская тоня–музей. В завершении статьи рассматривается пример создания уникального экоотеля «Летняя Золотица» в природном комплексе Онежского Поморья. Отель расположен в тайге, на берегу Белого моря, за сотни километров от цивилизации. Данный проект осуществлен с применением современных технологий в деревянном строительстве.

Исторический природный комплекс «Онежское Поморье»

Здесь было все, чтобы жить ладно...

Исторический природный комплекс Национального парка «Онежское Поморье» (созданного в 2013г. в России) – это уникальный, девственno сохранившийся, целый мир на оконечности Онежского полуострова: великолепные северо-таежные, прибрежные морские ландшафты в сочетании с комплексом памятников и ярко выраженных проявлений традиционной поморской культуры.

Парк находится в Архангельской области, на Онежском полуострове, окружен Онежским и Двинским заливами Белого моря, на приморском побережье и в приустьевых частях рек расположены старинные поморские поселения, многие из которых насчитывают сотни лет: Лямца, Пушлахта, Летняя Золотица, Яренъга, Лопшеньга, Уна, Луда, где еще сохраняется традиционный образ жизни поморов, деревянная архитектура, народные промыслы.

Природный и культурно-исторический комплекс Онежское Поморье

Такие исторические поселения, «спрятанные от цивилизации», «защищенные морем» с их архитектурно-художественной средой являются большой ценностью исторического природного комплекса Онежское Поморье. Здесь с момента русского освоения полуострова начинает формироваться особая этно-культурная группа русских — поморы, со свойственными только ей чертами хозяйствования, быта, верований.

Для нашего природного комплекса особое значение имеют традиции народа, связанные с сельским хозяйством, охотой, рыболовством, мореплаванием. Особенно сильно — влияние моря на уклад жизни людей, сельский ландшафт: «Мы от моря дышим, — гласит поморская пословица. — Впереди море, позади мох. Мы сами по себе.» Поморы — это особый народ, который всегда подчеркивал свою самостоятельность и независимость. И «здесь было все, чтобы жить ладно»: рубили дворы, сообща строили церкви.

Огромное духовное влияние на исторический природный комплекс Онежского Поморья оказывали крупнейшие духовные центры Севера и, прежде всего, — Соловецкий монастырь. В течение четырех столетий жители Онежского и Летнего берега были тесно связаны с Соловецким мо-

Храм в деревне Пурнема

Развалины часовни Соловецких чудотворцев Иоанния и Лонгина В окрестностях селения Яренъга

настырем. Здесь у монастыря были земельные владения, рыболовецкие участки, пожни, церковные погосты были закреплены за монастырем. Здесь монахи строили храмы, совершали паломничество. Эти земли когда-то были единым целым! Здесь сформировался особый сакральный исторический ландшафт.

Состояние архитектурного наследия поморской культуры сегодня

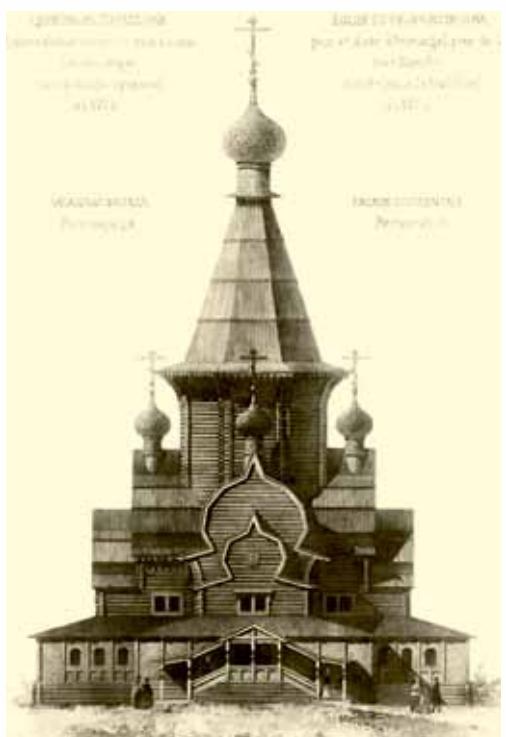
В д. Пурнема стоит самый древний храм на побережьях Белого моря и один из старейших шатровых храмов Севера— Никольская летняя шатровая церковь, освященная в 1618 году, а построенная в конце XVI или в самом начале XVII века. Это единственный сохранившийся храм в поморской деревне. Шатер храма играл необычайно важную роль в панораме всей местности и был виден издалека при подходе к деревне (как и все поморские храмовые шатры – служил «маяком», навигационным ориентиром). Никольская церковь упоминается в старых поморских лоциях как важная веха на берегу моря.

В окрестностях селения Яренъга сейчас мы наблюдаем развалины часовни Соловецких чудотворцев Иоания и Лонгина – все, что осталось от Яренъгского монастыря, построенного в 1636 г. соловецкими монахами. Сюда совершалось паломничество со всего Севера.

Конечно, природный комплекс состоит из компонентов, между которыми существуют тесные, исторически сложившиеся взаимосвязи, при этом изменение одного из компонентов рано или поздно приводит к изменению других. Онежское Поморье испытalo на себе сильные разрушения исторического комплекса в тяжелые времена (раскулачивание и ссылки поморов, создание и существование здесь части ГУЛАГа - поселений ссыльных в Кеге, детской колонии в Пертоминском монастыре). Сегодня уничтоженное наследие культуры необходимо изучать и восстанавливать и прежде всего- памятники архитектуры.

Утраченные памятники архитектуры Онежского Поморья

В д. Уна стояла великолепная Климентовская церковь XVII в., по типу «восьмерик на четверике» с четырьмя симметричными прирубами. Церковь имела крещатый план, окруженный с трех сторон галереей. Выступы сруба перекрывались двойными бочками, которые завершались небольшими главками. Центральная часть храма венчалась высоким рубленым шатром. Уравновешенная центрическая композиция, изысканные пропорции ставят этот памятник архитектуры в один ряд с лучшими шатровыми храмами на Руси. Церковь сгорела еще в дореволюционное время, но мы видим ее на обмерах В.В.Суслова.

Утраченная Климентовская церковь XVII в. в деревне Уна

Утраченная деревянная гостиница с мезонином в Пертоминском Спасо - Преображенском монастыре

Примером жилой архитектуры может служить деревянная гостиница с мезонином в Пертоминском Спасо - Преображенском монастыре, 1869г.

Пути сохранения ценностей исторического природного комплекса

Одним из путей сохранения традиционной деревянной архитектуры, как важнейшей ценности исторического природного комплекса национального парка «Онежское Поморье» – это, конечно, грамотная реставрация наследия и реконструкция наиболее значимых объектов архитектуры. Возрождение православных памятников Поморья восстановит единство и духовную связь с Соловецким монастырем, возродится паломничество, которое существовало здесь в дореволюционной России, появятся также перспективы развития интересных туристических маршрутов в едином комплексе –Онежское Поморье – Соловецкий архипелаг.

Необходимой и вполне логичной связью парка с Соловецкими островами явилось бы создание там визит- центра «Онежское Поморье», что способствовало бы развитию научно –просветительской работы, а музей визит –центра расскажет о забытой истории Онежского полуострова. Работа над созданием такого проекта – одна из важнейших задач, которые ставит перед собой национальный парк.

Проект музея маячного дела, а также туристического комплекса на основе существующего рыболовецкого стана маяка Малый Орлов

Также, одним из перспективных направлений работы национального парка с историческим культурным наследием является адаптация деревянных памятников к современному использованию и различных целей (религиозных, туристических, частных и др.). Например, на территории Национального парка сохранились несколько старинных маяков. Одним из текущих проектов парка является – проектирование музея маячного дела, а также туристического комплекса на основе существующего рыболовецкого стана маяка Малый Орлов.

Старинные деревни: приморско-прибрежные, приморско –приречные, с присущей только им живописной структурой «глазами на море», безусловно, представляют собой архитектурно-планировочную ценность территории. Здесь также сохранились уникальные примеры деревянного зодчества- жилые и хозяйствственные постройки, типичные для собственно «приморского» Поморья: большие выразительные дома пяти- и шести-стенки, дома «бруском», амбары, погреба, бани, рыболовецкие тони.

Несмотря на то, что облик северных деревень заметно обеднился: на смену тесовым покрытиям с характерными для деревянной архитектуры конструкциями — охлупенем, курицами, потоками — приходит покрытие из шифера и кровельного железа, применяются также и синтетические материалы.

Предотвращение деградации традиционной деревянной архитектуры - одна из задач национального парка, проектами которого станут: грамот-

Рыболовецкие тони и проект адаптации тони для места отдыха туристов

ная реконструкция, адаптация памятников деревянного зодчества к современному использованию как туристических объектов (музеи, визит-центры, гостевые дома и т.д.), разработка и строительство новых деревянных домов в традиционном стиле, соответствующим современным стандартам комфорта за счет внедрения новых технологий. И такой опыт уже существует.

Современная архитектура в природно-исторической среде Онежского Поморья: осуществленный проект - эко-отель «Летняя Золотица»

В 2007г.был воплощен уникальный проект комплекса эко-отеля на берегу Белого моря, в тайге, за сотни километров от цивилизации, в условиях отсутствия дорог, связи, электричества. Однако, применяя новые технологии, опираясь на стилистику традиционной деревянной архитектуры, удалось создать ансамбль, гармонирующий с природой и историческим природным комплексом Онежского полуострова и абсолютно отвечающий высокому уровню комфорта современного человека. При строительстве применялись экологически чистые материалы (преимущественно дерево), особенно щадящий подход при организации строительства (минимальные вырубки, использование песчаных тракторных дорог, минимальное использование техники). Доставка строительных материалов и оборудования на полуостров осуществлялась кораблями в период навигации, вертолетами и самолетами малой авиации. Благодаря применению высокоэффективных технологий, комплекс отеля имеет современные инженерные сети: канализацию, водопровод (с родниковой водой), с надежной системой очистных сооружений, автономное электричество (энергосберегающая дизельная станция), отопление электрическое и водяное от высокотехнологичной котельной, работающей в том числе и на сухостое.

Дом главного корпуса построен в традиционной технологии русского сруба (самого большого на тот момент в России в этой технологии), для защиты дерева применены финские технологии. Архитектура дома также отличается не только традиционным, но и современным подходом: многие детали фасадов намеренно укрупнены для большей выразительности за счет современных технологий, для создания более комфортного пространства интерьеров дома -заметно расширены проемы, увеличены окна. В дизайне интерьеров, благоустройстве территории также прослеживаются приемы как традиционной культуры Русского Севера, так и современной стилизации, не нарушающей общей гармонии с природой.

Для сохранения ценностей уникального исторического природного комплекса «Онежское Поморье» национальному парку предстоит решать многие важные задачи: развитие сельских районов за счет возрождения

Эко-отель «Летняя Золотица»

и сохранения культурных ценностей, традиционного облика культурных ландшафтов, развитие экологического и сельского туризма в тесном взаимодействии с местным населением, их историей, традициями.

ЛИТЕРАТУРА

- Национальный парк Онежское Поморье. СДВ-ОПТИМА. Петрозаводск 1999. 24-25с.
- Малков Я.В. Древнерусское деревянное зодчество. М.: ИД Муравей. 1998. 208 с.
- Красовский М.В. Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество. САТИСЬ. Санкт-Петербург 2002.
- Олег Кодола. "Исторический путеводитель по Архангельской области"
- Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура русского Севера. – Л., 1981. 128 с.
- Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. М., 1989.
- Суслов В.В. «Памятники древнего русского зодчества» (1895–1901).

Старые и региональные сорта плодовых деревьев в вы- бранной части этнографического региона Валахия

Радослав Влк

Валашский музей под открытым небом в Рожнове под Радгоштем (Чехия)

Старые и региональные сорта плодовых деревьев, которые можно отнести к интересной группе генофонда, выращиваемые на месте, все чаще выходят на первый план интересов специалистов музеев под открытым небом, а также других учреждений, которые занимаются проблематикой охраны культурных и исторических краев. Каждый регион или область в Чешской Республике имеют свою собственную региональную историю, пронизанную плодоводством и способами выращивание и использования старых региональных сортов плодовых деревьев. Валахия - не самый значимый плодоводческий регион Чешской Республики, но, несмотря на это, смысл выращивания фруктов, их названия, использование, взаимосвязь с жизнью людей повлияли на социальную и духовную культуру личности, семьи и общества. На основании многолетних исследований удалось восстановить основу сортовой структуры фруктов, выращиваемых в Валашском регионе.

«Мне уже восемьдесят восемь лет, и я живу здесь с той поры, когда вышла замуж. Тогда мне не хватало только двух лет до восемнадцати. На эту грушу я всегда смотрю с радостью. Здесь меня мой татичек отдал, когда я решила выйти за Заичка. Здесь мы обе вместе росли, она у татичка в саду, а я у маменьки.

А когда меня мой Янек сюда к Заичковым привел, то и медувку мою сюда взять был обязан. А мой татичек говорил: «Янек, Янек, ухаживай за ними обеими как следует, обе сладкие, как мед!» Как мы вместе росли, так нас вместе и пересадили.

Вместе мы росли, вместе переживали добрые и злые времена, ну и родили. У меня было вас, детей, много – девять. А те деревья за восемьдесят лет принесли плодов более чем достаточно. Сколько было потом сухарей! Сколько же мне пришлось их вам дать, когда вас с этих плодов пронесло. Ведь тогда не было других лекарств.

Так мы вместе и состарились. Вы знаете, у нас одни и те же валашские корни. Обе мы пили воду из одного и того же глубокого колодца у Заичковых. Но ее корень еще здоровее моего. Она все еще стоит прямо, постоянно смотрит в небо, а я уже к земле клонюсь».

Это выдержка из повествования старушки Заичковой из Быстжички, которое записал валашский писатель Ц. Бартонек в 1958 году, это одно из многих свидетельств существования плодового дерева с человеком.

Введение

Более двух веков деревья были неотъемлемой частью городских и сельских поселений Центральноевропейского региона, в который, конечно же, входят чешские и моравские поселения. Зеленые насаждения создавали тень, улавливали пыль, снижали уровень шума, предоставляли животным место для отдыха, кормежки и гнездования, создавали образ места, имели особое символическое значение, и, как правило, приносили богатый урожай. Деревья часто высаживали при завершении постройки дома, на свадьбе или при рождении ребенка, и они росли потом в течение нескольких поколений. Разумеется, это были не только фруктовые деревья, но и липы, дубы, клены, ивы и т.д. – все зависело от условий окружающей среды в регионе и обычая народа.

Однако с 60-х годов прошлого века происходило значительное и постоянно ускоряющееся сокращение их количества. Эта ситуация осознается многими специалистами, которые стремятся информировать своих коллег и широкую общественность и организовать различные мероприятия по сохранению существующих и обновлению отдельно стоящих деревьев и целых аллей, а также обширных фруктовых садов чешской и моравской деревни с учетом их многостороннего экологического, социального, эстетического значения и их символики.

Фруктовые сады у домов и сельскохозяйственных построек присутствуют в наших регионах со времен средневековья. Об этом свидетельствует большое количество местных сортов, которые в изобилии выращивались еще в начале прошлого века, и в некоторых областях их можно встретить до сих пор. Возникновение этих сортов было спонтанным процессом, который был связан, прежде всего, с высокой плотностью полей фруктовых насаждений и традицией выращивания деревьев. Происхождение этих сортов обычно было неизвестно, они возникли случайно и распространились далее благодаря своим хорошим качествам. Эти сорта идеально адаптированы к почвенно-климатическим условиям данного региона.

Обширные сады высокорослых и среднерослых сортов деревьев на окраинах деревень являются относительно молодой сельскохозяйственной традицией. Эти сады возникали с XII века и определяли культурный характер местного ландшафта. Высаживались местные сорта яблонь, вишень, груш и слив. С 50-х годов прошлого века они начали исчезать, в основном, в результате социализации деревни, из-за увеличения строительной деятельности на окраинах поселений, а иногда и потому, что необходимо было просто сократить производство фруктов.

В последние годы, в результате изменения прав собственности на землю и приоритетов сельскохозяйственного производства, происходит лик-

видация старых садов и аллей. Тем самым возрастает риск потери региональных форм плодовых культур в наших краях. Не только местные сорта, но и дикие плодовые деревья играют незаменимую роль в селекционных программах, в которых они используются в качестве исходных источников, характеризующихся приспособленностью к нашим климатическим условиям, особенно в маргинальных районах. Некоторые местные сорта применяются непосредственно в экологических системах выращивания.

В результате исчезновения этих садов, а также из-за ликвидации живых изгородей, полевых кустарников, аллей, нагромождений камней, перевода в трубы мелких водных потоков, выпрямления и укрепления берегов и дренажа влажных мест, ограничивается связь элементов ландшафта с сельскими местами обитания. Для многих видов животных деревня становится недоступным островом. Даже для животных, которые могут преодолевать большие расстояния между биотопами, новая среда обитания не предоставляет достаточных возможностей для их питания и укрытия. Старые сады, как группы деревьев разных видов, являются, благодаря своему микроклимату, более популярными, чем отдельно стоящие деревья или аллеи. Именно благодаря богатству видов и особей, многие из которых уже почти исчезли, а остальные может постигнуть такая же участь, эта экосистема имеет большое значение в натуральном хозяйстве. Следует также отметить, как это ни печально, что даже крупные фруктовые сады в Центральной Европе находятся под угрозой исчезновения, несмотря на то, что они от корней до кроны являются незаменимой средой обитания. Именно поэтому необходимо приложить все усилия для сохранения основных фрагментов существующих до сих пор традиционных генотипов.

Что такое «старый местный или региональный сорт фруктов»

Локальный сорт – это местный сорт, который возник в определенном месте и распространился в определенной области. Определяющим является выражение местный или локальный. Под региональным подразумевается сорт, который распространился на больших площадях, в нескольких областях.

На протяжении веков к нам проникали различные зарубежные сорта, многие из них у нас одомашнились, и позже, благодаря селекции, из них возникали так называемые региональные сорта. Эти деревья были составной частью нашего ландшафта. К сожалению, в прошлом веке организация фермерских хозяйств и социализация деревни многим очень ценным, но в определенном смысле «маргинальным» видам деревьев или «маргинальным» сортам очень навредили. В настоящее время мы уже не можем найти фруктовые деревья, происходящие с начала зарождения плодоводства в нашем регионе, но, с другой стороны, еще сегодня мы находим на

местности старые плодовые деревья (местные или региональные сорта) возрастом более 150 лет, которые были и являются свидетельством народной гордости и профессиональной работы и оставляют след в нашей культурной истории. Отсюда следует, что эти старые фруктовые деревья мы воспринимаем, как часть культурного наследия и поэтому они заслуживают охраны.

В интересах человеческой популяции создание культурного ландшафта и его сохранение для будущих поколений является основополагающим. Под фруктовые деревья могут быть использованы земли менее пригодные для других сельскохозяйственных целей, а кроме того, фруктовые посадки старых сортов становятся составной частью окружающей среды и землетворным элементом. Фруктовые деревья создают один из важнейших компонентов растительности и сопровождающей зелени сельских поселений, и не только в условиях сельского пейзажа Валахии.

В заключение хотелось бы выразить скромное пожелание, чтобы старые местные сорта плодовых деревьев сохранились и в будущем в чешской и моравской деревне, в которой большие скопления этих деревьев создавали тень, улавливали пыль, снижали уровень шума, предоставляли животным место для отдыха и кормежки, а главное – создавали общий культурный образ и характер деревни или хутора или просто места на открытой сельской местности.

Значение старых сортов плодовых деревьев

Плодовые деревья в Центральной Европе являются неотъемлемой частью сельского и городского ландшафта. Почтительность наших предков к деревьям заслуживает особого внимания. Часто на них помещали различные божества. Их влияние отражается в фольклоре, этнографии, диалектологии, в народном искусстве.

Они являются «соавторами» характерных особенностей ландшафта данного региона. Например, Южную Моравию невозможно представить себе без виноградной лозы и абрикосов, Палаву – без кизила и вишни антиклины, Чешскую Высочину – без кустов шиповника и терна, Валахию – без слиновых деревьев, северную Чехию – без груш, Восточную Чехию – без черешень и яблонь, а все регионы вместе – без сопутствующих аллей у малых дорог и без прекрасных старых отдельно стоящих деревьев на межах, на лесных опушках, или у обочин дорог. Деревья в деревне часто ограничивали владения, служили в качестве молниеотводов у сельскохозяйственных и жилых построек. В настоящее время их социальная значимость проявляется, прежде всего, в следующем:

1. При активном отдыхе. Влияние на психику и душевное равновесие можно ощутить во время прогулки по цветущей аллее, плодоносному саду, при отдыхе под отдельно стоящим орешником или рябиной.

2. При наполнении смысла жизни у старого поколения. Присутствие в садах старых, иногда одиноких людей в течение всей вегетации наглядно демонстрируют положительный эффект этой деятельности на их мысли и действия.

3. При обучении молодежи. В настоящее время многие из нас все более отчетливо осознают значение изучения экологии на практике. На единственном живом дереве можно научить молодого человека терпению, организованности, ответственность и т.д.

4. При изучении региональной истории, этнографии и диалектологии. Мотивы фруктов встречаются в песнях, стихах, поговорках, сказках, народных приметах, в народном искусстве, живописи и резьбе по дереву. Народные названия фруктов представляют собой один из основных компонентов богатого диалекта чешского языка.

Плодоводство в Моравии и Силезии

Развитие плодоводства можно проследить по записям деятельности помологическо-энологической комиссии, или плодоводческо-винодельной и садоводческой секции Моравско-Силезского хозяйственного общества, которое заботилось о совершенствовании плодоводства в Моравии и Силезии с 1770 года, из журнала "Монацберихте", который выходил с 1868 года, как издание указанной секции, из альманаха Земской плодоводческой ассоциации Маркграфства Моравии, называемом "Летачек", из журнала "Плодоводческая газета" – издания Земской плодоводческой Моравско-Силезской ассоциации и из журналов "Блаттер фюр Обст – Вайн" и "Гартенбау унд Клейнтирицхт" – изданий немецкой Земской плодоводческо-винодельной и садоводческой ассоциации в г. Брно. Очень ценные записи о развитии плодоводства содержатся в приходских хрониках, записываемых в случае деканской инспекции народных школ, а также в архиве Моравского сельскохозяйственного совета. Статус плодоводства в Моравии около 1900 года описал Шуберт в своей книге "Краткая история Моравского плодоводства".

История плодоводства в Валахии

Отличительной особенностью жизни и культуры под влиянием карпатского овцеводства – это фактор, который вдохновил многих местных исследователей истории на то, чтобы они сосредоточили свое внимание на Валахии. С начала прошлого века этот регион стал центром внимания этнографов и фольклористов, так как в то время начала изучаться местная земледельческая проблематика. До этого наиболее комплексную работу по истории сельского хозяйства Валахии провел Ярослав Штястны, однако эта работа не затрагивала плодоводство.

Фруктовое дерево и его плоды сыграли важную роль в жизни жителей региона. Фрукт был частью рациона, как в свежем, так и в консервированном виде. Он также был предметом торговли и обмена. Плодовое дерево формировало ландшафт, как отдельно стоящее, так и в группе насаждений на межах и в садах. У домов дерево служило в качестве защиты – бросало тень на кровлю, защищало от молний, ограничивало силу ветра, и т.д. Фруктовые деревья в застройке и на открытой местности поддерживали развитие пчеловодства и общую экологическую стабильность окружающей среды. Фруктовые деревья еще до недавнего времени играли важную роль в эстетическом и этическом смысле.

Возникновение плодоводства в Валахии связано с первоначальным заселением региона, это происходило в самых плодородных местах – в низовьях бассейна реки Бечва.

Начало плодоводства в Валахии связано также с развитием пчеловодства, которое было прибыльным, а пчеловоды (бортники) получали определенные привилегии за поставку меда и воска. Изобилие пчелиных колоний в селениях снижало производительность меда, поэтому ульи переносились на отдаленные пасеки. Позднее эти пасеки были засажены фруктовыми деревьями. Вряд ли можно предположить, что на развитие плодоводства оказала влияние валашская колонизация в XV - XVII веках.

Садоводство и плодоводство на валашских пастбищах были одним из основных источников дохода дворянства. Именно поэтому архивные источники в понимании действительного состояния плодоводства в Валахии с XIII по XVIII век являются скучными, или им тогда еще не уделялось должного внимания при научном исследовании.

Специалист по краеведению Эд. Домлувил считает, что уже во времена влиятельного колонизатора епископа Бруно из Шауенбурга, в поместьях создавались сады. В одном из своих завещаний он проповедовал создать в г. Келч «ortum apum» (сад для пчел), а не просто «apiarum». Тот же автор считает, что и «сады», упоминавшиеся у домов и хозяйств, указывают на вероятность выращивания плодовых деревьев.

Существование садов в феодальных поместьях доказывает отчет 1374 года, когда Вок из Краварж получил от маркграфа Яна в качестве феода в Красне, кроме всего прочего, 6 садов и 5 полей, а кроме того, в Миштеновицах – 2 поля и 2 сада. При Рожновском поместье сад существовал уже на рубеже XV–XVI веков (запись о продажах Яна Куны из Кунштата в 1507 году). В Кривом при пасеках в горах существовали 3 сада, которые передал в 1584 году Бернард из Жеротина.

В 1623 году Альбрехт Вацлав Евсевий продает всетинское имение Зд. Жампаху («.....с полями паханными и непаханными, с садами, фруктовыми участками, пчелами ...»). В описи всетинской собственности кардинала Пармани среди всего прочего было найдено в подвале замка пять новых

медных котлов для перегонки, что указывает на производство широко распространенного алкогольного дистиллята.

В 1666 году граф Иржи приказал подготовить опись имущества Всетинского имения. В нем указывается, что в Верхнем городе жил (кроме кузнеца, гончара и других ремесленников) также садовник. В описи упоминается, что в садах и на фруктовых участках в Ратиборже и в Говези собирают большой урожай фруктов. В поместье в те времена существовало 2366 «клатов» (ульев) с пчелиными роями. Также там указывается, что подданные обязаны сдавать дворянству, кроме обычных продуктов, также фундук, грибы, дикие сливы и кочаны капусты. Об обязанности поставлять рожновскому дворянству орехи и сушеные грибы упоминает также Ченек Крамолиш. Эти записи подтверждают использование плодов коренных фруктовых деревьев в Валахии.

Умение культивирования фруктовых деревьев Эд. Домлувил иллюстрирует условиями крестьянина М. Кнаппа из Крживого, который в 1580 году использует до смерти в своем хозяйстве шесть привитых деревьев. Дворянство выращивало более качественные фрукты, нанимая садовников для ухода за садом. Например, Жеротины имели своего садовника на Градиске у Рожнова уже с 1745 года. Во Всетинском имении в 1717 году работал садовник Ян Петрживальский. В записях с XVIII века уже появляются названия разных сортов плодовых деревьев. Например, Ядерничка вспоминается в 1764 году в Брнёве, груши «цисаржске» и сливы «брненске» – в 1786 году, груши «Медувки», «Овесники», «Якубинки» и «Шедкиг» – с 1724 года.

Можно предположить, что в конце XVIII века в некоторых районах Валахии плодоводство было на высоком уровне и достигало хороших результатов обработки. В противном случае Всетинское дворянство не ввело бы в 1782 году «оплату» (налог) с сушилок, что вызвало недовольство среди подданных. Относительно высокое количество плодовых деревьев во Всетинских питомниках (17 тысяч привитых деревьев) указывается в 1807 году. При Моравскосилезском хозяйственном обществе в 1816 году была основана плодоводческо-винодельная и садоводческая моравская ассоциация. Согласно ее записям, во Всетинском имении выращивалось 71321 слив, 2817 яблонь и 3465 груш.

В 1897 году Чешское управление сельскохозяйственного Совета изучило состояния плодоводства в Моравии. Анкеты использовал Е. Шуберт в работе «Краткая история моравского плодоводства». Валашкомезиржичский район Шуберта, очевидно, обработал на основании исторических записей Е. Домлувила и этих анкет. Всетинский район в книге не указывается. На рубеже XIX–XX веков, согласно Шуберту (1900), в Хоштялкове было 6 тысяч фруктовых деревьев, в Велких Карловицах – 4,5 тысячи, в Велке Быстржице и в Вигантицах – по 5 тысяч. Площадь фруктовых садов в Неме-

тицах составляла около 25 гектаров. Как указывает Ченек Крамолиш (1920 г.), в Рожнове-под-Радгоштем было 5 тысяч фруктовых деревьев, а в Гутиске – более 2 тысяч. Эдуард Домлувил указывает, что в Валашскомезиржичском районе в то время росло 185 540 плодовых деревьев, а площадь садов и садоводческих участков достигала 560 гектаров.

В 1988 году в районе Всетин было 2123 гектара садоводческих участков и 324 гектара садов. По данным статистического обследования в том же году было 157 442 яблонь, 32 474 груш, 27 362 черешень, 6 481 вишен, 8 379 орешников, 115 160 сливы садовой и 13 760 других видов сливы. В общей сложности насчитывалось 482 246 плодовых деревьев. Урожай яблок в 1988 году составил 153,6 тонн, груш – 253,5 тонн и слив – 562,2 тонн.

Расширение разновидностей фруктовых деревьев в Валахии

Сегодня, как и в прошлом, мы не можем считать Моравскую Валахию главной областью производства фруктов на территории современной Чешской Республики. Тем не менее, и в наши дни этот регион имеет свою плодоводческую историю, включая переработку фруктов. История плодоводства в Валахии не была полностью изучена и проанализирована.

Главным образом, в этнографической литературе мы находим большое количество народных названий фруктов, иногда с указанием времени созревания, размера, формы, цвета, вкуса. Однако, эта информация не может служить для общей оценки. Важным шагом в изучении местных сортов фруктов, семечковых плодов, косточковых плодов, были две выставки старых и местных сортов фруктов, проводившиеся в Валашском музее под открытым небом в 2001 и 2002 годах.

Картина об ассортименте и смеси фруктов на рубеже XIX и XX веков дает нам богатое письменное наследие о подготовке и обеспечении выставки фруктов в Валашском Мезиржици в 1900 г. В 1899 году Хозяйственно-промышленное общество организовало подобную выставку в г. Всетин, но сохранившиеся документы об этом мероприятии не содержат упоминаний об ассортименте фруктов.

Сорта фруктов (местные названия), очевидно, выведенные на сельских садовых участках и в садах на рубеже XIX и XX веков:

Яблоки (147 сортов): «Анески», «Адамовске», «Ананаски», «Будинки», «Цукрове», «Червенки», «Чеснекове», «Фунтове», «Гедвабечка», «Грахове зимни», «Хрбачки», «Калвины», «Кочки», «Кржижове», «Малинове», «Мишане», «Планки мале», «Перникова», «Розмаринки», «Ренета кожена», «Ржимскэ стопки», «Срдцова», «Штеплове», «Шмуране», «Тваружки сладке», «Тычки», «Валинек», «Виноградска яблка», «Ваночни», «Жлуты кужилек», «Жачки», «Жнювки».

Груши (93 сортов): «Блативки», «Цисаржске», «Циканки», «Червенки», «Дуле», «Двойвршки», «Фикуле», «Фикове», «Якубинки», «Езерки», «Копалки», «Липинки», «Лимонки», «Медувки», «Маркувки», «Овеснинки», «Овсинки», «Округланки», «Пасечанки», «Поточинки», «Шидлане», «Вонявки», «Валки», «Закоминки», «Жлутане».

Сливы: «Биле», «Биле трники», «Дуранзие», «Хниланки», «Хнилинки», «Куловачки», «Кози цицки», «Кадлатки» (Трники, Швестки, Сливы, Карлатка домаци), «Медуне», «Ране», «Сливки», «Швестки» (Карлатки), «Шпендики», «Трнофайки».

Сорта фруктов (названия тех времен), выращиваемые в дворянских и замковых садовых участках и садах на рубеже XIX и XX веков. На состав ассортимента для богатых слоев населения имел большое влияние расположенный близко и очень авторитетный питомник замкового садового участка в г. Фулнек, а также связи владельцев в других областях и странах.

Яблоки (73 сорта): «Английская злата пармена», «Бисмарк», «Батулен», «Кардинал билы жиганы», «Гранач гдански», «Гранач Морингтски», «Ядернице жлута», «Кассельска ренета», «Клудиусово», «Пеппинг златы», «Парижский рамбур», «Паркруд пеппинг», «Помона дю Кокс», «Ренета Нонпареир ранны», «Ренета Емилие Мюллер», «Тисон», «Валашка зелена», «Жлуты красоквет».

Груши (31 сорт): «Ангоулемка», «Белле де Бийофорт», «Боскова лагвице», «Конгресовка», «Комте де Пари», «Грушка з Тонгру», «Копоречка», «Масленка подзимни», «Коломасова», «Ройал Вендре», «Зефирин», «Зимни деканка».

Обширный перечень сортов указывает на большое многообразие у двух противоположных социальных слоев. На дворянских садовых участках преобладают более вкусные фрукты, крупные и более яркие плоды.

Сорт яблок “Rehtáč soudkovitý”

Сорт яблок “Kalvil červený podzimní”

Фруктовые плантации обрабатывались на высоком профессиональном уровне. С дворянских садовых участков некоторые сорта начали расширяться по более крупным крестьянским хозяйствам и усадьбам в ближайших окрестностях, а также в сады почетные граждан – мещан. Расширению плодоводства в Валахии способствовала, прежде всего, тогдашняя Зимняя сельскохозяйственная школа в Рожнове-под-Радгоштем. Кроме того, благодаря чешскому Департаменту сельскохозяйственного совета маркграфства Моравии здесь был расположен местный фруктовый питомник, который производил:

Основные сорта: «Мишенске», «Паненске», «Велка Кассельска ренета», «Пармена зата зимни».

Второстепенные сорта: «Шеда французска ренета», «Менонитска ренета».

Для более суровой климатической зоны: «Харламовске», «Ептишка», «Стрымка», «Червене тврде», «Овчи губички», «Ржехтач соудковиты».

Тем не менее, решающее влияние на выращивание фруктовых деревьев в питомниках и его сортовой состав имело, прежде всего, издание справочника по сортам фруктов для Чешских районов Моравского маркграфства в 1905 г., в котором были сосредоточены также Валашские районы, и был рекомендован следующий ассортимент (Зламал, 1907):

Яблоки: (34 сорта) «Астрахан билы», «Пармена летни», «Шарламовске», «Гдански гранач», «Жлуте ушлехтиле», «Ренета кминова», «Ренета блайнхаймска», «Червене тврде», «Вейлимек» и т.д.

Груши: (25 сортов): «Зелинка», «Аманлиска», «Козачка штутгартская», «Боскова лагвице», «Масловка крживице», «Пасторнице», «Нелиска зимни» и т.д.

Слива дикая: (15 сортов): «Домаци модра», «Доланска», «Италска», «Цукрова велка», «Бренска».

Сорт яблок “Jadernička moravská”

Сорт яблок “Grávštýnské”

Слива садовая: (8 сортов): «Краловска зелена ранна», «Краловска зелена велка», «Алтанова червена», «Киркова модра», «Маргуловита» (Меруньковита), «Ерусалемска», «Миребелка мала жлута».

Период 20-х и 30-х годов XX века был ознаменован крутыми морозами на переломе 1928 - 1929 г. На сельскохозяйственных площадях Валахии полностью замерзло более 22% яблонь, 37% груш, 40% черешни, 37% вишни, 44% сливы садовой, 50 % сливы дикой, 90% орешников. Больше всего эта волна морозов постигла сорта, импортированные из Западной и Южной Европы. В Рожновском регионе волна морозов прошла с 10.02. по – 13.02.1929, когда при высоте снежного покрова около 30 см была зафиксирована самая низкая дневная температура: 10,2 -36,2 ° С, 11.2. -37,0 ° С, 12,2 -31,6 ° С, 13.2 ° С -32,1. Морозное бедствие подвергло новые сорта испытанию также в Валахии и указало на значимость местных сортов, при этом некоторые деревья растут и размножаются до сих пор. В тридцатые годы было проведено новое зонирование и выданы рекомендации по рыночным сортам. Для фруктовых питомников в нашей области это означает выращивание саженцев в ассортименте, устойчивом к низким температурам.

Яблони: «Ржехтач соудковиты», «Гдански гранач», «Бауманнова ренета», «Боиковово», «Прусвитне летни», «Онтарио», «Ядерничка моравска» и т.д.

Груши: «Клаппова масловка», «Шпинка», «Хардиго масловка», «Боскова лащвице», «Диелова», «Пасторница» и т.д.

Слива дикая: «Домаци», «Шлапаницка», «Вангенхаймова», «Циммерова», «Есслингенская».

Слива садовая: «Малвазинка», «Онтарио», «Жлута меруньковита», «Зелена ренклода», «Киркего», «Мирабелка нанциска».

Были также рекомендованы другие сорта фруктовых деревьев. После заморозков на первый план выходят сорта российские и мичуринские, которые в те времена использовались в питомниках для исследований.

Российские сорта были тщательно исследованы в 50-х годах прошлого века. Позже они попали в предлагаемый ассортимент в питомниках г. Пршибор (питомники В. Дрессслера), это оказало решающее влияние на Рожновский регион. Различные садоводческие клубы начинают входить в Чешский союз садоводства и плодоводства, который поддерживает разведение новых сортов и исследования садоводов-любителей. В Рожновском и Валашскомезиржичском регионах выращивали следующие сорта из российского ассортимента:

Яблони: «Китайка», «Безсемянка», «Антоновка крупная», «Розмарин-Феникс» и т.д. **Груши:** «Бере зимняя», и т.д. **Сливы:** «Тринка десертная» и т.д.

Среди садоводов также был распространен ассортимент старых и местных сортов, как из региона Валахии, так и из соседних или более отдаленных областей.

Яблони (29 сортов): «Адамовске», «Биелова», «Янске ране», «Ядернички» (различные виды), «Копрживницики кужелек», «Мушово», «Райске зимни червене», «Скалица штепувка», «Ветрове», «Видечске», «Жлута валинка».

Груши (10 сортов): «Граховка» («Мушкателка»), «Каплицики семенач», «Каченка», «Шпинка», «Збузанка».

Сливы: (28 сортов): «Ананаска ческа», «Анинка», «Чахтицка», «Чадкова», «Долежалова», «Велкоплода», «Флотова мирабелка», «Костелецка шввестка», «Коуржимска», «Кунова поздни», «Кронедрова меруньковита», «Мирабелка с Бранек», «Олбашска», «Писецка шввестка», «Стенли пран», «Шпенделник жлуты», «Вохраликова поздни», «Ванькова».

Черешня: (18 сортов): «Холтицка хрупка», «Вацлавка», «Влкова жлута», «Габорова», «Каршовка» и т.д.

В 1956 году завершил исследовательский проект Карел Когоут, в котором он изучал ценные сорта местного значения в целях их включения в региональный (областной) перечень. На основании изучения старых и региональных сортов плодовых деревьев (Тетера, 1987), можно продемонстрировать, как выглядел ассортимент старых и местных сортов фруктов в Валахии в семидесятые годы прошлого века.

Яблони (98 сортов): «Анески», «Баняр», «Цверглове», «Цитронки», «Дворчинка», «Фунтове», «Хедбанки», «Хркавки», «Ептишка», «Кочичанки», «Кочичи главы», «Коженки», «Литомерки», «Мишенки», «Майор», «Малинове холовоуске», «Немецке», «Стрымка», «Тваружки», «Заячки», и т.д.

Груши (39 сортов): «Блоштыки», «Цибулки», «Червенки», «Гнилки», «Якубинки», «Медувка», «Овесинка», «Печитки», «Сыпкане», «Шмуране», «Тваружки», «Зелинка» и т.д.

Сливы: (24 сортов): «Быстржички», «Била трнечка», «Дуранзие», «Кулувачки биле», «Кулувачки черне», «Кози цецки», «Карлатки» (Трники), «Мучнице», «Швестки» (Трники), «Валашске трнечки», «Жлуте сливы».

Черешня: (14 сортов): «Белице», «Черница», «Врабчинки» и т.д.

Значение инвентаризации старых и региональных сортов плодовых деревьев

Значение для сохранения вариабельности плодовых деревьев

В связи с постоянно ухудшающимся состоянием окружающей среды на планете, возникают новые требования к свойствам культурных растений. Поэтому текущие и перспективные цели разведения в плодоводстве являются очень требовательными. Все чаще мы ищем сорта-доноры, имеющие устойчивость к вредным биотическим и абиотическим факторам.

В настоящее время разведение яблонь ориентируется на сопротивляемость к парше, мучнистой росе, гнили скарлатины, у сливовых деревьев – на устойчивость к вирусным заболеваниям – болезнь шарка. Термофильные виды (орех, персик, абрикос, миндаль) – на устойчивость к замерзанию в древесине, в цвету и т.д., разумеется, при сохранении визуальных, вкусовых и других очень важных качеств.

В будущем будут востребованы сорта, устойчивые к грибковым, вирусным и бактериальным заболеваниям, а также устойчивые к вредным насекомым, то есть к биотическим факторам. Для выращивания потребуются сорта, приспособленные к колебаниям температуры (в древесине, корнях, цветах и плодах), устойчивые к заболачиванию, засухе, засолению почвы, колебаниям температуры в течение вегетации, к отложениям, стрессовому загрязнению и другим климатическим воздействиям. То есть будут устойчивы к абиотическим факторам.

Значение для познания существующих местных сортов

Можно найти и идентифицировать местные сорта, которые участвуют в озеленении местности и играют важную роль при разработке документов территориального планирования. Они могут быть использованы для производства био-центров и био-коридоров на местности. Однако не все из дизайнеров-озеленителей обладают знаниями местных культурных и локальных сортов и формах региона, который они разрабатывают. Никакие другие виды древесных растений не могут лучше всего подходить для развития биологического разнообразия в определенном месте, чем те, которые именно там и возникли. Очевидно, что нашему региону не особенно подходит использование чужеродных видов при высадке как отдельно стоящих деревьев, так и живых изгородей и рассеянной растительности.

Для садоводческой и плодоводческой общественности могли бы быть интересными виды фруктов и сорта декоративно-коммерческого характера – с вкусными плодами и декоративными (например, цветастыми) листвами или сильным соцветием.

Сорт яблок "Funtové"

Сорт яблок "Tvarůžek ojíněný"

Значение для обогащения региональной истории, этнографии и диалектологии

Некоторые историки утверждают, что плодовое дерево привязывает человека к определенному месту. Плодовое дерево и человек уже давно принадлежат друг к другу, а история некоторых родов и семей связана с фруктовыми деревьями на протяжении нескольких столетий.

Властители, дворянство, шляхта и простые люди в той или иной степени приняли участие в нашей этнографии и диалектологии. Существует много прекрасных народных песен, стихов, пословиц и поговорок о плодовых деревьях. Внимательность и смекалка даже самых обычных садоводов способствовала возникновению пословиц, поговорок и народных примет, которые помогали им в работе.

Народные названия плодов образуют одну из основных частей богатства диалектов чешского языка. К сожалению, это утверждение нельзя подтвердить какими-либо опубликованными исследованиями, так как этой проблематикой никто пока как следует не занимался. Как указывает Тетера (2002), незавершенные работы насчитывают еще более 6,5 тысяч чешских названий яблонь.

Кроме местных сортов фруктов, получили народные названия также помологически описанные сорта. Например старый сорт «Хедвабне биле зимни» имеет синонимы: «Беличне», «Белицове», «Биле тафетове», «Хедвабки», «Хедвабни зима тафетове», «Хедвабче», «Папирове», «Поломишени», «Сыречки», «Тафетове», «Тафетки», «Тварушки» и многие другие.

Народные названия фруктов возникли:

- исходя из особенностей плодов - Гравки, Штерхотки, Каменице, Тврдки, Кржапаче, Папирки;
- на основе вкуса - Медова, Малинова, Ягодова, Сладке, Рибизове, Киселки, Цитронки, Задргалки;
- на основе формы - Жбанки, Жбаны, Цибуле, Цибулки, Плошчки, Овчи губички, Длоугачки, Чары;
- на основе цвета - Червенювки, Червене, Крватве, Крвоуше, Циганки,

Сорт яблок “Коčičí hlavy”

Сивуле, Зеленки;

- на основе вида - Шедки, Шкаредки, Сквостне, Жигане;
- исходя из периода созревания - Житнички, Жнювки, овеснички, Вацлавки, Бартоломейки, Шимунки, Вавржинки;
- на основе происхождения - Полки, Угерки, Немчувки, Америцке, Французске, Словенки, Пражки, Коричанки;
- в зависимости от владельцев - Коваржки, Седларжки, Мексовички, Махалки;
- в зависимости от места нахождения - Дворчинки, Полни, Пасечонки, Гайзлувки;
- в зависимости от использования - Колачки, Штрудлаки, Сушилнички, Горжолунки;
- в зависимости от времени хранения - Ярнички, Ярни, Двоулета;
- в зависимости от способа хранения - Кошова, Овсова;
- в зависимости от способа крепления плодов - Венцова, Венчаки, Грозднова;
- в честь членов семьи - Бабиччино, Отцово, Матчино;
- на основе результатов потребления - Сралки, Дристачки.

Значение для экономического развития региона

При исследовании можно найти сорта, которые в прошлом играли важную экономическую роль в жизнеобеспечении населения, особенно в местах, удаленных от городов. Они не только выполняли функцию самоснабжения, но имели и торговую значимость. В некоторых деревнях была не одна, а несколько сушилок, почти каждая вторая семья варила джемы и почти в каждой перегонялся дистиллят – производилась всем известная «Валашская слиновица».

С развитием альтернативного земледелия предполагается использование существующих плодоносящих садовых деревьев в садах и на садовых участках, которые не были химически обработаны. Урожай с этих

Сорт груши *"Koporečka"*

больших деревьев может «экологически» перерабатываться на соки, джемы, детское питание, сухофрукты, цукаты, сиропы и различные напитки с высокой калорийностью.

Выбранные и надежные деревья также могут быть источником дохода в качестве семенных деревьев, как основа корневого материала в питомниках.

Значение для научных исследований

Биологические научные исследования проходят медленнее, чем потеря некоторых видов и индивидуальных форм нашей природы. Поддержание любого вида, сорта и формы может иметь для научного познания первостепенное значение. Кроме помологов, садоводов и генетиков эту область используют также системные аналитики, физиологи и исследователи в области истории.

Что у нас еще растет

Благодаря непрерывному процессу помологических и архивных исследований в районе Всетин, вся исследуемая область имеет свой специфический климат, который здесь воспринимается, как долгосрочный режим погоды со всеми ее особенностями и изменениями. Вся область находится под влиянием пояса умеренного климата. Так как Всетинский район включает около 820 гор, холмов и хребтов, здесь мы имеем дело с совершенно иным климатом.

Можно сказать, что на исследованной к настоящему времени площади произрастает 1458 яблонь, 428 груш, 2324 слив, 469 деревьев черешни и 158 орешников. Все это здоровые и плодоносящие представители фруктовых деревьев, которые могут быть отнесены к категории старых или региональных сортов плодовых деревьев.

Во время поездок по Валашской сельской местности, особенно в Велекокарловицком регионе, вы можете повстречать целый ряд местных или

Сорт груши "Pastornice"

Сорт груши "Křivice"

региональных сортов плодовых деревьев, которые сохранились до наших времен. Прежде всего, в населенных пунктах Лесковечек, Милонов, Ослове, Бзове, Езерне, Плусковечек, Подтяте, где находятся известные самостоятельные плантации и сады региональных сортов.

Из известных Валашских сортов необходимо отметить уже такие забытые, как например, яблони: «Адамовске», «Циганка», «Дворянки», «Фунтове», «Грабове», «Ядерничка», «Кожувка», «Маргетки», «Мекише», «Подстраньки», «Рожновске цитронове», «Скалица Грабувка», «Шмурувки», «Тваружек», «Валдувки», «Розмарини», и т.д.; груши: «Длоугачка», «Фунтуле», «Крживице», «Якубинки», «Овеснице», «Пстружнице», «Жлутаня», и т.д.; сливы: «Каталонски шпендилик», «Била трнечка», «Брненска», «Швестка домаци», «Валашска трнечка», и т.д.

Некоторые типичные сорта – описание выбранного сорта

«Червене тврде» (Валашска кардиналка) – круглый плод средних размеров, соломенно-желтого цвета с темно-красными полосками. Яблоко очень сладкое и сочное. В употребление идут с октября по июнь следующего года.

«Кардинал жиганы» (Штрудлове, Штрудлаки, Штрудловки) – крупный плод неправильной формы, ребристый, как правило треугольной формы, желтого цвета с красными полосками. Вкус сладкий, слегка кисловатый. В употребление идут с октября по январь.

«Кожена ренета зимни» (Коженаве, Кожувки, Кожушки, Коженки, Кожухи) – плоды средних размеров, шаровидной формы, зеленые яблоки со слабым гнедо-красным «загаром», вкус сладкий. В употребление идут с октября по март.

«Шеда летни» (Шпинка) – поздний летний сорт, вкусные плоды, неприхотливый сорт с кожевидной шкуркой, более подходит для консервирования и сушки.

«Авраншска» – осенний вкусный сорт, светло-желтого цвета с красным румянцем, более подходит для консервирования, хранится с сентября по октябрь.

«Пстружнице» (Пстружка) – мелкие плоды светло-желтого цвета со сладким вкусом. Хранятся с ноября по январь

«Била трнечка» – плоды среднего размера, широкой эллиптической формы, зеленая кожура, мякоть средней сочности, желто-зеленого цвета, со сладким вкусом. Фрукты редко бывают червивыми, родит регулярно.

«Валашска трнечка» – плоды мелкие, эллиптической формы, кожура тонкая, темно-синего цвета, с белым налетом, мякоть сочная, мягкий вкус с кислинкой.

«Каталонски шпендилик»

Результаты этих исследований – полевого и архивного, будут использоваться при организации будущей презентационной деятельности Валашского музея в Рожнове-под-Радгоштем. Прежде всего, при посадке новых сельских плантаций в ареале Валашской деревни с использованием традиционных технологий выращивания плодовых деревьев.

Поэтому в заключение хотелось бы выразить скромное пожелание, чтобы старые местные сорта плодовых деревьев оставались и в будущем в чешской и моравской деревне, в которой большие скопления этих деревьев создавали тень, улавливали пыль, снижали уровень шума, представляли животным место для отдыха и кормежки, а главное – создавали общий культурный образ и характер деревни или хутора или просто места на открытой сельской местности.

Мазовия на пути деревянной церковной архитектуры

Яцек Вишневски

LOT "Skarbiec Mazowiecki" (Польша)

Польские деревянные костёлы имеют срубную конструкцию – это уникальное явление в Европе. Среди польских деревянных костёлов мазовецкие храмы, которых сохранилось еще свыше ста, составляют значительный процент. К сожалению, часто не хватает основных сведений о храмах и о возможностях подъезда к ним; поэтому, несмотря на небольшое расстояние от столицы Польши, мазовецкие костёлы по-прежнему остаются наименее известными. Когда многие регионы Польши уже могли гордиться своими туристскими маршрутами по деревянной архитектуре, Мазовия, несмотря на предпринимаемые попытки, пока отстает.

Польские деревянные костёлы имеют срубную конструкцию – это уникальное явление в Европе. Территория их существования, как заметил Marian Kornecki, «исторически обусловлена и ограничена: с востока – пределами распространения восточно-христианского церковного обряда, с запада – отчетливой границей преимущественного использования деревянно-кирпичной конструкции [храмов]. На юге, за карпатской границей государства, срубные католические костёлы – уже только весьма спорадическое явление»¹.

Среди польских деревянных костёлов мазовецкие храмы, которых еще сохранилось свыше ста, составляют значительный процент. К сожалению, часто не хватает основных сведений о храмах и о возможностях подъезда к ним; поэтому, несмотря на небольшое расстояние от столицы Польши, мазовецкие костёлы по-прежнему остаются наименее известными. Когда многие регионы Польши уже могли гордиться своими путями деревянной архитектуры², Мазовия, несмотря на предпринимаемые попытки, по-прежнему отставала.

Однако прежде чем перейти к сути проблемы, я бы хотел поближе познакомить с Мазовией, с её историей и расположенными на ее территории деревянными костёлами.

Историческая и современная Мазовия

Мазовия, расположенная на средней Висле и её притоках (это реки:

1 M. Kornecki, *Polskie kościoły drewniane*, "Miejsca święte", 1998, nr 11, s. 20.

2 То есть, организованные туристические маршруты по ряду деревянных храмов в регионах Польши (примеч. ред.)

Нарев, Буг, Бзур и Пилица), уже издавна находится в пределах польского государства. Значение этой области особенно возросло на рубеже XI–XII веков, когда Плоцк – в то время главный город Мазовии – стал местонахождением польских правителей: Владислава Германа и его сына Болеслава Кривоустого. Именно разделение страны, произведенное по смерти Болеслава Кривоустого в 1138 году, позднее стало причиной своеобразия этой области.

После присоединения Мазовии к польской короне, что произошло в конце концов в 1526 году, Мазовия занимала пространство почти в 32000 кв. км и состояла из трёх воеводств: Мазовецкого (около 22600 кв. км, разделенного на десять земель), Равского (около 5080 кв. км, разделенного на три земли) и Плоцкого (около 4210 кв. км, разделенного на две земли).

Такое деление, дольше всего существовавшее в истории Мазовии, пережило почти четыре столетия (до 1795 года). В течение очередных двух столетий границы Мазовии многократно изменялись. После административной реформы, которая вступила в силу 1 января 1999 года, историческая Мазовия расположена большей частью на территории Мазовецкого воеводства, меньшей – на территории Лодзинского и Подляского воеводств. Только небольшие части относятся к воеводствам Варминско-Мазурскому (южные отрезки повятов Дзялдовского и Нидзицкого) и Любельскому (окрестности города Сточка Луковского).

После установления христианства на польских землях, Мазовия была подчинена Гнезненскому архиепископству и Познанскому епископству. Однако уже около 1075 года из части местностей, принадлежавших Гнезненскому архиепископству, было образовано отдельное Плоцкое епископство.

Мы вообще можем считать, что в период с XI по XVIII век большей своей частью Мазовия находилась в пределах двух епархий: Плоцкой (северная часть) и Познанской (южная часть). Как Плоцкая епархия была отдельным образованием, так и земли, принадлежавшие Познанской епархии создавали особый архидиаконат – Мазовецкий. Только небольшая часть местностей на юго-западе Мазовии (окрестности городов Лови и Скерневице) принадлежала Гнезненской епархии. Такое состояние существовало до падения I Речи Посполитой в 1795 году.

В период разделов Польши наиболее важным событием для Мазовии было образование в 1798 году Варшавской епархии, с 1818 года Варшавской архиепархии. В нее вошли прежде всего территории Познанской и Гнезненской епархий, которые восстановились в прусский раздел Польши.

Нынешнее разграничение епархии в Мазовии существует с 25 марта 1992 года. На основании буллы папы Иоанна Павла II «Totus Tuus Poloniae populus», на севере Мазовии продвинули границы епархии Плоцкой и Лом-

жинской. На юге, при разделении Варшавской архиепархии, возникли две новые епархии: Ловицкая (выделенная из западной части архиепархии) и Варшавско-Пражская (выделенная из восточной). Зато из северной части Сандомежской епархии возникла новая Радомская епархия.

Теперь историческая Мазовия расположена в пределах Варшавской архиепархии, а также Плоцкой, Ломжинской, Ловицкой, Седлецкой и Варшавско-Пражской епархии. Только небольшие фрагменты этой области принадлежат Лудзкой архиепархии (на западе), Дрогичинской епархии (на востоке) и Радомской епархии (на юге).

Деревянные мазовецкие костёлы

Самые старые деревянные костёлы, сохранившиеся в Польше, относятся ко второй половине XV века, а старейшим храмом считается малопольский костёл в Zborywku (1459). Однако новейшие исследования костёла в великопольском Tarnowie Pałuckim (датируется 1639 годом) показывают, что центральный сруб этого храма мог быть сооружен уже в конце XIV столетия!

Из четырех самых старых сохранившихся в Мазовии деревянных костёлов, относящихся к XVI столетию, только один – в Яниславичах (после 1500 года) является свидетелем времени перед присоединением этого района к Польской короне в 1526 году. Самый старый датированный костёл существует в Богушичах. Он был поставлен в 1558 году, то есть больше чем через тридцать лет после инкорпорации. Этим же столетием датируются также храмы в Płocka-Trzepowa и Rębowa, но позднее они были значительно перестроены, поэтому потеряли свои первоначальные качества.

Еще в XVIII веке деревянные костёлы преобладали в Мазовии. Но уже в следующих столетиях эта тенденция претерпела радикальное изменение. Древесина – материал менее стойкий по сравнению с камнем или кирпичом – быстрее разрушается. Деревянные храмы исчезали из мазовецкого пейзажа вследствие военных действий, пожаров, а также из-за отсутствия должной заботы.

Семьдесят пять лет назад, перед началом Второй мировой войны на территории исторической Мазовии находилось 136 деревянных церквей. Из них к настоящему времени сохранилось 105, в том числе 95 на своих старых местах. Десять деревянных костёлов перенесены на новые места, из них два находятся за границами исторической Мазовии.

Храмы XVIII века составляют самую многочисленную группу, в которой, вместе с сохраненными на своих старых местах и перенесенными, числится 55 объектов. Это – половина всех существующих сегодня деревянных храмов в Мазовии.

Среди них преобладают нефные костёлы, то есть храмы, состоящие из

двух отдельных частей: широкого и высокого нефа и сравнительно узкого и низкого пресбiterия³ – традиция, идущая от готического стиля в кирпичной архитектуре. Первоначально все эти храмы имели пресбiterий в виде трехстенной части восьмиугольного сруба (так называемое «треугольное закрытие»). В последующих столетиях в нескольких из них треугольное закрытие пресбiterия было перестроено – заменено на прямоугольный сруб (напр. Blichowo, Łętowo).

К началу XVIII столетия относятся два интересных костёла – в Sarbiewie (начало XVIII века) и в Grzebsku (1712), в которых как пресбiterий, так и неф имеют «треугольное закрытие».

Уже к концу XVIII века место вездесущих до тех пор нефых храмов медленно начинают занимать «пространственные» костёлы. Эта композиционная структура возникает под воздействием классицизма и продолжает существовать практически до межвоенного периода.

Внешне такое сооружение представляет собой один массивный объём с прямоугольным планом, без обособленного пресбiterия. Только в интерьере пресбiterий выделен двумя параллельными стенами. Между пресбiterием и внешними стенами храма образуются два небольших помещения – с одной стороны ризница, с другой – кладовка, реже – сени. Над ними появляются открытые к пресбiterию коляторские⁴ ложи, то есть места, предназначенные чаще всего для владельцев деревни, которые давали средства на содержание и ремонт храма.

Самые старые из таких храмов находятся в Żukowie (1785) и Naruszewie (1786). К этому же периоду относится храм в Kucicach (1783), который не только один из самых маленьких костёлов в Мазовии, но и достаточно нетипичный, потому что построен восьмиугольным в плане. В XIX столетии к группе «пространственных» храмов добавились, между прочим, костёлы в Chociszewie (1830), Gyrze (1839) и Grodzcu (1854).

Наиболее старые мазовецкие костёлы не имели башен [колоколен – ред.]. В нескольких случаях мы встречаем незначительные башенки для небольшого колокола, расположенные в начальной части нефов. Им соответствуют башни костелов в Rębowo (XVI век), Święcieniec (1724).

Башни, которые появились ближе к нашему времени – это результат произведенных позднее ремонтов или перестроек храма. Вместо сруба они имеют каркасную конструкцию. Это относится к таким храмам XVII

³ Пресвитерий (пресбiterий, пресвитерия; лат. presbyterium – «место для избранных», от др.-греч. πρεσβυτέριον – «собрание священников») – в западноевропейской (прежде всего, католической) церковной архитектуре пространство между нефом и алтарём (аналогом которого в восточных церквях является «престол») в восточной части храма. Название имеет тот смысл, что в пресвiterий могут заходить только пресвители (то есть священники). [Из Википедии. Прим. Ред.]

⁴ Колятор (польск.) – помещик [Прим. Ред.]

века, как Krylewo (костёл 1639, башня 1882), Lewiczyn (1606-08, 1738), Kurdwanyw (1676-81, 1934-38), а также к храмам, построенным позднее Łętowo (1778-79, 1887), Chociszewo (1830, 1878).

Только в XVIII веке, под воздействием барочной кирпичной архитектуры, уже в момент строительства храма появляются двубашенные фасады, которые сегодня мы встретим в Lekowie (1772-73) и Mariańskim Porzeczu (1776).

Во второй половине XIX века, в местностях курпёвской Зеленої Пущи были построены три церкви (Turośl, Łyse, Dąbrywka) с аналогично сформированными фасадами с двумя башнями впереди, между которыми на уровне верхнего этажа расположена треугольное завершение.

В Мазовии были также постройки, соединявшие кирпичную часть с деревянной. Когда-то такое архитектурно-конструктивное решение (вероятно, в связи с отсутствием возможности окончания строительства в кирпиче начатого сооружения) применялось значительно чаще. К нашему времени осталось только два таких костёла – в Małujenie и Kraszewie.

В случае Малюжина, когда не хватило средств на завершение кирпичного храма, к каменному пресбiterию XVI-века пристроили деревянный неф. Этот, до сих пор существующий неф, восходит к XVIII веку.

Несколько иначе подобное решение применено в Kraszewie, где в XVI столетии успели возвести только кирпичную ризницу, часовню и кладовую. К кирпичной части пристроили в XVIII столетии деревянный неф и пресбiterий, и в таком виде храм дождался нашего времени.

Кстати, стоит вспомнить о других, по-прежнему существующих костёлах XVIII века, которые начинались, хотя и со значительно меньшего, но кирпичного сооружения. Это, между прочим, Węgry (сакристия 1535 года), Dobrzykowa (ризница и кладовая 1609 года) или Izdebna Kościelnego (часовня 1621 года).

Есть также несколько памятников, в которых кирпичная часть – элемент вторичный, пристроенный в более позднем периоде к деревянному костёлу: Glinianka (ризница 1883 года), Kuklin (ризница и центральные сени 1874 года), Lutkwyka (ризница и часовня начала XX века).

Мазовецкий путь деревянной сакральной архитектуры

С начала нашего столетия на территориях южной Польши существует проект Путь Деревянной Архитектуры, который возник в 2001–03 годы благодаря сотрудничеству воеводств Малопольского, Подкарпатского и Силезского. Каждый из Путей проекта имеет несколько вариантов, а рядом с культовыми сооружениями нашлись также деревенские хаты, дворы, кабаки, хозяйствственные объекты и даже целые скансены.

В 2009 году к проекту Путь Деревянной Архитектуры присоединилось

Свентокшиское воеводство, и, таким образом, проект охватил в общем более 500 объектов, на которых были размещены доски с информацией. Они содержат краткую историческую справку на трех языках (польском, английском и немецком) и схематическую карту всего Пути вместе с расположением на нем данного объекта.

Прошло несколько лет, прежде чем в Мазовии выделили маршруты и разместили информационные доски на выбранных деревянных костёлах. В рамках проекта Европейского Союза, за осуществление которого взялся Пастирский Центр Варшавской Архиепархии, в 2013 году поступило в пользование туристов «Мазовецкое Хранилище – шлаки культовых объектов в Варшаве и Мазовии» (www.skarbiecmazowiecki.pl).

Одна из его частей – Мазовецкий Путь Деревянной Культовой Архитектуры, складывающийся из шести петель (плоцкой, цехановской, остроленцкой, варшавско-западной, варшавско-восточной и седлецкой), на которых собрали 66 объектов деревянной культовой архитектуры.

При включении объектов в Мазовецкий Путь Деревянной Культовой Архитектуры принималась во внимание не только доступность (удобный подъезд, расстояние от других объектов, туристическая инфраструктура), но также их репрезентативность.

Проект возник в пределах существующего Мазовецкого воеводства, поэтому нельзя было учесть в нём костёлы с территорий воеводств Лодзского (например, два наиболее старых в Boguszyce и Janiszawice) или Подлянского (между прочим, костёл в Turośli) или такие, которые к концу прошлого столетия были перевезены на новое место (в Ciborach-Kołaczkach и Kramarzewie).

Деревянные храмы, отмеченные досками, на которых находятся сведения о костёле (история, архитектура, памятники старины внутри и в наиболее близком окружении), о других объектах, расположенных на данной петле и отмечены на помещенной там же карте. Дополнительно на досках размещено несколько фотографий костёла, включая обязательно снимки его интерьера. Последнее необходимо на тот случай, если посетители не смогут попасть внутрь храма.

Среди последних, включенных в Путь петель, наиболее характерной можно считать «плоцкую петлю», расположенную в северо-западной части Мазовии. На ней – 14 костёлов с XVI по XIX столетие, которые относятся к разным архитектурным стилям. Они находятся в местностях, расположенных вблизи рек Вислы, Скрвы и Вкры, то есть на одной из наиболее старых населенных местностей Мазовии. Стоит также напомнить, что с самого начала образования Плоцкой епархии (около 1075 года) эти местности целиком принадлежали ей неизменно в течение девяти столетий!

По другому принципу составлена «седлецкая петля», которая связывает

ет девять объектов, расположенных уже вне исторической Мазовии, но в пределах существующего Мазовецкого воеводства. Она имеет экуменический характер, так как рядом с тремя римско-католическими костёлами находятся также евангелический костёл и пять прежних униатских церквей.

Теперь предстоит работы по развитию проекта, предложенная обществом Местная Туристическая Организация «Мазовецкое Хранилище». Одна из его частей – «радомская петля», насчитывает шесть костёлов, из которых три связаны с исторической Мазовией (*Bardzice, Łęgonice* и *Wilkyw*).

До сих пор этот проект – единственный такого типа в центральной Польше. Возможно, со временем, он станет образцом для продолжения Пути Деревянной Архитектуры в воеводствах южной Польши – в поясе, который, кроме Мазовецкого воеводства, охватил бы также территории воеводств: Лодзского, Подляского и Великопольского. У такой мысли свое историко-географическое обоснование. Части двух первых воеводств принадлежат исторической Мазовии, хотя через несколько столетия значительная территория южной Мазовии оказалась во власти познанских епископов.

Актуальные проблемы и перспективы сохранения культурного ландшафта Национального музея народной архитектуры и быта Украины (к вопросу изучения культурных ландшафтов в Украине)

Наталья Иванченко

Национальный музей народной архитектуры и быта Украины (Украина)

Национальный музей народной архитектуры и быта Украины площадью 131,5 га расположен на южной окраине Киева у села Пирогово. Эта местность упоминается в хрониках с XIII века.

Территория Музея разделена на 6 экспозиционных секторов, соответственно историко-этнографическим зонам Украины. Сектора разделены между собой ландшафтными элементами, подъездными и экскурсионными маршрутами. Природные особенности этих зон, их рельеф, растительность приближены к природным характеристикам соответствующих этнографических регионов Украины.

Культурный ландшафт Музея – не искусственный, а естественный природный комплекс, в котором архитектура удачно сочетается с природной средой. Музейный культурный ландшафт должен сохранять народную культуру. Однако утвержденного должным образом и введенного в действие документа об охранных зонах музея до сих пор нет. В результате ландшафтный комплекс находится под угрозой хаотичной и неконтролируемой застройки, которая приведет к потерям целостного восприятия культурного ландшафта Музея.

Опираясь на существующие документы, необходимо добиться введения режима сохранения культурного ландшафта Музея и наложить запрет на капитальное строительство на этой территории, а также разработать и утвердить Правила землепользования и застройки, применимые для данной территории.

Современное представление о культурном ландшафте неоднозначно. В настоящее время сложилось три принципиально разных толкования термина “культурный ландшафт”. Некоторые исследователи определяют культурный ландшафт как “хороший” антропогенный ландшафт, измененный человеком по определенной программе и обладающий высокими эстетическими и функциональными качествами.

Второй подход базируется на понимании культурного ландшафта как некоей местности, которая в течении длительного исторического периода являлась местом обитания определенной группы людей, являющихся носителями специфических культурных ценностей. Чаще всего в качестве

таких групп выступают этнические или конфессиоанальные общности. В основе третьего подхода лежит представление об активной роли интеллектуальной и духовной деятельности в формировании культурного ландшафта; при этом важно подчеркнуть, что культурные духовные и интеллектуальные ценности, хранимые и передаваемые от одного поколения людей к другому в виде информации, не только определяют формирование и развитие культурного ландшафта, но и являются его частью, испытывают на себе воздействие других, материальных компонентов ландшафта. Важнейшей частью культурного ландшафта является культурное наследие, сохраняемое в виде овеществленных объектов, традиционной деятельности людей или информации. В некоторых культурных ландшафтах наследие является доминирующим, определяющим ход всех происходящих на их территории общественных процессов. Это, прежде всего, комплексные историко-культурные и природные образования, являющиеся носителями исторической памяти, связанные с местами, хранящими в себе материальные и нематериальные свидетельства исторической памяти - памятники архитектуры, археологии, этнографии, топонимы, архивные и библиографические источники, разнообразные объекты и предметы -природные и антропогенные, указывающие на связь ландшафта с историческими событиями, определившими судьбу страны, народов, ее населяющих, их культуры, а также с жизнью великих людей, внесших особо значимый вклад в становление и развитие страны.

Сегодня изучение культурного ландшафта актуально во всем мире, особенно в тех странах, где присутствует проблема совместного проживания полигэтнических народов. Это позволяет индифицировать архетипы, ментальные представления, а также закрепить у людей сознание своей связи с тем или иным этносом и культурой.

Ландшфт - очень важный компонент при формировании скансенов, который может служить определяющим фактором этнической идентификации. Архетипные представления служат фундаментом в определении основных составляющих компонентов народной культуры.

Национальный музей народной архитектуры и быта Украины (далее Музей под открытым небом) можно отнести к типу сельского культурного ландшафта, где сохранилась живописная местность с архитектурными памятниками народного зодчества, важные для научного исследования, и где сохраняются и популяризируются не только традиции землепользования, но и формы организации социокультурной среды: обычай, верования и традиции.

Изначально музей был задуманный как архитектурно-ландшафтный комплекс, где показаны все историко-этнографические зоны Украины. Доминирующий часть ландшафта Музея - это Среднее Приднепровье, вместе с тем на территории музея представлены южные степи и Подольские

Рисунок 1

долины, зеленые Карпаты и таинственное Полесье.

Живописный ландшафт Музея определил его объемную пространственную композицию, центром которой стал холм с коллекцией ветряков - символом созидательной земледельческой культуры Украины . У его подножия расположены микрорайоны: здесь и Среднее Приднепровье, и Юг Украины, Полтавщина и Слобожанщина, Полесье, Подолье, вдали на холмах - Карпаты.

Музей расположен на южной окраине города Киева возле села Пирогов. Эта местность упоминается в хрониках с 13 века. Место очень мистическое, имеет ряд археологических памятников, и тесно связано с легендами Голосеевского леса, на опушке которого расположен скансен. Это историческая часть Киева всегда привлекала и поражала воображение и мышление людей.

Культурный ландшафт Музея - это не искусственно созданный, как дендропарк в Софиевке в Умане, а естественный природный комплекс, где удачно сочетается архитектурная и природная среда, и где отражается мироощущения человека. Ландшафт Музея под открытым небом отражает ментальное представление народа, проживавший на украинской земле сотни лет.

Ландшафт Музея в Пирогове имеет большую природную и культурную ценность и органично связанный с экспозиционными зонами Музея.

Для большинства культурных ландшафтов очень важны визуальные характеристики: зрительные связи между ключевыми элементами, наличие видовых точек и панорам, визуальные бассейны с основных точек обзора,

Рисунок 2

визуальные доминанты, пейзажи (рис. 1).

Смотровых площадок Музея открывают потрясающие панорамные виды не только музейных экспозиций, но и удивительные исторические ландшафты Киевщины, которые тесно повязанные с территорией Музея: в южном направлении открывается красота летописной балки Церковщина, в юго-западном направлении виднеется силуэт церкви св. Пантелеймона в Феофании, в западном направлении - днепровская долина с островом Жуковым (рис. 2, 3).

Центральная и восточная часть территории Музея – равнина, изрезанная с небольшими оврагами и холмами. Северная и западная часть Музея

Рисунок 3

Рисунок 4

имеет резкий пересеченный рельеф с перепадами высот от 50 метров и живописными оврагами и ложбинами (рис. 4).

Территория музея поделена на 6 историко-этнографических зон Украины, которые разделены между собой ландшафтными элементами, подъездными и экскурсионными маршрутами. Природные особенности этих зон, их рельеф, растительность приближены к природным характеристикам соответствующих этнографических регионов.

Общая территория Музея составляет 131,5 га,

Главным концептуальным аспектом при создании Музея было сохранить и передать этнический архетип украинского народа.

Это достигалась с помощью погружения в этническую среду. Поэтому концепция создания экспозиций в виде традиционных сел каждого региона было научно обосновано и определялось желанием передать региональной особенности народной культуры украинцев.

Музейный культурный ландшафт обязан сохранить народную культуру в этноса в условиях мировой глобализации, поэтому ярмарки, мастер-классы народные ремесла выступают этническими индикаторами реконструкции и сохранения народных традиций и праздников сегодня.

Проектные работы по созданию Музея под открытым небом совместно разрабатывались коллективом Киевского научно-исследовательского и проектного института градостроения и архитекторами Музея.

Проектирование первой очереди строительства проводилось 1970-1972 гг, в 1971 г сделан предварительный проект охранных зон Музея, 1975-1978 гг. – проект второй очереди строительства, в 1984-1986 гг был разработан проект расширения Музея, который реализован только частично.

Согласно постановлению Правительства Украины 1976 году уже в те времена должны были разработать проект развития музея и проект охранных зон. Однако, прошло почти четыре десятилетия, но утвержденного должным образом и введенного в действие документа по охранным зонам музея до сих пор нет. С подписанных и утвержденных схем охранных зон музея, где определены территории его развития, зоны застройки и зоны охраняемого ландшафта на сегодняшний день является схема 2005 года, подписанная министром культуры Украины И. Лиховым, хотя под нее, к сожалению, соответствующая документация не разрабатывалась.

В 2001-2002 годах коллективом сотрудников Государственного научно-исследовательского института теории та истории архитектуры при участии архитекторов Музея была разработана «Концепция историко-архитектурного опорного плана и проект охранных зон памятников Музея», которую рассматривали на заседании архитектурно-градостроительном совете при Главном управлении градостроения, архитектуры и дизайна городской среды 03.11.2004 года.

Однако, «Концепция» так и не была утверждена. Основная проблема – это спорные 35 га земли села Пирогов, которые в 1977 г были переданы Музею в бесплатное и бессрочное пользование для строительства второй очереди музейных экспозиций – тогда предполагалось расширение и объединение экспозиционных зон «Слобожанщина», «Полтавщина» и «Юг Украины» (рис. 5).

Когда эта земля закреплялась за музеем, предусматривалось отселение пироговчан в отдельное городское жилье. Однако, до сих пор на этих землях проживают жители села Пирогов (рис. 6).

Рисунок 5. Село Пирогов

На протяжении 1988 - 1991 гг. из 19 домов были отселены 39 семей – им были выделены квартиры. 58 семей остались не отселенными. Но и те семьи, которые получили квартиры, опять вернулись назад в свои сельские дома.

Вот уже более 20 лет проблема отселения так и не решается. Кроме того, уже зафиксирована приватизация земли на территории села Пирогов – фактически, нарушая все законы, участки полностью переданы в частные руки (рис. 7).

Киевский городской совет и городская администрация полностью отвернулась от решения проблемы отселения пироговчан, тем самым нарушив Постановление Совета Министров Украины от 1976 г., в котором было выписано решение этой проблемы, ссылаясь, что Музей до сих пор не узаконил право пользование территорией.

Определение границ территории культурного объекта наследия – культурного ландшафта – важный этап в организации его охраны, сохранении и консервации, поскольку любые правовые регламентации требуют конкретной территориального обоснования, будь то регламентация новой застройки, движения транспортных средств и создание инженерных коммуникаций, выращивание сельскохозяйственных культур и лесопользование.

На протяжении многих лет Музеем не однократно разрабатывалась учетно-охранная документация.

В 2004-2007 годов разные органы исполнительной власти неоднократно пробовали очертить охранные зоны Музея, и каждый раз зоны были разной конфигурации.

В 2008 году опираясь на Закон Украины «Про охрану культурного наследия» (ч. 1, ст. 32) был подготовлен последний «Проект корректирования охранных зон комплекса архитектурно-этнографической памятки Государ-

Рисунок 6. Выезд из усадьбы в с. Пирогов на территорию музея

ственного музея народной архитектуры и быта Украины» (автор Т.Л. Жаворонкова и С.В. Верговский), где детально выделены охранные зоны Музея.

С целью сохранения культурного ландшафта авторы проекта предложили следующие охранные зоны:

1. непосредственно территория музеиного комплекса, Пироговское кладбище, фрагменты территории с. Пирогов;

2. охранная зона шириной в 50 метров от существующих границ Музея (восточная, северная и западная часть границы)

3. расширение охранной зоны до ул. Академика Заболотного и до р. Вита и парка Феофания, куда входят памятники археологии, выявленные на прилегающих территориях Музея.

Общая площадь охранных зон Музея по проекту составляет 350,81 га.

В проекте детально очерчена территория развития Музея, где планировалось запретить любое строительство, которое не предусмотрено Генеральным планом Музея.

В этом документе были прописаны зона регулирования застройки, куда попадают участки с. Пирогов вдоль улиц Квитучая, Коммунальной, Крутой. В

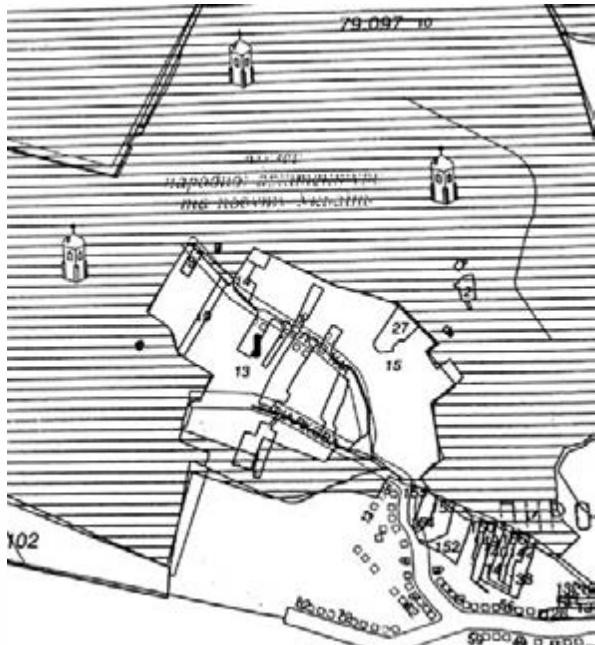

Рисунок 7. Схема Музея, где показаны номера приватизированных участков

этой зоне предполагается сохранение исторической планировки застройки, запрет надстроек существующих домов, рекомендуется новое строительство не выше 9 м (два этажа с мансардой) при условии сохранения усадебного строительства.

К сожалению, в этом документе не были рекомендованы типы архитектурных застроек, которые соответствовали бы особенностям ландшафта Музея. Это привело к хаотичной застройке охранных зон и нарушению ландшафтного комплекса Музея.

Для защиты окружающей ландшафтной среды предлагалось запретить капитальное строительство, транспортных магистралей (кроме подъездных дорог к Музею), рекомендовалось прокладывать подземную инженерную коммуникацию.

Кроме того, для целостного восприятия сельского культурного ландшафта необходимо сохранить традиционный севооборот Украины, как в охранных зонах, так и непосредственно на территории Музея, которые будут выступать индикатором этнического самосознания (рис. 8)

Проект был передан на утверждение в Государственную службу по вопросам национального культурного наследия, Но вместо согласования, Музей получил совсем новый Проект, который не был согласован с администрацией Музея.

Рисунок 8. Панорама экспозиции Юг Украины

На сегодня, существует схема скорректированных охранных зон Музея шириной 25 метров, которая была установлена без ведома Музея и утверждена Министерством культуры и туризма в 2007 году.

Эта схема дает право землепользователям в судебном порядке узаконивать договора долгосрочной аренды на земельные участки в охранной зоне Музея.

Сейчас ландшафтный комплекс находится по угрозой хаотической и не контролированной застройки, которая приведет к потерям целостного восприятия культурного ландшафта Музея под открытым небом (рис. 9).

Для защиты музеиного комплекса необходимо провести ряд следующие мероприятия.

1. Опираясь на решение Киевского горсовета от 23.03.2002 года № 370/1804\, который внес территорию Музея под открытым небом в «исторический ареал» Киева (с историческим характером среды и значительным количеством объектов культурного и исторического наследия), а так же на Указ Президента Украины от 15.03.2007 года №208 « Про мероприятия по упорядочению строительства застройки территории и сохранению историко-культурных территорий и объектов в г. Киеве» (ст.1) необходимо добиться введения режима сохранения культурного ландшафта и наложить запрет на проведения капитального строительства на этой территории.

Рисунок 9. Возле центрального входа в музей

2. Добиться отмены решений отвода земельных участков в охранной зоне Музея.

3. Утвердить на законодательном уровне охранные зоны Музея;

4. Разработать и утвердить Правила землепользования и застройки, применимые для данной территории.

Правовая защита культурных ландшафтов – это важная и актуальная задача в сегодняшнем динамичном мире. К сожалению, охрана наследия не является прерогативой государственной власти. С каждым годом законодательная база становится все сложнее в вопросах охраны культурного наследия и требует не только профессиональных знаний, навыков во многих направлениях законодательства, но и дополнительного осмысления в научной среде.

Сохранение культурного ландшафта актуально не только сегодня, но и в ближайшем будущем, так как оно дает возможность законсервировать ту среду, которая или уже утрачена, или находится на грани исчезновения.

Проблема по сохранению культурных ландшафтах в Украине пока что не рассматривается в контексте культурных дискусий, хотя актуальность ее не вызывает сомнений и, на сегодня, никаких конкретных шагов не было предпринято в реализации этого проекта.

ЛИТЕРАТУРА

Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., Чалая И.П., Иванова И.Г., Штеле О.Е., Да- выдов А.Н., Востряков Л.Е., Еремеев А.В., Пчелкин С.А. Определение формата культурного ландшафта (как составная часть работы по формированию Российской сети культурного наследия) /<http://www.future.museum.ru/part03/030203.htm>

Жаворонкова Т.Л., Верговский С.В. Отчет по научно-проектной работе «Проект корректирования охранных зон комплекса архитектурно-этнографической памятки Государственного музея народной архитектуры и быта Украины». Киев. 2008.

Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как наследие. Общее представление, актуализация ценности, исследовательские подход // Сельский культурный ландшафт: рекомендации по сохранению и использованию, Москва, ЭкоЦентр «Заповедники», 2013.

Орел Л. Сокровищница народной культуры Украины. Киев. Феникс, 2009.

Федака П. Доклад на Международной научной конференции «Народна культура України: традиции и современность». Киев. За друга. 2010.

Часть 4

Презентация собственного опыта в области деревянной архитектуры и культурно-исторического ланд- шафта

Музеи-заповедники и национальные парки – рефугиумы традиционной культуры. От архитектуры в ландшафте к архитектуре ландшафта

Марина Кулешова

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия (Россия)

Традиционная национальная культура, в силу интенсивности наблюдаемых глобализационных процессов, становится уязвимой и требует государственной поддержки. Большое значение для её сохранения и презентации в России имеют музеи-заповедники и национальные парки, режим содержания которых может способствовать актуализации традиций деревянного домостроительства в традиционном культурном ландшафте. Архитектура дома и архитектура ландшафта, компонентом которого служит селитебная ткань, взаимозависимые категории.

Одним из элементов традиционной культуры является деревянное зодчество, весьма характерное для России – страны, около половины которой покрывают леса, обеспечивающие домостроительными материалами её обширные пространства. Архитектура строительства, которая определяет особенности поселенческой ткани, в значительной мере определяет и ландшафтный покров Земли, она - важнейший компонент ландшафта.

Историческая часть г. Выкса (Нижегородская обл.)

Деревянные города и деревни всё ещё формируют традиционные черты России, но из обыденного мира плотницкое искусство постепенно исчезает, уступая дорогу новым технологиям и материалам. Надо отметить, что сохранение объектов деревянного зодчества во многих случаях оттесняет на задний план сохранение традиций деревянного зодчества.

Поддержать, а отчасти и восстановить традиции деревянного зодчества могут сегодня музеи-заповедники и национальные парки, если поменяют парадигму охраны отдельных объектов-памятников на парадигму поддержания и регенерации исторических культурных ландшафтов, поселенческая ткань и хозяйственный уклад которых формировались в окружении лесных пространств. Предпочтения человечества постоянно меняются, возобновление и реновация элементов традиционной культуры есть характерный процесс, интенсивность которого можно усилить на основе формирования соответствующих культурных центров в музеях-заповедниках и национальных парках – ландшафтных рефугиумах традиционной культуры.

Культурные ландшафты мы рассматриваем как природно-культурные территориальные комплексы, компоненты и элементы которых находятся

Историческая часть г. Выкса (Нижегородская обл.)

в динамике и взаимодействии, и образуют характерные устойчивые пространственные сочетания. Если такой ландшафт представляет собой систему общественно значимых социокультурных ценностей, то он является феноменом наследия и в этом качестве требует определённых мер поддержания и сохранения. При этом культурные ценности (не компоненты!) ландшафта могут быть как материальными, так и нематериальными, заключенными в традиционных знаниях, космогонических представлениях, духовной культуре освоивших тот или иной ландшафт народов (Культурный ландшафт..., 2004).

В чем особенность данного концепта, в чем его отличительные признаки?

1. Культурный ландшафт представляет функционально-историческую целостность, что принципиально отлично от распространенного в сфере охраны памятников архитектуры и градостроительства представлении о ландшафте как фоне, пространстве размещения отдельных штучных ценностей - памятников архитектуры, истории, археологии, садово-паркового искусства и пр.

2. Культурный ландшафт является результатом сложных исторических процессов, а не только целеполагания и осознанного проектирования, что отлично от академических географических представлений о культурном ландшафте, отождествляющих с ним рациональный, благоустроенный, ухоженный, гармоничный антропогенный ландшафт. Культурный ландшафт свидетельствует не только о гармонии, но и о трагедиях и катастрофах (например, поля сражений).

Деревня Чистый Дор, национальный парк «Русский Север» (Вологодская обл.)

Деревня Чистый Дор, национальный парк «Русский Север» (Вологодская обл.)

3. Культурный ландшафт по генезису может быть как антропогенным, так и природным, но представлять исключительную культурную ценность, быть присвоен культурой. В частности, многие природные объекты признаются культурным наследием, например сакральные объекты – святые горы, реки, источники. Многие объекты традиционного природопользования становятся объектами культурного наследия и элементами культурного ландшафта, что отражает расширение наших представлений и о наследии, и о ландшафте.

Северо-Двинская канальная система, национальный парк «Русский Север»

4. Понятие о культурном ландшафте не ограничивается одним лишь материальным наполнением, но включает также и нематериальное, в частности духовное, содержание, как неразрывно связанное с материальным миром и образующее с ним единое целое. От религиозных, этических, нравственных, интеллектуальных, эстетических предпочтений социума зависит направленность ландшафтообразующих процессов.

5. При таком комплексном и системном понимании ландшафта возникают основания для проведения наиболее полной и всесторонней инвентаризации наследия в целом. Ландшафт – не просто комплексный объект, но также сборная рамочная конструкция, в которой найдёт себе место любой исторически значимый феномен культуры (как деревянное зодчество) либо природный раритет. В этом состоит огромная роль излагаемого концепта культурного ландшафта для наследия в целом. Именно культурный ландшафт как рамочная конструкция способен увязать все компоненты, которые нас интересуют – природные и культурные, материальные и нематериальные, движимые и недвижимые, увязать вопросы развития с задачами охраны наследия, включая живую традиционную культуру, архитектуру, и т.д.

В ряду международных соглашений, уделяющих особое внимание культурным ландшафтам, следует выделить две конвенции – Конвенцию о Всемирном наследии (1972) и Европейскую ландшафтную конвенцию (2000).

Никольская часовня, д. Вершинино, Кенозерский национальный парк

В первой из них акцентируется внимание на выдающейся универсальной ценности объектов наследия, к которым могут быть отнесены и культурные ландшафты, на качествах их аутентичности (подлинности) и целостности. Культурные ландшафты стали рассматриваться как специфическая категория объектов культурного наследия начиная с 1992 г., когда в Руководящие указания по применению данной конвенции были внесены соответствующие изменения (World Heritage..., 2012). Институт Наследия, созданный также в 1992 г. под руководством проф. Ю.А. Веденина в г.Москве, успешно развел и дополнил основные конвенциональные подходы к культурному ландшафту. На основании исследовательских работ Института в 2014 г. была подготовлена и принята Центром Всемирного наследия заявка на включение Кенозерского национального парка в Список всемирного наследия в качестве культурного ландшафта, где семантическими доминантами служат памятники деревянного зодчества, а традиционное домостроение формирует характерную текстуру ландшафта.

В Европейской ландшафтной конвенции ландшафт рассматривается и как наследие, и как среда жизни человека. В ней обозначены процедуры, которые стороны конвенции должны применять для сохранения, управления и развития своего национального ландшафта. К любому ландшафту, от обыденного до уникального, от природного до техногенного, могут быть применимы её положения. Сторона конвенции должна признать значи-

Деревня Зихново с часовней Иоанна Богослова, Кенозерский национальный парк

мость своих ландшафтов, выработать ландшафтную политику и внедрять ландшафтные принципы во все сферы деятельности, в первую очередь – в территориальное планирование. К Конвенции присоединились почти все европейские государства, Россия пока не в их числе. Учитывая актуальность данной тематики, ЭкоСентром «Заповедники» в 2013 г. было выпущено пособие «Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию» (Сельские культурные..., 2013).

В действующем федеральном законодательстве использование понятия «культурный ландшафт» ограничивается тремя законами, однако гораздо большее их число содержит правовые нормы, непосредственно воздействующие на культурные ландшафты. В законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» культурный ландшафт поименован в числе объектов, которые могут быть отнесены к достопримечательным местам – одному из видов объектов культурного наследия. В законе «Об особо охраняемых природных территориях» наличие выдающихся культурных ландшафтов фигурирует как одно из оснований создания таких территорий. В Земельном кодексе указано на возможность выделения категории «особо ценные земли» в случае выявления ценных культурных ландшафтов. Так что правовые предпосылки существуют, и использование данного понятия является вполне легитимным.

Исторический ландшафт д.Кереть (республика Карелия)

Ведущими формами охраны культурного ландшафта как наследия стали в России национальные парки и музеи-заповедники. В России сейчас насчитывается 47 национальных парков, из которых по работе с ландшафтами бесспорно лидируют парки Кенозерский и Угра. Появляется интерес к культурным ландшафтам и у таких парков как Берингия, Русская Арктика, Смоленское Поозерье, Себежский и др. В соответствии с законом №33-ФЗ в число основных задач национальных парков включено сохранение и восстановление историко-культурных комплексов и объектов, что создаёт условия для охраны культурных ландшафтов. В принципе, любая особо охраняемая природная территория может способствовать сохранению культурных ландшафтов, если это осознано управляющими инстанциями.

Целый ряд российских природных заповедников и национальных парков участвуют в программе ЮНЕСКО «МАВ» как биосферные заповедники (в соответствии с российским законодательством) или как биосферные резерваты (в соответствии с международной терминологией). Согласно Севильской стратегии, которая является главным руководящим документом для биосферных резерватов, в числе основных направлений их развития стоит сохранение традиционных знаний и культурного разнообразия во взаимосвязи с биологическим разнообразием, поддержание культур-

Часовня Варлаамия Керетского в д.Кереть (республика Карелия)

ной среды и традиционного образа жизни коренных народов. Термин «культурный ландшафт» нигде в тексте стратегии не присутствует, однако она концептуально способствует их поддержанию, включая и такой их элемент, как памятники деревянного зодчества.

В России насчитывается около 150 музеев-усадеб и музеев-заповедников. Музеи-заповедники в России двух типов – музеи-скансины (музеи под открытым небом), где памятники, собранные с разных мест, находятся в состоянии экспозиции *ex situ*. Таковы были исторические условия середины XX века, что единственная возможность спасения многих памятников состояла в их вывозе в музей. Другой тип музея-заповедника, и их преобладающее большинство – это музеефицированный территориальный комплекс *in situ*. К таковым относятся аутентичные исторические местности – дворянские усадьбы, поля сражений, монастыри, исторические города. Существуют и сочетания этих двух типов, например музей-заповедник Кизи. Возможности у каждого из этих типов в сохранении ландшафта и архитектуры как части ландшафта различны. Из тех музеев-заповедников, где концепт культурного ландшафта внедрён наиболее широко, надо назвать Бородинское поле, Куликово поле, Михайловское, Ясную Поляну, Шолоховский.

Поморская деревня .Кимжа (Архангельская обл.)

Основные операционные понятия. Довольно широкое распространение в науке и практике имеет понятие о ландшафтной архитектуре как искусстве формирования парковых, усадебных, садовых пространств. Мы предлагаем отличать от него понятие архитектуры ландшафта как системы его конструктивных особенностей, обусловленных природными закономерностями и историей его культурного освоения и означивания. Ландшафт имеет свои формы, стили, парцелляцию, ритмы. Есть исследования, посвященные архитектуре Земли, ритмам земной поверхности и её топообразам (Желамский, 2008).

Ландшафт имеет свои компоненты и элементы. Общеизвестные природные компоненты – литологическая основа и рельеф, почвы, водный и воздушный бассейны с соответствующими гидрологическим режимом и климатом, растительный покров и животный мир. В культурном ландшафте к ним следует добавить те покровы, которые привносит культура человека – земледельческая ткань, селитьба, коммуникационная инфраструктура, мелиоративные и водохозяйственные сети, рельеф недропользования, и т.д. В качестве элементов мы предлагаем рассматривать топосы (Калуцков, 2008) – типы мест, например «деревня», «поле», «лес». Это элементар-

Крест обетный у д. Кимжа (Архангельская обл.)

ные единицы ландшафтного членения, с которыми можно приступить к изучению, описанию и формированию ландшафта. Есть топосы сложные, как «деревня», которой соподчиняются улицы, проулки, площади, а есть топосы простые, как, например, «лесная поляна» - этот тип места дальнейшему членению не подлежит.

К числу основных операционных понятий относится природно-культурный каркас – система ключевых структур ландшафта, определяющих его основные характеристики и ответственных за ландшафтообразующие процессы. Аналогично крестьянской избе, в которой есть матица, печь, есть несущие балки и конструкции, в культурном ландшафте есть основные эрозионные врезы – реки, есть тектонические разломы, границы типов растительных сообществ, экотоны, высотные доминанты рельефа и т.д. К этим важным природным структурам приурочены и культурные: исторические поселения, сакральные объекты, исторические пути, центры производств и ремёсел и пр. Это показывают исследования, доказано на целом ряде примеров (Кулешова, 2007).

Если культурный ландшафт рассматривается в качестве феномена наследия, то для него необходимо выявить предмет охраны – наиболее

На дворах д. Кимжа (Архангельская обл.)

важные и ценные черты объекта охраны (эта позиция установлена федеральным законодательством). Предмет охраны напрямую связан с природно-культурным каркасом, который включает наиболее важное и значимое в ландшафте. Предметом охраны могут служить виды и панорамы, причем не только на культурно-исторические доминанты, но и от них. Визуально-эстетическая оценка ландшафта составляет особую исследовательскую задачу (Культурный ландшафт..., 2004) и является одной из ведущих характеристик его архитектуры. Предметом охраны могут быть и исторические функции. С предметом охраны перекликаются понятия выдающейся универсальной ценности и вариантные критерии соответствия этой ценности, установленные для объектов Всемирного наследия – всего 10 критериев по природному и культурному наследию (Кулешова, 2004; Operational Guidelines..., 2008).

Важные понятия, с которыми необходимо работать, и уточнять их – аутентичность и целостность. Следует обратить особое внимание на аутентичность, о которую «спотыкаются» почти все администрирующие организации – и профильные ведомства, и музеи-скансины, и музеи-заповедники, и национальные парки. Часто за аутентичное выдаётся некая

Усадьба Левашевых в природном парке «Воскресенское Поветлужье»

копия или объект реконструкции, а это разные вещи. Желание сделать лучше, новее, современное побеждает здравый смысл и в результате историческая подлинность утрачивается либо безвозвратно искажается (Веденин, 2012). Размывается грань между реставрацией, реконструкцией и новым строительством. Это очень большая проблема. Для среднерусских ландшафтов основные угрозы аутентичности возникают в связи с новой застройкой, проведением новых коммуникаций и запустением сельских угодий.

Культурные ландшафты разнообразны и требуют упорядочения, задачи которого решает типология – наибольшее применение имеют функциональная типология (ландшафт сельскохозяйственный, селитебный, индустриальный, мемориальный, сакральный и пр.) и типология по виду доминирующей культуры (ландшафт крестьянский, городской, монастырский, усадебный и пр.). Говоря о функциональных типах ландшафтов, следует назвать ландшафт музейный: музеи-скансены (музеи под открытым небом) представляют собой такой тип. С типологической принадлежностью, которая может образовывать сложные сочетания, зависит будущее развитие ландшафта как объекта охраны.

Колодец на дороге, природный парк «Воскресенское Поветлужье»

Функции, процессы – важнейшие атрибуты ландшафта и касаются его будущего. Как и отдельные элементы ландшафта, они могут быть аутентичными, но могут быть и палиативными – поддерживающими его внешний вид при утрате традиционных хозяйственных функций, традиционного природопользования. Ландшафт нельзя законсервировать, у него могут появляться новые доминантные направления развития – туристское, например, и его необходимо адаптировать к сложившейся структуре ландшафта.

Важный момент – циклическая изменчивость культурного ландшафта, пульсация культурного ландшафта, на что следует обращать особое внимание. Так, интересным феноменом являются сезонные ледовые арктические ландшафты побережий Чукотки и Аляски – периодически исчезающие, но восстанавливающие все свои культурно-промышленные структуры при соответствующей ледовой обстановке и культурных практиках (Наши льды..., 2013). Или праздники – это тоже проявление цикличности ландшафта. Как и мигрирующие водоплавающие птицы, останавливающиеся

Троицкая церковь в селе Троицком, природный парк «Воскресенское Поветлужье»

на определённых водно-болотных угодьях, принадлежат ландшафту, так и гости, которые приехали на праздник, должны рассматриваться как часть ландшафта. Из этого следует определённая политика действий.

Селитебная ткань даже устойчиво воспроизведенного ландшафта также подвержена циклическим изменениям. Часть домостроений разрушается и заменяется новыми, флюкутирует плотность застройки, дома, как в Кенозерье, нередко перевозятся, «мигрируют», следуя за своими хозяевами в другую деревню.

Пульсация ландшафта может исходить из его органолептических свойств, в частности звуковой палитры, которая может составить предмет охраны. В научный оборот введено понятие звукового ландшафта, звучание ландшафта в числе прочих факторов характеризует уровень его аутентичности или нарушенности (Андреева, 2004).

Направленность развития ландшафта и будущая архитектура ландшафта зависят от многих обстоятельств. Мы говорим о музеях-заповедниках и национальных парках как рефугиумах традиционной культуры, способных поддерживать благоприятные условия воспроизведения культурной традиции, в частности традиции деревянного зодчества. Однако носителем традиции является населяющий и использующий ландшафт социум, без осознанного участия которого в процессах формирования ландшафта сохранение их традиционного облика не имеет перспектив.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Е.Д. О звуковом маркировании культурного ландшафта и пространства // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. - С.105-115.

Веденин Ю.А. Изучение, сохранение и актуализация наследия как фактор устойчивого развития района// Россия и её регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2012. - С.85-111

Желамский А.Г. Русский пейзажный вектор (очерки родиночувствия). Великие Луки: Издание музея пейзажного наследия «Окоём», 2008. – 213 с.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. – 320с.

Кулешова М.Е. Наследие и природно-культурный каркас территории. // Известия Самарского научного центра РАН. 2007.№1. с.7-14 http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2007/2007_1_7_14.pdf

Кулешова М.Е. Принципы и методы оценки культурного ландшафта. //

- Культурный ландшафт как объект наследия – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – с. 37 – 67.
- Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
- Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки./ Под ред. Л.С. Богословской, И.И.Крупника. – М.: Институт Наследия. 2013. – 360 с.
- Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию./ Под ред. М.Е.Кулешовой. – М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. – 220 с.
- Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. Annex 3. UNESCO. WHC. 08/01, January 2008. – Р. 85–92. Электронный ресурс: режим доступа <http://whc.unesco.org/en/guidelines/>
- World Heritage Cultural Landscapes / Ed. by Ana Luengo, Mechtilde Rossler. UNESCO. WHC. Ayuntamiento de Elche, Spain. – 2012. – 362 p.

Коллекция Короля Оскара II - Первый в мире музей под открытым небом

Паал Морк

Норвежский Народный музей (Норвегия)

Начнем рассказ с того, что произошло ровно 200 лет назад в немецком городе Киль. В некотором смысле с этого все и началось. Наполеоновские войны закончились, и в Киле был объявлен мир между Скандинавскими странами. Дания воевала на стороне Наполеона и проиграла Швеции.

Согласно Кильскому договору, Дания уступала Норвегию Швеции. Норвегия увидела возможность заявить о полной независимости и принять свою собственную конституцию. В результате, мы празднуем два столетия нашей конституции в этом году. Швеция не приняла декларацию независимости, и через несколько месяцев был сформирован союз между Норвегией и Швецией. Этот союз дал Норвегии независимый статус. Конституция

Коллекция Короля Оскара II (фото из Библиотеки Конгресса)

была отредактирована, но не переписана. Крепкими связи между странами были потому, что Норвегия и Швеция обязаны были иметь общего короля, а Швеция должна была представлять Норвегию во внешней политике.

В результате Жан-Батист Бернадот был избран королем Швеции и Норвегии под именем Карла Юхана. Начался период династии Бернадот, её почти столетнего правления Норвегией и Швецией. Уния Норвегии и Швеции продлилась до 1905 года, когда Норвегия наконец-то получила полную независимость.

Связи с первым в мире музеем под открытым небом

Король Карл Юхан происходил из французской семьи и принес европейские идеи на север. В новой норвежской столице должен был быть устроен большой парк наподобие тем, что были в таких городах, как Стокгольм, Мюнхен и Париж. Король рассматривал возможность обустройства полуострова Бюгдей (Bygdøy) в качестве парка, где городское население могло бы спокойно узнавать и наслаждаться природой, свежим воздухом, тропинками и декоративными элементами ландшафта. Он купил землю вокруг Роял Мэнор на Бюгдэй и создал полюбившуюся ему и многим зону отдыха, каковой она и продолжает оставаться до сих пор.

За Карлом Юханом следовал Оскар I, построивший замок Оскарсхолл на Бюгдэй. Его преемником стал Оскар II, сильно любивший Норвегию. Оскар II управлял Норвегией в период подъема национального движения. На основе культурного наследия Средневековья и идеалов независимости норвежских фермеров в Норвегии возникла идея национальной самобытности.

Во второй половине 19-го века возрос интерес и к норвежским строительным традициям. Эйлерт Сундт получил образование священника, но наибольшую известность получил благодаря своим исследованиям условий жизни в Норвегии. Он также представил комплексное исследование видов жилья, создав типологию норвежских домов. Примерно в то же время общество сохранения норвежских памятников старины начало регистрировать здания, представлявшие для страны культурную ценность. Благодаря ему и возникла переноса жилого дома норвежского фермера в Королевский парк в Бюгдэй. И король Оскар II и его камергер, Кристиан Холст, с большим интересом относились к норвежской культуре.

В 1881 году богатый фермер Оле Хуве из Телемарка отдал свое старое жилище с всем интерьером королю. Кристиан Холст устроил и переезд из Телемарка, и повторное возведение в парке Роял Мэнор.

Дом намного крупнее домов обычных фермеров, но все же сохраняет традиционное расположение с тремя комнатами. Дом был построен в 1738

году Оле Олсеном Хуве, который был женат на Тоун Свэнунгсдаттер Хуве. И год постройки, и их инициалы вырезаны в интерьере.

Дом был установлен на небольшом холме в Роял Мэнор (Королевской резиденции) и открыт для посетителей знаменитого парка. Идея размещения небольших зданий и других декоративных объектов в парке была не нова. Так уже поступали в других парках Норвегии и по всей Европе. Но визна идеи состояла в цели подобного перемещения. Дом был перевезен на выставку с тем, чтобы представить этот образец исконной норвежской культуры на центральном месте на всеобщее обозрение, чтобы каждый, кто хотел узнать о строительных традициях, мог изучить здание. Когда здание открывали для публики в 1882 году, подразумевали, что это будет музей. Его посещало подрастающее население Осло, а также учащиеся школ. Таким образом, дом Хуве из Телемарка в Норвегии стал первым домом в первом в мире Музее на открытом воздухе.

Кристиан Холст не считал, что дело закончено после открытия одного дома. Он связался с обществом по сохранению Норвежских древних памятников по поводу Церкви в Гуле в Халингдалле. Церковь была слишком мала для прихожан, так что подлежала сносу. Общество планировало собрать средства для покупки и транспортировки церкви в Христианию и попросило короля найти место для воссоздания Церкви. Король согласился, а когда обществу не удалось собрать достаточно денег, заплатил недостающую сумму.

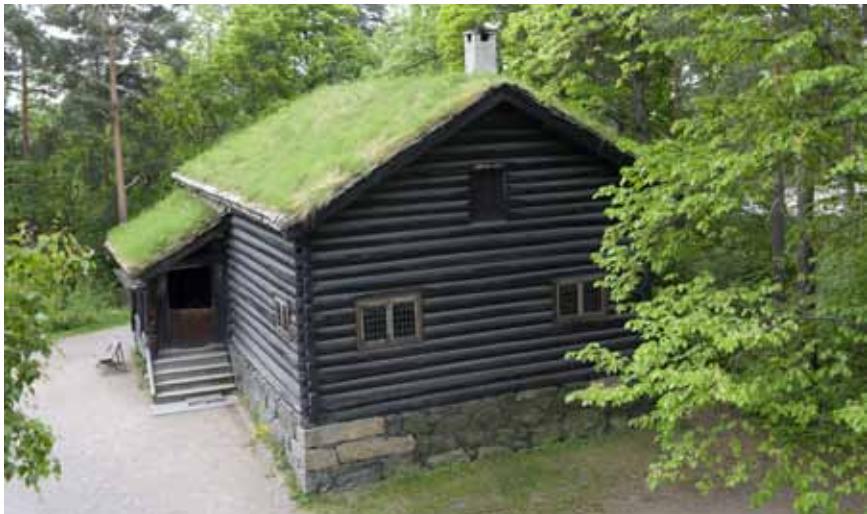

Рисунок 2. Дом Хуве (фото Анне-Лизе Рейнсфельд, норвежский Народный музей)

В результате, ставкирка из Гуля (Gol Stave Church) была размещена рядом с домом Хуве и открыта для публики в 1885 году с целью ознакомления жителей Христиании, а в особенности, археологов и архитекторов с особенностями храмового строительства. Позже, к коллекции были добавлены еще три здания. Средневековый жилой дом (Лофт) Бердала из Телемарка был и считается одним из самых красивых норвежских старинных домов. Он был куплен и перевезен в коллекцию в 1885 году. Внутри была организована выставка редких экспонатов. Среди прочих объектов выделялся также Дом с открытой печью из Сетесдаля.

Первое ознакомление с коллекцией начиналось с вновь возведенных ворот с Выставки «Палас Парка», установленных в музее под открытым небом. Они были спроектированы Хольмом Мунтхе, самым известным архитектором, работающим в стиле так называемого «норвежского дракона». В завершении коллекции, Лофт из средних веков переехал в Королевский парк в 1888 году. Хотя для коллекции сначала предназначались здания,

Рисунок 3. Ставкирка из Гуля (фото Анне-Лизе Рейнсфелд, Норвежский народный музей)

представлявшие норвежское средневековье — только ставкирка (каркасная церковь) и Лофт из Рольстада, были на самом деле построены в этот период.

После распада союза со Швецией в 1905 году интерес к небольшим коллекциям деревянных зданий исчез. Норвежский Народный Музей (Norsk Folkemuseum) уже переехал в близлежащий пункт и перевез свою коллекцию в 1907 году. Сегодня Деревянная Церковь и окружающие её здания являются одной из самых популярных достопримечательностей Норвежского Народного Музея, и предполагается, что от 200000 до 250000 посетителей музея посещают ставкирку.

Новая жизнь музея под открытым небом

Норвежский Народный Музей является одним из самых больших музеев под открытым небом в Европе. Он представляет традиционную архитектуру, характерную для большей части страны, за исключением северных регионов.

Деревенские постройки расположены в соответствии с регионом происхождения, а городские дома собраны по плану городской застройки.

*Рисунок 4. Средневековый жилой дом, Лофт Бердала
(фото из Библиотеки Конгресса)*

Норвежский Народный Музей имеет обширные планы по воссозданию музея на открытом воздухе, и обновление коллекции Оскара II является частью этого плана. Коллекция собиралась в рамках правительственной программы по защите наследия в 2012 году, и все предпринимаемые действия должны были быть согласованы с дирекцией по культурному наследию.

Существует план по восстановлению коллекции в том виде, в каком она существовала во времена Оскара II. Куратор Норвежского Народного Музея Моника Морх изучила документы и архивы для обнаружения полезных фактов об интерьерах, планировке зданий и о строительных деталях. Кроме того, в музее должна быть предусмотрена возможность посещения большим количеством туристов.

Целевые группы

Восстановленная коллекция короля Оскара II будут ориентированы на четко определенные группы:

Краткосрочные посетители

Так как коллекция короля Оскара II очень популярна среди туристов, значительные усилия будут предприняты для приема посетителей, которые приезжают ненадолго. Эти туристы, как правило, приезжают группами и часто останавливаются только для осмотра этой части Норвежского Народного Музея. Их интересует Норвежская культура, а цель Музея – представить им информацию в развлекательной форме. Поскольку они часто

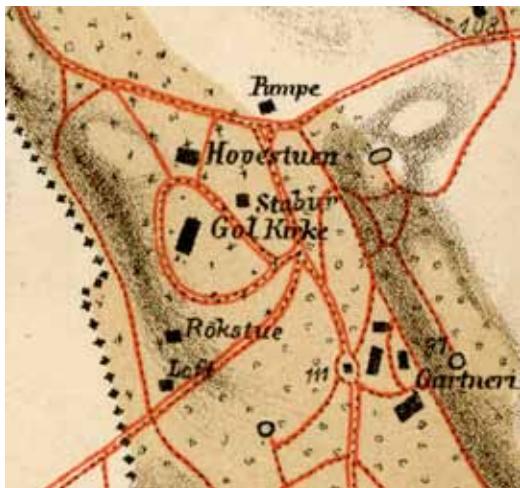

Рисунок 5. Карта Коллекции Оскара II

приезжают на туристических автобусах, планируется оборудовать отдельную остановку на трассе. Они чаще всего прибывают следуя туристическому сезону, так что большинство из них приезжает в летнее время.

Охотники за знаниями

Эта группа имеет большой интерес к архитектуре или истории культуры, и они могут тратить много времени на посещение достопримечательностей. Хорошо образованный персонал готов принять их на протяжении всего лета. Полная информация будет доступна на информационных табло-указателях, а более подробная - доступна на электронных носителях. Охотники за знаниями представляют собой в основном отдельных посетителей, приезжающих в музей на протяжении всего года.

Школьники

Большинство школьников посещают коллекцию короля Оскара II, в группе с гидом, в рамках школьной программы. Средневековые являются частью учебной программы в школе, и многие ученики приходят осмотреть Коллекцию короля Оскара II, чтобы лучше ознакомиться с этим периодом.

Люди с ограниченными физическими возможностями

Доступ в исторические здания для людей с ограниченными возможностями может быть проблематичен. Попасть в здания Коллекции Короля Оскара II, вероятно, будет невозможно без детальных изменений конструкции. Таким образом, основная цель заключается в предоставлении большей информации на улице, а также обеспечении легкодоступности парка.

Открыт круглый год

При планировании реновации принималось во внимание, что Коллекция короля Оскара II работает круглый год. Летом гостей встречает персонал в национальных костюмах. Зимой же выставочные объекты должны говорить сами за себя. Большое значение для информирования посетителей будут иметь система знаков, указателей и цифровых решений. В домах будет освещение, так что интерьеры будут видны даже в темное время суток. Стеклянные двери смогут позволить осмотреть интерьеры даже без прямого доступа в комнаты.

План Действий

Парк

В небольшом парке, где расположены здания, уже начались восстановительные работы. Дорожки проводятся с учетом ситуации начала 20-го века, благодаря фотографиям и отметинам на ландшафте. Уже посажены новые деревья.

У дороги между главным музеем и Коллекцией Оскара II слишком круты подъем, не подходящий для инвалидных колясок, так что обсуждаются

альтернативные решения этого вопроса. Поскольку посещение Коллекции предполагает наплыв посетителей, сервисные объекты (сфера услуг) приобретают жизненно-важное значение. Сегодня в этом районе пока нет автоматов для продажи билетов, туалетов или магазинов. Туалеты должны быть расположены либо в новом, либо в соседнем здании, которое сегодня используется как склад.

Вход через старые ворота в Музей сегодня не используется, группы могут войти через боковой вход. Планируется установить автобусную остановку прямо напротив отреставрированного входа. Портал будет оснащен автоматами самообслуживания по продаже билетов для групп, так что они смогут легко пройти в музей.

Дом Хуве

Дом с фермы Хуве - первый дом Музея на открытом воздухе. Он был передан королю со всем интерьером, и был хорошо оснащен экспонатами с самого начала. В 1880 году интерьеры были дополнены объектами, представляющими Норвежское наследие. Во времена короля Оскара II, дом и интерьер должен был представлять жизнь норвежского фермера. Тем не менее, в доме - намного больше объектов, чем бывает в традиционном норвежском жилье, чтобы все более походило на выставку.

После реконструкции в доме вновь будет инсталлирована эта насыщенная экспозиция в полном масштабе. В 20-м веке количество экспона-

Дом Хуве

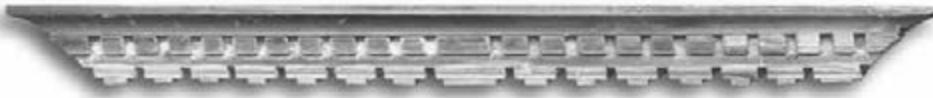
тов в доме было значительно сокращено, для реалистичного отображения норвежского быта. По планам реновации, исходные экспонаты будутозвращены в дом. Это будет сделано для того, чтобы продемонстрировать посетителям, насколько король и его камергер восхищались норвежской культурой, и произвести неизгладимое впечатление. Посетителям будет приятно полюбоваться на обстановку, однако им также будет разъяснено, что в реальности фермеры жили иначе.

Ставкирка из Гуля

Внешний вид деревянной церкви была восстановлен в 2012 году. Управлению по культурному Наследию удалось выполнить колоссальный проект восстановления и спасения всех норвежских деревянных церквей, и Деревянная церковь из Гуля была частью этого проекта. Крыша и гонт были в плохом состоянии и должны были быть заменены. Были отремон-

Реставрация ставкирки из Гуля
(фото Анне-Лизе Рейнсфельд, Норвежский Народный музей)

тированы некоторые части конструкции здания, также была установлена новая система противопожарной защиты. Работа была выполнена сотрудниками музея в сотрудничестве со сторонними организациями.

В период восстановления церковь была покрыта строительными лесами и доступ к ней был ограничен. Были предприняты различные шаги для компенсации ограничения доступа. Возведены платформы и леса, что позволяло посетителям пройти и пронаблюдать за ведением работ по восстановлению и узнать об их ходе от мастеров. Были предложены экскурсии с касками, где гиды рассказывали о ходе восстановления. Кроме того, музей представил выставку норвежских ставкирок и подробную информацию по ним возле церкви.

В времена короля Оскара II церковь славилась некоторыми замечательными деталями. Они еще не восстановлены, однако по плану, интерьеру будет возвращен первоначальный вид. Так как оригинальные детали крайне ценные, на выставке они будут заменены копиями.

Церковь будет выполнять множество различных функций, что необходимо учитывать при планировании. На экспозиции будут представлены такие темы, как норвежское средневековье, история церкви, как и история архитектуры. Помещение церкви также будет использоваться для программ для слушателей, служб и даже венчаний.

Лофт из Бердала

Восстановление Лофта из Бердала вот-вот начнется. Во времена короля Оскара II дом был оснащен окнами в крыше для освещения выставки. Они также будут восстановлены.

План

Открыть восстановленную коллекцию короля Оскара II планируется в 2015 году. Одна из задач — финансирование выставок и эксплуатационных сооружений. Восстановление экстерьера в основном осуществляется мастерами музея. Персонал музея также осуществляет большую часть работы по сохранению музеиных объектов. Тем не менее, такой крупный проект все еще нуждается в значительных вложениях, таким образом, перед Музеем также стоит задача изыскания средств.

Архитектурно-этнографический комплекс «Новая деревня» как современная модель музейной коммуникации и сохранения ландшафта

Валентина Терентьева

Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» (Россия)

Несколько лет назад на территории историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» было воссоздано из нового материала по старым принципам строительства 6 крестьянских усадеб – всего 34 этнографически наполненных объекта – с целью исторического погружения в атмосферу жизни крестьян-сибиряков конца XIX – начала XX вв. с возможностью временного проживания в этих объектах. Основанием для проектирования усадеб явились материалы по исследованию русского народного зодчества районов Приангарья и южной долины Енисея. Архитектурно-этнографический комплекс «Новая деревня» – своеобразный музей-отель, который является современной формой музейной коммуникации и организации ландшафта.

Шушенское вошло в историю как место 3-летней (1897-1900) сибирской ссылки Владимира Ильича Ульянова (Ленина) – политического деятеля мирового масштаба. В 1930 году был открыт Музей В.И. Ленина в доме, где он жил два последних года XIX в. до отъезда из ссылки. Спустя 10 лет музей открыли в доме, где революционер жил первый год ссылки, а в 1970 году, к 100-летию со дня его рождения, на базе этих двух домов был

создан Мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В.И. Ленина» (около 200 построек различного типа на территории 6,6 га). Большая часть домов (17) сохранилась на прежних местах, другие (12) были свезены с соседних улиц и из населённых пунктов района. Заповедник представлял собой исторически сложившуюся часть старинного сибирского села Шушенское и располагался в самом центре современного посёлка с населением около 20 тыс. человек.

В начале 1990-х годов в связи с произошедшими в стране политическими изменениями мы пережили реальную угрозу закрытия музея. В 1993 году на основании новой концепции развития музей был реорганизован в Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». Из откровенно идеологического учреждения он стал трансформироваться в учреждение культуры с разнообразными формами работы. Этому способствовало то обстоятельство, что авторами и создателями проекта были специалисты высокого уровня из Москвы, Ленинграда, Пскова, Новгорода, Горького, Костромы. И создавая образ сибирского села конца XIX в. в качестве фона сибирской ссылки В.И. Ленина, они заложили богатый этнографический материал, отражающий жизнь, быт и занятия сибирских крестьян разной степени достатка. Были представлены и интересные образцы крестьянской жилой архитектуры. Главным архитектором про-

екта стал Борис Васильевич Гнедовский (1914 – 1998), один из ведущих архитекторов-реставраторов, знаток народного деревянного зодчества России. В апреле этого года мы отметили 100-летие со дня его рождения. На этом мероприятии с нами была его ученица О.Г. Севан (Москва).

1990-е годы были сложными для музея. Чтобы выжить в новых условиях, нам пришлось учиться зарабатывать. Появились фольклорный ансамбль, этнографический и кукольный театры, мастерские резьбы и росписи по дереву, по созданию народных костюмов, гончарная мастерская, конюшня, пасека. Вошли в традицию массовые народные праздники-гуляи. Значительный потенциал дальнейшего развития музея и его новых форм работы был заложен в 2008–2011 годах реализацией проекта Министерства культуры Красноярского края «Воссоздание деревянных домов сибирской деревни XIX – начала XX веков для Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское».

На прилегающей к музею территории 3 га были воссозданы из нового материала и по старым принципам строительства аналоги памятников деревянного зодчества с сохранением аутентичных культурных стилей 2-х территорий Красноярского края – южной и северной. Комплекс включает 6 крестьянских усадеб и хозяйственные постройки (столовую, баню, тёплый бокс на 4 автомобиля; игровую площадку, контрольно-пропускной

пункт, гостевой дом, охраняемую автостоянку). Все объекты оснащены современной системой безопасности.

Крестьянские усадьбы, в которых сочетается современный комфорт проживания и возможность погружения в атмосферу крестьянского быта конца XIX – начала XX вв., стали органичным продолжением уже действующего музеиного комплекса. Проживание в крестьянских домах, питание в крестьянской кухне, фольклорно-развлекательные программы, мастер-классы – всё это вызывает живой интерес и восторг наших гостей.

Стало возможным в компактно расположенному музейном комплексе опробовать новую модель музейной коммуникации и представить современный вариант деревянных построек по историческим образцам. Если в традиционном («старом») музее-заповеднике, где подлинные постройки и подлинники в интерьерах, посещение только с экскурсоводом и по принципу «трагать нельзя», то в новом комплексе, состоящем из новоделов, можно работать по принципу «трагать можно».

Организация этой структуры соответствует мировой музейной практике, поскольку фактически является одной из моделей музея-отеля. Опыт подобной работы мы изучали в Германии и Швейцарии. Теперь есть возможность создавать конкретный туристический продукт и выстраивать диалог с туристическим бизнесом. Положительные отклики на реализо-

ванные проекты побуждают нас развивать и совершенствовать новый опыт. Вдохновляет и тот факт, что музею-заповеднику в октябре 2012 года был присвоен статус «Особо ценный объект культурного наследия Красноярского края».

Учитывая, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, представляю короткий фильм о «Новой деревне», приглашаю всех посетить наш музей и, может быть, организовать подобную конференцию в Сибири, в Шушенском!

Использованы фотографии Путинцева В., Моргунова Ю. 2013 – 2014.

ЛИТЕРАТУРА

Музей и новые технологии. / Сост. Н.А. Никишин.- М., 1999.-230 с. (Серия «На пути к музею XXI века»).

Терентьева В.И. История музея в Шушенском: аналитический раздел концепции //Концепция развития государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское». - Шушенское, 1993.- с. 7-18, 49-57.

Терентьева В.И. Шушенское, 1995. // Мир музея.- 1995.- № 1.- с. 8-16.

Терентьева В.И. Сибирский экомузей //Музеи. Маркетинг. Менеджмент:

практическое пособие.- М., 2002. - с. 201-206.

Терентьева В.И. Дальнейшая реализация концепции развития музея-заповедника «Шушенское» (1993-2009 гг.). //Мартыновские краеведческие чтения (2008-2009 гг.): сборник докладов и сообщений. Вып. 6. Минусинск, 2010.- с.70-72.

Добровольская Э.Д. Музей-заповедник «Шушенское»: история создания (1968-1970). Шушенское, 2010. – 61с.

Терентьева В.И. К вопросу о создании новой концепции музея-заповедника «Шушенское». // «Актуальные проблемы и перспективы развития музеев-заповедников России: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию музея-заповедника «Шушенское». - Шушенское, 2012.- с. 31-34.

Терентьева В.И. «Новая деревня» на старый лад. // Музей.- 2014. - №5. - с. 54-57.

Деревянная архитектура в Национальном природном парке Синевир

Юрий Бабичин

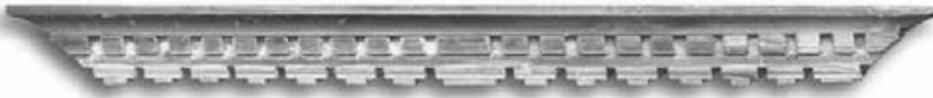
Национальный природный парк «Синевир» (Украина)

Национальный природный парк «Синевир» – природно-заповедное учреждение в Украинских Карпатах, на территории которого сохранились ценные памятки архитектуры XVIII–XIX вв. – деревянные церкви. Здесь также действовал уникальный музей лесосплава (XIX в.), а в селе Колочава функционирует музей под открытым небом «Старое село» и еще ряд историко-краеведческих музеев. Национальный природный парк «Синевир» заботится о сохранении памятников деревянного зодчества, которые являются важной составляющей историко-культурного наследия Закарпатского региона Украины.

Национальный природный парк «Синевир» призван прежде всего заботиться об охране и сохранении природных экосистем, их исследования. Однако, особое внимание уделяется и памятникам историко-культурного наследия, что является важным направлением деятельности природно-заповедного учреждения.

Территория национального природного парка «Синевир» составляет 43 тыс. га. В границах парка находится 5 крупных населенных пунктов, общая численность жителей составляет около 20 тыс. человек. Первые поселения здесь сформировались в начале XV в. Жители горных сел были верующими людьми, поэтому, несмотря на нищету и голод, находили возможность строить деревянные церкви. Древнейшим таким храмом, сохранившимся до сих пор, является Церковь Святого Духа в селе Колочава. Надпись на перекладине этого сооружения свидетельствует, что оно возведено в 1795 году. Это тридельная церковь из двух срубов, совершенная в пропорциях, главные объемы сбалансированы по горизонтали и вертикали. Башня сооружения завершена барочным ансамблем, а это граненая баня с крышей и шаровидные главки, крыша гонтовая.

В период Советского Союза в церкви Святого Духа был создан музей атеизма. С обретением Украиной независимости здесь создана церковь-музей, где экспонируется старый иконостас – ценный памятник сакрального искусства. Старые церковные книги, документы, иконы – все это представлено для осмотра, однако наиболее интересным экспонатом является сама церковь, возраст которой превышает два столетия.

Во дворе храма установлена скульптурная композиция, посвященная памятнику сакрального творчества XVIII века рукописи Ивана Лугоша «Перло драгоценные». Сборник сохранился и состоит из проповедей, написанных в 1746-1747 годах (Малета, Малета, 2009).

Не менее интересной является деревянная церковь святого Михаила в селе Негровец, которая построена в 1818 году на небольшом холме (Национальный..., 2013.). Это сооружение имеет обтесанные бревна срубов, гонтовые крыши, ленту-крыльцо, квадратную башню с аркадой, покрыта четырехскатным шатром, из которого тянется высокий шпиль. Формы храма гармонично сбалансированы. Рядом с церковью сохранилась и деревянная колокольня, которая являет собою двухъярусное каркасное сооружение, и это характерно для большинства деревянных колоколен региона национального природного парка «Синевир».

В наиболее высокогорном селе Украины Синевирской Поляне, находящемся в северной части «Синевира», сохранилась деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, которая датируется 1817 годом, о чем свидетельствует надпись на перекладине. Сооружение находится на высоте около 900 метров над уровнем моря (Удивительный..., 2004). Для храма характерный барочный стиль. В 20-х годах XX века крышу и фасад церкви полностью покрыты жестяным покровом, который спрятал деревянный материал постройки. Возле церкви также сохранилась деревянная двухъярусная колокольня с декоративным куполом.

Описанные три церкви являются памятниками архитектуры. Кроме них в пределах национального природного парка «Синевир» построены еще 6 деревянных церквей, а именно: церковь Святой Троицы, 1928 г. (село Колочава), церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1928 г. (село Ольшана), церковь в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость», 2002 г. (село Колочава), церковь Преображения Господня, 2000 г. (село Свобода), церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1999 г. (село Синевирская Поляна), церковь Петра и Павла, 2013 г. (село Свобода).

Все имеющиеся в пределах национального природного парка «Синевир» деревянные церкви принадлежат религиозным общинам, с которыми национальный парк тесно взаимодействует, в частности содействует в выделении древесины для осуществления необходимых ремонтных работ на данных объектах.

Интересными историко-культурными объектами в пределах национального природного парка «Синевир» были деревянная плотина на Черной Реке и музей лесосплава.

Деревянная плотина построена в XIX века. С помощью этого сооружения тогда должен был решиться вопрос транспортировки древесины с удаленного урочища. Ее заготавливали здесь в больших количествах, форми-

Музей лесосплава до и после наводнения 1998 г.

ровали из нее бокоры (плоты) и сплавляли с Черной Реки в реку Тереблю и до Тисы. Этот тяжелый и рискованный труд лежал на плечах сильных и мужественных горцев. Многие из сплавщиков погибли во время сплава (Байрак и др., 1983).

Это сложное дело, на базе опыта и движения науки вперед, постоянно совершенствовалось. В 50-х годах прошлого века лес с Черной Реки транспортировали еще способом сплава, а позже – лесовозами. Техника облегчила труд людей и окончательно оставила в прошлом такую профессию как бокораш (плотогон).

Поскольку работа, связанная со сплавом леса во многих людей вызывала большой интерес, в уроцище Черная Река на плотине было решено создать музей. В 1973 году этот уникальный гидротехнический объект подробно обследован специалистами, а затем и реставрирован. Позже на плотине приспособлено надстройки, в которых и разместился единственный в Европе музей лесосплава. Данный историко-культурный объект начал свою работу в 1976 году (Байрак, Матола, 1987).

Экспозиция музея состояла из многочисленных экспонатов, среди которых особое внимание привлекали орудия труда, самобытная одежда лесорубов и сплавщиков, макеты бокоров, фотографии людей, которые здесь трудились. Самым крупным и ценным экспонатом была сама плотина, которая, перегородив реку, образовывала водную гладь.

Аномальное наводнение на Черной Рекой в 1998 году унесло с собой две трети помещения музея – надводную его часть. Накануне, сторож и студенты, которые отдыхали на здешний базе, видели, что есть угроза разрушения музея. Они спасли экспонаты, но не удалось спасти главного экспоната – плотину.

Ее длина составляла 80 м, а ширина 5,5 м. Высота 3,5 м и еще 3,5 м заложенного по обе стороны камнями деревянного фундамента в дне реки. Сооружение подпирали две основные опоры, построенные, как и сама

Горное поселение Верхняя Буковинка в НП Синевир

плотина, по принципу сундука – коробки горизонтально выложенных бревен, засыпанных камнями. Водоем, образовавшийся в результате запруды реки, составлял в длину до 2 км, а в ширину около 300 м. Он мог обеспечить одновременный сплав 4 бокоров (Байрак, Матола, 1987).

В 2000 году на средства, выделенные Министерством экологии и природных ресурсов Украины, был осуществлен первый этап восстановительных работ разрушенной части музея и моста, но из-за нехватки средств завершение строительства стало невозможным.

Очередное наводнение в марте 2001 года разрушило и то, что удалось восстановить. Но музей продолжал действовать в помещении наземной, неразрушенной части.

Национальный парк «Синевир» неутомимо отстаивает вопрос воссозданию музея. По подсчетам специалистов, на восстановление объекта требуется около 24 миллионов гривен. Восстановлению подлежат: строительство и укрепление плотины, подведение электро-, водоснабжения, водоотведения. Около трех километров дороги по направлению к музею требует капитального ремонта.

Вопросам восстановления музея лесосплава прониклось Министерство экологии и природных ресурсов Украины, но пока что финансирование на этот проект не выделено.

Скансен. Старое село

Спасенные от наводнения экспонаты сейчас выставлены для обозрения в визит- центре национального природного парка «Синевир». С помощью макетов, фотографий, стендов, оригинальных вещей, которыми пользовались лесорубы и сплавщики, здесь можно ознакомиться с процессом заготовки, сортировки, хранения и транспортировки древесины рекой. Также музей знакомит посетителей с историей и бытом верховинского края.

Целесообразность восстановления плотины на Черной Реке и музея лесосплава обуславливается следующим рядом факторов.

Историко-культурный. Музей всегда был гордостью и славой горцев. Это память о их предках и объект особого уважения к тем людям, которые тяжелой и рискованной работой зарабатывали на хлеб для своих семей в трудные времена. Профессия сплавщиков отошла в прошлое, но не забылась и занимает ведущее место в истории карпатского региона.

Рекреационный и социальный. Интерес к этому заведению со стороны туристов очень большой. Они часто спрашивают о музее и наведываются к тому месту, где он находился. Восстановленный музей лесосплава будет способствовать еще большей активизации рекреации в регионе, а это и новые рабочие места, пополнение бюджета.

Водорегулирующий. Восстановление плотины – это еще и водорегулирующий проект. На горных реках часто встречаются паводки, которые

Церковь Пресвятой Богородицы, Синевирская Поляна

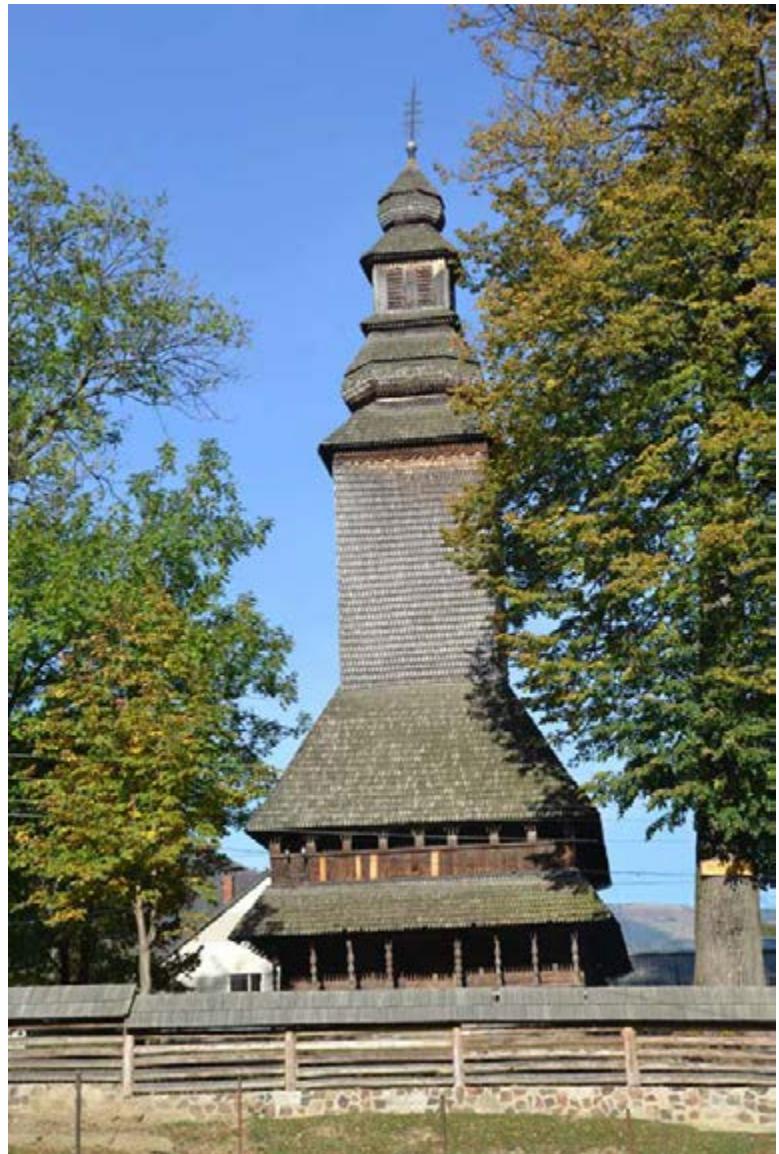

Церковь Святого Михаила, Негровец

могут наносить ущерб природным приречным ландшафтам и местному населению. При наличии плотины на Черной Реке возможным становится регулировать водный поток горной реки во время наводнений, создание польдера.

Одним из самых популярных среди туристов, посещающих национальный природный парк «Синевир», является музей архитектуры и быта под открытым небом «Старое село». На его территории воспроизведено село древней Верховины из аутентичных экспонатов, найденных в селе Колочава, знакомящих с 300-летней историей быта местных жителей (Проблемы и перспективы..., 2014). В музее представлены памятники культуры разных времен и разных слоев населения как по социальному статусу (бедняки, середняки), так и по виду деятельности (овцеводы, лесорубы, плотники, сапожники).

Шагая по каменной дорожке музея, перед глазами встает прошлое горного поселения с его оригинальной деревянной архитектурой и бытом. Дома горцев начала XX века небольшие, построены из круглой древесины, крыши покрыты дранкой. Интерьер поражает прежде всего тем, что в домах того времени не было пола, а лишь глиняный настил. Древние вещи,

Церковь Святого Духа, Колочава

начиная от деревянной посуды, конечно, ручной работы, и заканчивая кроснами, веретенами, т.п. – все это можно увидеть в домиках музея.

Колочава объединяет культуру гуцолов, бойков, лемков, венгров, румын, немцев, евреев, чехов и словаков, о чем также знакомят различные экспонаты, в частности национальная одежда.

«Старое село» находится в окружении живописной природы, с лиственными и хвойными деревьями, а оборог (навес) серого сена, ограждения и каменные дорожки усиливают колорит уникального заведения под открытым небом.

Село Колочава известно в мире как край разбойника Николая Шугая. История верховинского разбойника, изображенного в художественном произведении чешским писателем Иваном Ольбрахтом (псевдоним Камилла Земана) до сих пор восхищает многочисленных читателей. Поэтому в Колочаве создан и действует музей Ивана Ольбрахта.

Здесь немало интересных документов, фотографий, уникальных вещей, которые рассказывают о Иване Ольбрахте, его пребывания в горном селе и т.п.

Итак, в границах национального природного парка «Синевир» сохранились 3 ценные памятники деревянной архитектуры XVIII-XIX вв. – деревянные церкви. Здесь также действовал уникальный музей лесосплава (XIX в.), восстановление которого отстаивает национальный парк. В селе Колочава функционирует музей народной архитектуры и быта «Старое село». НПП «Синевир» заботится о сохранении памятников деревянного зодчества, которые являются важной составляющей историко-культурного наследия Закарпатского региона Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- Байрак Я.М., Иванина И.Д., Матола Д.Е. Музей леса и сплава. – Ужгород: Закарпатье, 1983. – С. 10.
- Байрак Я.М., Матола Д.Е. Музей леса и сплава. – Ужгород: Закарпатье, 1987 . – С. 12 -13.
- Удивительный край легенд. – Ужгород, 2004. – С. 5.
- Кохан В.И., Сенько И.М. Межгорье. – Ужгород: Закарпатье, 1985. – С.23.
- Малета В.Д. , Малета О.В. Родовид верховинской Колочавы. – Мукачево: Карпатская башня, 2009. – С. 53 – 70.
- Национальный природный парк «Синевир». – Харьков, 2013. – С. 19.
- Проблемы и перспективы развития научно-учебного центра «Синевир»: материалы научно-практической конференции (28-29 марта 2014 года, Киев, Украина). – Киев, 2014. – С. 247.

Роль венгерского музея под открытым небом (заповедника) в сохранении народной архитектуры и традиционных народных архитектурных приемов

Арпад Роман

Венгерский музей-заповедник (Венгрия)

В период создания Венгерского музея под открытым небом в 1967 году основной формой сохранения народной архитектуры считалась разборка и перевозка построек в Музей. Опыт сорокалетней работы Музея доказал первостепенную важность сохранения памятников народной архитектуры *in situ*. В настоящее время в Музее готовится экспозиция комплекса, представляющего культурное наследие Трансильвании. В ходе этой работы документируются исчезающие ценные объекты на территориях, исторически населенных венграми, но оказавшихся за пределами современных границ страны.

Музей является национальным центром по сохранению памятников народной архитектуры, включая архив документации. В Музее организовано обучение традиционным строительным приемам. Сотрудники Музея стремятся усилить роль народной архитектуры в деле укрепления и защиты национальной самобытности

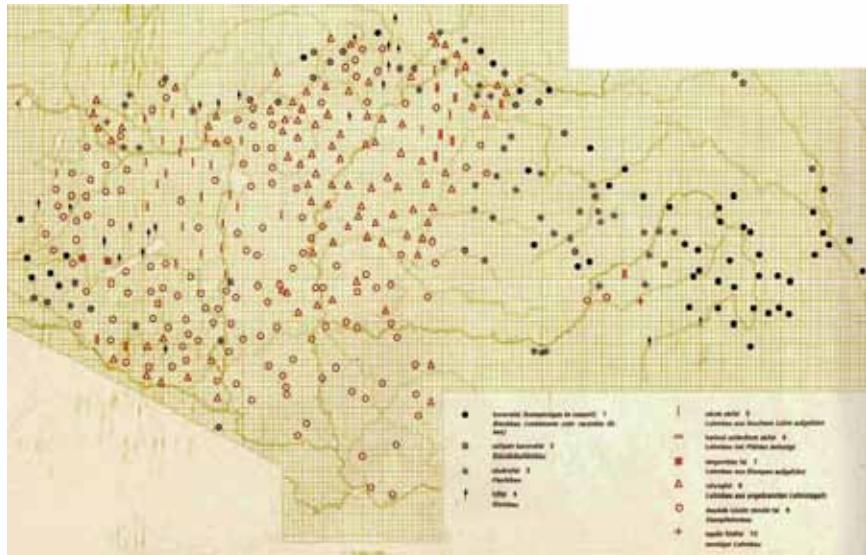
Введение

С момента основания в 1967 году роль Венгерского музея-заповедника в охране памятников народной архитектуры претерпела изменения. Аутентичный музей в то время означал демонтаж и транспортировку строений – именно такой путь развития музеев считался верным. С момента открытия первого регионального объекта подобного рода, на основе местного архитектурного наследия, представления о музее изменились благодаря опыту, полученному за последние 40 лет. На основе опыта строительных работ регионального отделения северо-венгерской деревни мы считаем сохранение памятников *in situ* крайне важным. Наши цели двояки. Сегодня мы работаем над подготовкой выставочного комплекса, представляющего Трансильванское культурное наследие. В ходе подготовки мы документируем исчезающие ценные объекты (вследствие влияния глобализации) исторически населенных венграми территорий за пределами границ Венгрии и сохраняем их посредством демонтажа. В то же время мы стремимся усилить роль народной архитектуры в деле укрепления и защиты национальной самобытности.

Строительные материалы в народной архитектуре

Чтобы лучше понять венгерскую народную архитектуру, нам необходимо ближе познакомиться с традициями использования и распространения строительных материалов. В Венгрии, вплоть до конца 150-летней турецкой оккупации (1541-1686), основным строительным материалом была древесина. После нее, вследствие перестройки поселений и развития промышленности, пропорция лесных массивов значительно сократилась как в данной области, занятой турками, так и в соседних с нею районах; таким образом, страна была разделена на три части.

Такая характерная черта народной архитектуры, как использование деревнями материалов, распространенных в окрестностях, постепенно изменяется. Следует упомянуть о лесосплаве, что означает транспортировку дерева в огромных объемах из областей Карпатского бассейна, богатого сосной, по водным путям к лесопилкам, расположенным в устье Тисы и ее притоков. Лесосплав интересен с точки зрения транспортировки не только стволов, но и готовой продукции, как, например, гонта посредством водных путей в районы Великих долин, бедных лесом. Таким образом, становится яснее, почему характерные декорированные сосновые фронтоны столь распространены в районе южных Великих долин, по соседству с

Стеновые материалы и строительные технологии

Сегедом. По моему мнению, в деле осознанной охраны лесных массивов значительным этапом стал 17-ый век. В 1735 году в Банска-Штявнице была основана Горная академия. Это было значительным событием, поскольку в горных разработках использовалось огромное количество высококачественной древесины, тем самым развитие горной промышленности привело к сокращению лесных массивов в окружающих горнопромышленные города районах. Лесоведение вначале преподавалось в Горной академии, до 1808, когда были открыты независимые курсы лесоведения. В целях предотвращения истощения лесных массивов в 1769 году лесозаготовки должны были вестись с разрешения контролирующей национальное лесное хозяйство инстанции. Спустя три года, помимо уже существующих местных правил ведения рубки леса, Мария-Тереза в 1772 году расширила запрет на лесозаготовки по всей стране и постановила использовать деревянно-каркасные, каменные и другие прочные конструкции при строительстве домов. Естественно, деревянно-каркасные конструкции были известны венгерской народной архитектуре и прежде. Хозяйственные постройки все еще строились из дерева и местное законодательство о старинных постройках заботилось о сохранении рубленых конструкций.

90% всей территории Венгрии характерны определенные формы земляной архитектуры. Это обусловлено географическими особенностями Карпатского бассейна. Альпы служат естественной преградой рекам, те-

Стена глинобитной постройки

кущим с Карпатских территорий, которые приносят и оставляют ценные наносные земли в низменностях. Так было еще до регулирования русел рек, когда регулярные паводки питали земли. Регуляция речного русла было призвана освободить больше земель для культивирования посредством укрепления изгибов реки; тем самым, поскольку паводки контролировались уже быстрее, развитие традиционного земледелия в подтопляемых территориях затормозилось. Типичные для данных мест глиняные постройки многообразны: это могли быть утрамбованные мазанки или же саманные или глинобитные постройки.

Разумеется, подобные техники сосуществовали с деревянно-каркасными постройками и также могли использоваться в качестве заполняющих элементов данных построек.

Роль венгерского музея-заповедника в деле защиты памятников народной архитектуры

С момента основания Ассоциации охраняемых объектов наследия «In Situ» в 2001 году наш Музей оказывает ей поддержку и принимает несколько мероприятий Ассоциации. Почему я считаю Ассоциацию крайне важной? Поскольку местное сообщество крайне нуждается в создании объектов охраняемого культурного наследия и находится в поиске постро-

Содействие в реставрационных работах (M. Buzas 2013)

ек, выбор которых поддерживается Музеем. В этом процессе участвуют и местные жители, а значит, налаживается крайне важное гражданское сотрудничество. При этом местное сообщество обогащается различными культурными программами, его жизнь становится более насыщенной, защищенной, а идентичность укрепляется.

Мы оказываем помощь в отборе наиболее ценных построек с учетом архитектурных традиций той или иной области, а также, при необходимости, участвуем в реставрационных работах, предоставляя профессиональные консультации. Данные работы ведутся при поддержке нескольких институтских архивов. Мы также можем оказывать поддержку, делясь нашим профессиональным опытом в деле сохранения архитектурных объектов, даже включая обустройство современных удобств и функций зданий, благодаря нашему опыту обустройства музеев.

Люди также ищут профессиональной рекомендации, которая бы помогла при реставрационных работах старинных построек. Мы не проводим, собственно, строительных работ, но основываясь на наших знаниях о конструкциях и материалах построек мы можем совместным образом прийти к наилучшему решению, оптимальному как с точки зрения строительства, так и экономических вопросов. Наша мастерская осуществляет данную работу в свое обычное рабочее время; единственная требуемая оплата – это оплата за дорожные расходы.

Музей как центр сбора и хранения данных

С момента принятия закона 1949 года, первого закона, согласно которому памятники народной архитектуры стали подлежать охране, охрана памятников народной архитектуры стала осуществляться планомерно. Однако, интерес к народной архитектуре появился раньше; начиная с конца 19-го века, обращение к народной архитектуре и поиски ценных объектов стали осознанным процессом. Отбор построек для выставки Тысячелетия деревни в 1896 году, проводившейся в празднование тысячелетия создания Венгерского королевства, был связан с Яношем Янко. Именно он представлял отобранные постройки на рассмотрение руководящей инстанции. На обозрение на выставке были представлены образцы венгерской народной архитектуры и искусства на основе 28 отобранных построек. Данная эпоха явилась поворотным моментом в поддержке народного искусства.

Дежо Малонъяй задокументировал и опубликовал работу о жизни венгерской деревни на рубеже 19-20 веков в форме книги, при этом ему помогали как сборщики информации, так и рисовальщики изучаемых объектов. Рубеж веков – это эпоха, когда молодые архитекторы, такие как Кароли Кос (Károly Kys) и Группа молодых, или как Эде Торочкай Виганд использовали

формы, проектные решения и мотивы народной архитектуры в городской, высотной (?) архитектуре. Следует также упомянуть о профессоре Ласло Варга, посещавшего Венгрию в довоенные годы и создавшего коллекцию этюдов и обмеров построек: не только жилых зданий, но и хозяйственных построек. Его труды стали весомым вкладом в архивы Венгерского музея-заповедника. Согласно оригинальной концепции, наше учреждение представляет народную архитектуру страны, а также особенности внутреннего убранства ее построек на примере 10 выставочных объектов, всего приблизительно 350 зданий. Обмеры и планы этих построек находятся в наших архивах. У нас также имеется аналогичная коллекция, включающая обмеры построек подобного же типа. Она включает почти 4000 планов и постоянно пополняется.

В 2005 году наши архивы были оцифрованы; была оцифрована коллекция документов о постройках и старая фотоколлекция (около 75 000 фотографий), также доступная в Интернете. База данных в интернете – низкого разрешения – помечена логотипом нашего учреждения.

Данные архивов общедоступны – для учреждений, исследователей и самой широкой публики. Однако для исследований требуется разрешение, в котором оговариваются бы условия исследования, цели и дальнейшее использование его результатов.

Обучение традиционным строительным приемам

Из опыта нашего музея мы знаем, что посетители с радостью приобщаются к видам активности, осуществляющейся нами на основе музея. Таким образом, мы делаем их посещение интерактивным, более того, превращаем их в участников; они глубже погружаются в представленную тематику во время визита. Чаще всего они спрашивают, что им делать со своими старыми домами, и, скорее реже, задают вопросы о том, как они сами могут отреставрировать здание или усовершенствовать (модернизировать) его.

Наше обучение проходит на нескольких уровнях и проходит в различных целевых группах. Дети могут познакомиться с хозяйственными работами в рамках образовательных программ музея. Мы проводим занятие, посвященное глинобитным домам и предназначенное для старших классов учащихся начальной школы, в рамках которого мы рассказываем и о народной архитектуре. Оно длится 90 минут. В первой части программы мы обходим Западный Задунайский региональный комплекс, в котором представлена деревянная архитектура; здесь студенты могут познакомиться с конструкцией и материалами – от фундамента до кровли. Во второй части программы учащиеся могут попробовать сооружать сруб, приготовить кирпич-сырец и попытаться заняться штукатурными работами.

Каждое лето мы организуем летний лагерь для учащихся строительно-ремесленных училищ, в рамках которого учащиеся могут заниматься ремонтными работами в течение недели. Они ремонтируют штукатурку, белят стены, поправляют изгороди; кроме того, уже имеется опыт и по ремонту соломенных крыш.

Так, в рамках программы Евросоюза «Леонардо да Винчи» к нам на три года приезжали учащиеся из Эстонии. Они проводили месяц в Музее и участвовали в строительных работах нашего учреждения. Программа обучения взаимовыгодна, поскольку за рубежом учащиеся выполняют определенные работы, полезные для нашего учреждения. В основном они занимались штукатурными работами, ремонтом отделки, побелкой или реставрацией соломенных крыш. В этом году мы провели неделю в Трансильвании, где был проведен демонтаж и транспортировка амбара на территорию Музея.

К нам также приезжают студенты университета в рамках программы ERASMUS. Такие приглашенные студенты отделения ландшафтного дизайна факультета садоводства Будапештского Университета Корвина. У нас есть различные предметы, разработанные совместно с учителями университета, таким образом, мы организовали курсы по глинобитной архитектуре, а также по конструкциям из растительного сырья.

Курсы печного дела (Роман, 2013)

Ежегодно проводится обучение и взрослых. Оно платное и начинается (проводится) в зависимости от числа записавшихся. В результате у нас есть несколько курсов по изготовлению печей, а также изгородей из природных материалов. В первый день трехдневной программы обучения для участников проводится теоретическое введение в тему, а затем, при помощи наших специалистов, под руководством инженера они учатся избранному предмету и на практике.

Охрана народной архитектуры и традиционной культуры крайне важна, а их значение осознается во все большем числе поселений, все большим количеством людей и общин. Таким образом, есть надежда на устойчивое развитие.

Экспозиции под открытым небом – феномен восприятия культурного наследия в краеведческих музеях под открытым небом

Радослав ВЛК

Валашский музей под открытым небом в Рожнове под Радгоштем (Чехия)

Эта статья посвящена проблематике реализации и презентации исторического края с использованием живых биологических коллекций в музеях под открытым небом. В более широком контексте работа описывает основы и принципы разработки проекта, целью которых является реализация агроэкспозиции, непосредственно связанной с искусственно созданным историческим краем. В рамках междисциплинарных музеологических, этнографических, сельскохозяйственных и архитектурных взаимосвязей, работа содержит базовый обзор типов зеленых насаждений (растительного материала), который при создании и реализации исторического края во взаимосвязи с урбанизмом всего комплекса должен использоваться не только в музеях под открытым небом.

Музей под открытым небом является живым организмом... в котором проводятся народные празднества и представляются обычаи, где весь попросту унаследованный от предков... уклад жизни постоянно сохраняется, и где сконцентрировано все то, что способно восстановить стирающийся образ сельской жизни.

Богумир Яронек (*Bohumr JARONEK*)

Позвольте мне этими словами одного из основателей Валашского краеведческого музея Богумира Яронька пригласить вас в самобытный регион Чехии, в котором находится один из самых крупных краеведческих музеев Центральной Европы.

Для того чтобы понять закономерности, принципы и идеи организации экспозиций под открытым небом, важно подробно изучить территориальные и исторические реалии того края, который вы хотите представлять в ходе работы экспозиции. Поэтому, в качестве введения, я хотел бы сделать несколько примечаний, касающихся региона валашских гор Бескиды (*Beskydy*), который 8 веков назад стал новой родиной самобытного народа Валахии – валахов.

Бескиды – край перемен

Обживание горного района Бескиды началось в XIII-XIV веках, однако сначала это коснулось только предгорий и самых низменных частей долин. В самих горах первые люди поселились примерно в конце IV- начале XVI века, когда началась постепенная вырубка горных склонов. С изменением стиля хозяйствования в XIX веке ситуация снова поменялась, и с тех пор площадь лесов постоянно увеличивается.

Позднее заселение

Дворянство сначала полностью поддерживало колонизацию горных районов, так как увеличение заселенности, наконец, способствовало более широкому хозяйственному использованию крупных площадей. С последующим развитием мануфактуры и промышленности связано разительное изменение региона Бескиды за последние 500 лет. Обширный непроходимый лес превратился в пастбища и луга, однако сегодня здесь снова преобладают леса.

Валашская колонизация

- повлияла, главным образом, на способ ведения хозяйства;
- способствовала использованию земель, прежде всего, под пастбища;
- в основном охватила горные хребты и труднодоступные склоны;
- в ретроспективе воспринимается, скорее, как «разновидность предпринимательства» в наших Бескидах, чем колонизация в прямом смысле слова.

Приисковая колонизация

- повлияла на вид поселения;
- способствовала использованию земель, прежде всего, под поля, луга, пастбища и постройку домов;
- в основном охватила легкодоступные места.

Эволюция заселения

На графике показана эволюция заселения на территории девяти деревень в долине реки Всетинская Бечва (Vsetinské Bečva) в течение 250 лет. Во второй половине XVIII века население здесь увеличилось примерно в четыре раза за 30 лет! Закономерно произошло заметное и очень быстрое изменение ландшафта. (Интересно, что в то же время возникло очень мало домов. Таким образом, люди должны были здесь жить временно.) Эта область, по сравнению с окрестными регионами, была заселена сравнительно поздно, и быстрого роста населения в Бескидах никогда не наблюдалось.

Бескиды – край перемен

Исторические фотографии дают нам представление о том, что бескидский ландшафт представлял собой пеструю мозаику небольших полей, лугов, пастбищ и лесов от начала заселения вплоть до XX века. Однако еще

до этого произошли изменения прав собственности, связанные с делением земель, отходом от скотоводства и подсечно-огневого земледелия, модификацией сельскохозяйственных культур и многими другими изменениями в сельском хозяйстве. Все это говорит о том, что ландшафт менялся довольно часто, а иногда весьма радикально, и мы можем только догадываться о том, как он выглядел в отдельные периоды.

Изменение структуры

Вид на долину реки Рожновская Бечва (Roznovská Bečva) в 1937 году и сейчас. Мы можем наблюдать развитие сети дорог, возникновение крупного сельскохозяйственного комплекса и расширение лесных площадей (в основном в нижней части русла). Наиболее очевидным изменением типа местности в XX веке является общее изменение структуры ландшафта.

Разбросанные дома

Типичным для региона Бескиды было неравномерное заселение. На открытом пространстве тогда было больше домов, чем сейчас. Многие дома исчезли, и много находится посреди леса в малых анклавах, которые когда-то были обширными лугами и пастбищами.

Край «уничиженных» деревьев

Ежегодно ветви липы, ясени или клена обрезали и сушили на зиму для скота. Поэтому возник типичный образ деревьев, расположенных у строений и на свободном пространстве, который иногда можно увидеть и сегодня.

Одни камни

Груды камней или длинные каменные валы, сейчас заросшие лесом, являются очевидным доказательством первоначального крупного сельского хозяйства.

Хозяйствование

Изменения в ведении хозяйства оказали огромное влияние на то, как сегодня выглядит бескидский регион. Разумеется, на этот край оказывало влияние хозяйствование его обывателей, однако самое большое влияние оказали хозяйствственные планы дворянства. Поместья поддерживали заселение приисков и шалашное скотоводство только до тех пор, пока не стало выгоднее вести лесное хозяйство.

Шалашное скотоводство – карпатский феномен

Шалашное скотоводство представляет собой особый способ разведения овец и коз, при котором стада в течение всего летнего периода находятся на горных пастбищах. Самого крупного размаха шалашное скотоводство достигло в XVIII веке. После этого оно начало приходить в упадок, и уже в XIX веке в Бескидах разводилось больше коров, чем овец.

Сегодня мы часто говорим о том, как люди в прошлом вели хозяйство в гармонии с природой. Однако при этом шалашное скотоводство сопрово-

ждалось вырубкой большого количества деревьев и способствовало усилению эрозии почвы. Сегодня с точки зрения охраны природы нечто подобное воспринималось бы как экологическая катастрофа.

Бескиды

Во многих довоенных путеводителях можно прочитать, что название Безкиды (тогда еще так писалось), означает горы «без кида», которое по-видимому означает «без леса». Сегодня эксперты считают, что название, вероятно, использовалось в смысле «горный водораздел», «седловина» или в более широком смысле – «горный». Это слово очень старое, заимствованное, вероятно, на Балканах и широко распространенное во всех Карпатах.

Необычные названия

Горы и холмы в Бескидах часто имеют имена, которые в других местах Моравии вы не услышите. Встретиться с ними можно в Словакии, Польше и Румынии, но только в тех областях, где было развито шалашное скотоводство.

Жители гор по названию определяли, например, какую форму имеет гора, если на ней есть лес или пастбища.

- Кичера – крутой холм, который на вершине полностью или частично покрыт лесом
- Грунь – протяженный горный хребет, который ответвляется от главного хребта
- Прислоп – седловина между двумя вершинами или между главным и боковым хребтом
- Грапа – ущелье или крутой склон с промоинами.

Другое владение – другой край

Границы первоначальных владений, нанесенные на карты современных лесных площадей, ясно показывают, какое влияние оказало на край экономическое развитие отдельных владений (позже поместий). Разница между северной лесистой и менее покрытой лесом южной частью Бескидов стала проявляться уже с началом промышленной революции.

Сельское хозяйство

Несмотря на постепенное восстановление лесных массивов, население было больше всего занято в сельском хозяйстве вплоть до середины XX века. Большая часть полей была занята зерновыми, но из-за низкого плодородия почвы зерно все еще должно было завозиться из чешской Ханы или из Верхней Венгрии (ныне Словакия).

Путь дерева

С развитием промышленности росла и цена дерева, но не хватало дорог, по которым можно было бы спустить дерево с гор. Поэтому для транспортировки дерева использовалось множество рек и водных потоков. Своз

древесины на санях был самым простым способом доставки древесины в долину к реке.

Начало промышленности

Стеклоделие было первой отраслью промышленности, которая сумела использовать обширные бескидские леса. Вскоре к нему присоединились и небольшие металлургические предприятия – хамры. Однако максимального развития черная металлургия достигла лишь в XIX веке, в те времена промышленное потребление древесины Бескидов достигло своего пика. На металлургический завод в городе Фридлант-над-Остравицей (см. фото) направлялась древесина из лесов владения Хуквалды.

Возможности сохранения исторического облика края и его значение для экспозиций под открытым небом

Концепция современного музея под открытым небом, которая основана на стремлении комплексного описания исторического образа жизни, не должна пренебрегать такими составляющими, как растительность, во всех ее формах и функциях.

Если быть последовательным, то теоретическая экспозиционная модель создаваемого музея (можно сказать, вновь выстраиваемого или постоянно достраивающегося музея) должна содержать всю имеющуюся информацию и разработки по практической реализации всей зеленой зоны планируемой экспозиции. Эти разработки должны быть полностью сопоставимы с документацией и проектом готовности отдельных объектов экспозиции. К сожалению, в настоящее время в большинстве случаев это осуществляется совсем не по принятым правилам, что наносит ущерб всему вновь возникающему «музейному делу».

Не только в Чешской Республике, но, осмелюсь сказать, и в других странах европейского континента кадровая ситуация является схожей. Большинство институтов наследия сильно недооценивается именно в кадровых вопросах, касающихся специалистов, занимающихся историческим развитием края и его использованием в экспозициях под открытым небом.

Важно понять, что подготовка проекта, в котором предусматривается озеленение экспозиции, включая планируемые агроэкспозиции, имеет свои закономерности, детерминанты и особенности, о которых зачастую этнограф, историк, музеолог, но также и защитник природы, администрация парка, архитектор или строитель не имеют даже понятия. Их усилия, вызванные искренним желанием охватить и презентовать максимум артефактов с точки зрения зеленых зон, бывают, как правило, сильно ограничены. После открытия экспозиции всем посетителям, любителям, да и профессионалам преподносится экспертный результат «фабулизированного» характера при помощи неправильной интерпретации.

При создании и возведении экспозиций под открытым небом очень важным является **выбор площадки** – т.е. выбор наиболее подходящего участка для строительства и показа. Не говоря уже об утверждении планов, о вопросах прав собственности, законе о государственных заказах, официальных решениях Института национального наследия, управления по делам строительства, департамента пожарной охраны, и т.д.

Но вот уже выделены площади, на которых мы будем строить. У нас есть этнографы, музеологи и историки, которые подготовят «либретто» и последующий сценарий экспозиции под открытым небом. У нас есть инженеры-строители и архитекторы, которые знают, что и как строить не только быстро и дешево, но главное правильно.

Мы имеем в своих рядах специалистов, которые перед началом строительства определят и отстоят принципы, которыми необходимо руководствоваться, чтобы мы, прежде всего, не уничтожили биологический потенциал комплекса или края или чтобы мы этот край в рамках модели экспозиции смогли снова реконструировать или создать таким образом, чтобы новая экспозиция под открытым небом соответствовала всем историческим реалиям на исконном месте.

На так называемых идеологических конференциях, которые Валашский краеведческий музей назвал *Agricultura Carpatica* (в 70-е годы прошлого века), было подчеркнуто, что музеи под открытым небом являются очень специфичными экспозициями, размещенными в первозданной природе. Но уже при первых строительных работах, зачастую необдуманных, эта природа перестает быть свободной и начинает поддаваться воздействию и влиянию человеческой деятельности. Именно в этот момент необходимо принимать во внимание защиту и целесообразность вмешательства на выделенных землях и охранных зонах. Здесь необходимо отметить, что иногда интенсивной строительной деятельностью мы разрушаем гораздо больше ценностей, чем сохраняем. **Этими ценностями являются специфические особенности края и его культурно-историческое наследие**, и не только в краеведческих музеях, но и в природных парках, охранных зонах и заповедниках в целом.

Традиционные примеры известны не только в Чехии, но и в Словакии, где в последние годы перестало уделяться внимание презентации культурных и исторических краев в контексте взаимодействия между этнографией, архитектурой и агрокультурой.

Объясним на примере. Построим объект, спешим, выполняем план, израсходуем выделенные финансы, возможно даже, получим поощрение или, в лучшем случае, награду. Тем не менее при проведении строительной деятельности мы уничтожим окружающую среду строительными механизмами. Области, которые были после длительного рассмотрения

и обсуждения выбраны именно потому, что они лучше всего удовлетворяют размещению данного объекта на исконном месте. На таком месте, которое учитывает близлежащую природу – пейзаж – окружающую среду (межи, террасы, овраги, традиционные зеленые насаждения, и т.д.). Но именно эта чрезмерная, спешная и несогласованная строительная деятельность разрушает естественную и сознательно выбранную модель экспозиции.

Фактически, мы изменили общий характер края, который больше не соответствует первоначальному замыслу. К сожалению, без указанных природных элементов объект не может обойтись. Что делать? Например, разрушенную террасу мы создадим снова – реконструируем ее при помощи завоза нового грунта. Ущерб устранен? Нет! Мы добавили себе работы, и так добавляем ее часто, потому что ближайшие осадки, возможно через год, террасу или межу смоют, в лучшем случае только частично ее разрушит водной эрозией. Что же делать? Необходимо придумать способ ее защиты, например, усилением при помощи бетонных креплений. Это, в конце концов, самый естественный способ. Или же дренажом, или посадкой деревьев и кустарников. Тем не менее, они не подходят для террасы, потому что на ней должна остаться площадка, которая уже отражена в полевых исследованиях. Эти и дальнейшие работы бы отпали, если бы при строительстве здания/объекта/двора работы сбалансированно координировались не только в пользу недавно построенной экспозиции под открытым небом, но и в пользу сохранения оригинального культурного края – исторического образа, а также отражения концепции о сосуществовании человека и природы, которая сегодня часто поддается в угоду абсурдным экономико-эксплуатационным интересам, да и не только в экспозициях под открытым небом.

Этим примером я не хочу никого упрекать лично или указывать на ошибки и упущения. Я просто хочу подчеркнуть свое мнение, что именно самое большое биологическое значение для музея или экспозиции под открытым небом имеют исконные растительные насаждения и конфигурация ландшафта в правильно выбранном комплексе. При создании музея под открытым небом или только одной единственной экспозиции под открытым небом мы должны воспринять этот факт всерьез, потому что рука человека не может создать растительно-почвенную систему, но может ее безвозвратно уничтожить.

Я хочу вернуться к теме возможности сохранения исторического края в музеях и экспозициях под открытым небом. В рамках организационной структуры этих учреждений оправдала себя прежде всего всесторонняя координация профессиональной деятельности и междисциплинарных связей между различными отделами данной организации. Например, в

таких учреждениях: Музей народной архитектуры и быта Высочина – Веселый холм (vysocina – Veselé kopce) (CZ), Музей под открытым небом Зуберец (Zuberec) (SK), Валашский музей под открытым небом в Рожнове-под-Радгоштем (CZ), и многие другие. Мы не должны также забывать о посетителе, который должен иметь такое ощущение, что он находится в культурном центре, но не только в природе. Состояние и атмосфера музея частично изменили первоначальную местность, но они должны были бы ее изменить к лучшему и обогатить новой биологической ценностью. Они должны быть выражены, прежде всего, в застроенной части объектов, например, в садах, цветах на окнах, фруктовых деревьях (исходных сортов), полевых культурах (исходных видов) и, наконец, сельскохозяйственных животных – птицах, лошадях, коровах, овцах, козах, свиньях.

На территории Чешской Республики в экспозициях под открытым небом мы встречаемся на практике со следующими ситуациями:

- 1 - территории с исконной растительностью;
- 2 - искусственно выращиваемые зеленые насаждения, создающие характер сельской местности (с учетом документации о первоначальной ситуации на данной территории):
 - а) у отдельных объектов и поселений: фруктовые деревья, природная зелень, овощи, декоративные, ароматические и лекарственные растения;
 - б) комплексные решения целых групп объектов согласно документации о первоначальной среде обитания;
- 3 - зеленый покров: это не только деревья, кустарники, но и травяной покров, искусственно выращиваемые на участках между отдельными комплексами зданий для создания оптического эффекта покрытия или разделения. Их структура соответствует видам, встречающимся свободно распространяющимися в тех областях, которые данная экспозиция представляет;
- 4 - агрокультурная экспозиция: специальные экспозиции, направленные на данную сельскохозяйственную деятельность, например, садоводство, животноводство, пчеловодство, виноградарство, огородничество и т.д.

Концепции экспозиций под открытым небом

Валашский краеведческий музей под открытым небом уже много лет оказывает методическую помощь организациям, занимающимся культурным наследием в Чешской Республике, которые свою деятельность посвящают интерпретации народной архитектуры и быта в более широких формах передачи материальной и нематериальной культуры. Одним из направлений помощи Методического центра для музеев под открытым небом при Валашском краеведческом музее, является содействие в области интерпретации исконных культурно-исторических традиций края именно на отдельных экспозициях под открытым небом.

Из содержания понятия музея под открытым небом и его предназначения вытекает и характер экспозиций под открытым небом. Их целью является, прежде всего, реконструкция исторической среды обитания, явления очень сложного с точки зрения входящих компонентов и их структур. Эта проблематика требует системного подхода к познавательной и творческой составляющей этой специальной, не только теоретической, но и практической деятельности. Необходимо понять, что любая экспозиция под открытым небом объективно воспринимается, как модель реальности (прошлой реальности). Роль не только музея под открытым небом, но и других учреждений культурного наследия, которые занимаются сохранением материальных и нематериальных культурных ценностей, заключается в создании такой модели экспозиции, которая бы несуществующую реальность – модель – представляла правдиво. С моделью никогда невозможно отождествиться. Подобие действительности зависит прежде всего от уровня и широты общей направленности актуальных исследований и познаний.

Принципы создания экспозиции под открытым небом:

1. Экспозиция под открытым небом является моделью, интерпретирующей историческую среду.
 2. Теоретико-методологической основой служит исторический материализм, как общая модель социального развития.
 3. Конкретную историческую модель, определяемую местом и временем, исходя из теории (пункт 2) необходимо разработать сначала до уровня теоретической модели (историко-архитектурно-этнографические исследования)
 4. При создании модели экспозиции необходимо из вариантов теоретической модели выбрать такие, которые будут представлять собой соответствующий феномен в его самых многочисленных и, с точки зрения общей модели, наиболее значимых конкретных проявлениях (состоящих из одной или более линий развития, которые отражают частоту проявлений).
 5. Если модель экспозиции рассматривает научную реконструкцию исторической среды, необходимо моделировать социально-экономические части – единицы – как системы, начиная с самых широких (например, феодальные владения – округи рыночных центров – община – усадьба – и т.д.)
 6. Если нельзя точно воспроизвести копию исторической среды, необходимо сохранить индивидуальные определяющие особенности моделируемого блока в оригинальных размерах, но на уменьшенной площади с сохранением пространственной соразмерности.
 7. При создании модели экспозиции во всех ее формах необходимо соответствовать принципам создания копий и научных реконструкций.
 8. Модель экспозиции не должна отклоняться от теоретической модели по отношению к общей модели социального развития.
-

9. Модель экспозиции не должна представлять явление в исключительно крайнем положении теоретической модели или быть усредненным типом явления, наоборот, она должна быть действительно возможным проявлением теоретической модели, задокументированной в данном месте.

10. Принципы модели экспозиции применимы не только ко всему комплексу, включая биологические компоненты и взаимоотношение его составляющих, но и к решению отдельных интерьеров объектов экспозиции.

Использование коллекций биологического характера при планировании экспозиций под открытым небом

1. В экспозиционных комплексах под открытым небом более чем необходимо использовать только те биологические элементы, которые будут служить в качестве основного компонента воссозданной исторической среды проживания на основе теоретических исследований (теоретической модели). Биологические элементы призваны служить не только в качестве мест жизнедеятельности или других экологических типов сообщества, но и как отдельные таксоны.

2. Отдельные биологические компоненты, происхождение которых документально связано с историческим развитием моделируемой среды, создают локальные формы – экотипы – и таким образом формируют самую ценную часть генофонда окружающей среды. Их можно по праву считать коллекционными предметами экспозиции под открытым небом. Остальные биологические элементы считаются вспомогательными.

3. Одной из основных задач музеев под открытым небом является также создание своей собственной коллекции биологических элементов в соответствии с предназначением музея. Наряду с этим основной упор делается на создание условий для воспроизведения и сохранение соответствующих таксонов в отдельных музеях под открытым небом

Выбор основных терминов, используемых в рамках деятельности Методического центра музеев под открытым небом

1. Элемент ландшафта - формирование, созданное природой или руками человека сознательно, но без эстетического восприятия и намерения, или как случайный элемент, или хозяйственная необходимость. Ландшафтный элемент завершает модель экспозиции, характерную для исторической обстановки. Например, межи, кучи (груды камней), полевая дорога, естественные водотоки.

2. Растительность

а) наружная (окружающая музейный комплекс и создающая естественную основу экспозиции или ненасильственный переход в окружающую местность);

б) зеленый покров (визуально разделяющий экспозицию на отдельные части, сочетающийся с характером местной растительности, но не обязательно зависящий от зелени исходной);

с) аутентичная – реконструкция биотопа вокруг объекта экспозиции или группы хозяйственных объектов, включая низкую и высокую растительность, выращиваемую в естественных условиях, но обязательно в соответствии с критериями, данными почвой и климатическими условиями, мелкую лекарственную и декоративную растительность (палисадники, цветочные горшки и т.д.) и агрокультурной экспозиции - регулярно культивируемые воспроизведенные декоративные и технические культуры на специальных полях и в огородах;

д) дополнительная – растительность, заполняющая некоторые части комплекса, предназначенные, например, для отдыха, освежения и т.д. Сюда входят газоны, зеленые насаждения, декоративная зелень.

При помощи указанной проблематики, принципов, основ и некоторых недостатков я чуть приоткрыл мнимые двери профессиональной деятельности, которая должна снова стать равноправным партнером при создании экспозиций под открытым небом, связанных с интерпретацией культурного и исторического наследия края.

Опыт проектирования и строительства деревянных жилых домов в исторических деревнях национального парка «Водлозерский»

Андрей Бодэ

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (Россия)

Рассматриваются примеры нового строительства с ориентацией на традиции деревянного зодчества. На примерах новых построек в Водлозерском национальном парке рассматриваются различные приемы и поиски достижения гармоничного единства новых зданий, исторических построек и природного окружения.

Проблема органичного соединения архитектуры и культурного ландшафта актуальна для всех относительно небольших поселений. В их облике ландшафт играет немаловажную роль. С одной стороны, он является фоном для архитектурных произведений, но с другой стороны, этот фон порой настолько велик, что становится доминирующим в архитектурно-ландшафтной композиции. В любом случае культурный ландшафт, сочетаясь со зданиями и сооружениями, предъявляет к их архитектуре особые требования.

Традиционная деревянная архитектура прекрасно сочеталась с природным окружением, создавая удивительно красивые образы. В настоящее время исторических построек становится все меньше и меньше. На смену им приходят новые здания, многие из которых по архитектуре не сочетаются ни с историческими постройками, ни с ландшафтом, который сейчас тоже во многом теряет свою оккультуренность и деградирует. Искашение культурного ландшафта и внедрение дисгармоничных объектов нового строительства приводят к утрате единства архитектурно-ландшафтной среды в целом. Затронутая проблема многогранна и всеобъемлюща. Она касается практически всех российских исторических поселений и природноохраняемых территорий.

Одной из таких территорий является Водлозерский национальный парк. Водлозеро и связанные с ним реки некогда составили основу для системы расселения, складывавшейся здесь в течение нескольких веков. В начале XX века на берегах и островах Водлозера располагалось около 40 деревень. Основными занятиями жителей были охота, рыболовство, разведение скота и земледелие. Деревни стояли открыто на виду друг у друга. В южной и северной части озера располагались два погоста – Бого-

родице-Рождественский и Ильинский, которые были местными центрами и объединяли вокруг себя поселения. Сейчас Водлозеро в значительной степени обезлюдело, многие деревни исчезли практически бесследно, изменился и ландшафт.

Тем не менее жизнь здесь полностью не угасает. Объекты нового строительства возникают и в сохранившихся поселениях, и в отдельных случаях на местах полностью исчезнувших деревень. Строительство, осуществляющееся местными жителями, как правило, ведется стихийно без учета каких-либо правил или регламентов. Однако в силу использования доступных и дешевых строительных материалов (бревна, пиломатериалы, рувероид), относительно небольшого масштаба и простых рациональных форм, приближенных к традиционным, новые постройки достаточно нейтрально вливаются в сложившуюся среду (рис. 1).

Наибольший интерес представляют собой постройки в возрождающихся деревнях. Деревня Колгостров в начале XX века насчитывала 20 домов и около 150 жителей, но к концу столетия практически запустела. В ней осталась часовня Покрова Богородицы середины XVIII века и несколько старинных домов. В связи с развитием монастыря, расположенного на ближайшем соседнем острове, в деревне Колгостров сначала разместилось подсобное монастырское хозяйство, а затем и началось строительство. В 2014 году была отреставрирована часовня с воссозданием первоначаль-

Рисунок 1. Сегодняшний облик водлозерской деревни. Коскосалма

ного облика (рис. 2). В этом же году было завершено и строительство гостевого дома.

Нынешний облик деревни сильно отличается от исторического. Сократились поля, вместо прежней плотной застройки, оставшиеся дома стоят на удалении друг от друга. Маленькая часовня, некогда незаметная среди домов, сейчас оказалась одна на самом возвышенном и видном месте. Гостевой дом достаточно большой, но относительно часовни он стоит ниже по рельефу и композиционно ей подчиняется. По объемно-плановому решению гостевой дом принципиально отличается от традиционного крестьянского жилища (рис. 3). Сразу видно, что это новая постройка, но использование традиционного материала и повторение некоторых традиционных архитектурных приемов позволяет ей стилистически приблизиться к старинным домам и часовне.

Поселение Гостьнаволок полностью утратило исторические строения. Новые постройки здесь возникли уже на других местах, в ином порядке. Их архитектура выдержана в духе народных традиций, хотя содержит много элементов, присущих современным постройкам (рис. 4). Была сделана попытка приблизиться к копированию традиционного дома, но оказалось, что сейчас полностью это сделать невозможно в силу новых требований к

Рисунок 2. Отреставрированная часовня Покрова Богородицы XVIII века в деревне Колгостров

Рисунок 3. Современный гостевой дом в деревне Колгостров

Рисунок 4. Жилой дом в деревне Гостынаволок, построенный в 2008 году

Рисунок 5. Строящийся жилой дом в деревне Гостьнаволок по архитектуре наиболее приближен к традиционному крестьянскому жилищу

Рисунок 6. Деталь нового дома в деревне Гостьнаволок копирует исторический образец

устройству жилья. Поэтому дома внешне в общих архитектурных формах и в деталях повторяют традиционные образцы, но внутри обладают нетрадиционным решением (рис. 5, 6). Также не удалась попытка копировать старинные хозяйствственные постройки. Они получались иными, поскольку сейчас совсем другие условия хозяйствования (рис. 7).

В целом можно отметить, что Гостьнаволок по облику напоминает малодворную карельскую деревню со свободной планировкой. Основным отличием от исторической ситуации здесь является ландшафт. На местах, где раньше располагались крестьянские постройки, изгороди, луга, выросли деревья. На оставшихся небольших полянах появились новые строения. Территория поселения утратила традиционный облик, хотя ощущение большого открытого пространства по-прежнему создает окружающее с трех сторон озеро.

В деревне Варишпельда от исторических построек осталась только маленькая часовня конца XIX века. Деревня возродилась к жизни благодаря тому, что здесь поселился бывший директор национального парка со своей супругой. Сейчас здесь находятся два дома, хозяйственные постройки и небольшая церковь. Один из домов перевезен с другого места и отреставрирован. Другой дом построен заново по подобию традиционного

Рисунок 7. Хозяйственная постройка в деревне Гостьнаволок

Рисунок 8. Деревня Варишпельда

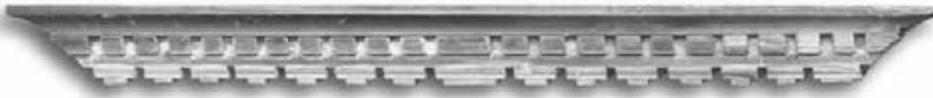

Рисунок 9. Церковь в деревне Варишпельда по архитектуре напоминает деревянные храмы XVII века

заонежского дома-комплекса типа «глаголь». Внешне он почти копирует старинную постройку и издали производит благоприятное впечатление (рис. 8). Однако при ближайшем рассмотрении видно, что традиционные пропорции изменены, детали выполнены упрощенно. Получилась грубая имитация, и это бросается в глаза. Церковь не является исторической копией, но ее архитектура и конструкции полностью соответствуют традициям русского деревянного зодчества (рис. 9). В ней намерено воспроизведены делали и элементы такими, какими они были первоначально на памятниках деревянного зодчества XVII – XVIII веков. Деревня Варишпельда представляет собой интересный пример, где деревянные строения максимально приближены к историческим образцам. Надо сказать, что они прекрасно сочетаются со специально поддерживаемым здесь культурным ландшафтом.

Рисунок 10. Троицкая церковь в деревне Юрьева гора

Воссоздаваемая деревня Юрьева гора, где раньше был монастырь, также наиболее приближена к историческому облику. Существовавший здесь в XVII – XVIII веках монастырь и стал причиной возрождения поселения. Вновь возводимые здания намеренно демонстрируют свою связь с традициями народного деревянного зодчества, претендуя на историчность (рис. 10). Сохраняется и основная пространственная организация места: на холме возвышается церковь, внизу вдоль берега развивается ряд жилых и хозяйственных построек.

Рассмотренные примеры показывают различные подходы к сохранению исторического облика поселений: копирование исторических образцов, сохранение масштаба застройки, повторение наиболее выразительных архитектурных признаков, использование традиционных строительных материалов. Буквальное копирование исторических образцов, признаться, создает ощущение искусственности. В жизни так не бывает, чтобы одинаково строили, допустим, в XVIII и в XXI веке. К тому же соседство копий с подлинными постройками умаляет значение и ценность последних, как бы отрицая их неповторимость. При более свободном внедрении объектов нового строительства в историческую застройку и культурный ландшафт, допускается разномасштабность при единстве строительного материала или, наоборот, при сохранении единого масштаба использование возможно даже различных материалов. При этом достаточно четко видится разница старого и нового, но сохранение характерных особенностей определяет художественное и стилистическое единство застройки. Исторические здания выступают не только в роли образцов для подражания, но служат источниками творческих поисков и переработок. В идеале архитектура исторических поселений в культурном ландшафте должна органично сочетать традиционность и новизну.

Резолюция конференции

“Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности”

*Валашский музей под открытым небом,
Чехия, 19-21 июня 2014*

1. Для определения стратегии информационного обеспечения требуется проведение исследования. Данная стратегия должна определить «аудиторию», которая бы получала информацию и служила группой поддержки. Особое внимание следует уделять обеспечению взаимосвязи между ценностями традиционных технологий и уникальными знаниями и опытом сельских сообществ, а также тому, как их следует использовать при воздействии на принятие решений в будущем. Подобная стратегия должна реализовываться на местном, региональном и национальном уровне.

2. Музеи-заповедники, музеи под открытым небом, национальные парки и другие особо охраняемые территории должны активизироваться, усиливая свое влияние и работая в более тесном сотрудничестве с местными сообществами, муниципальными властями, специалистами, профессионалами и компаниями. Эта новая роль должна опираться на активные лидерские позиции, занять которые необходимо для успеха данного процесса, а также для работы на основе образовательно-информационной, просветительской программы по привлечению школ, молодежи и, в особенности, представителей местных органов управления.

3. Необходимо разработать и внедрить новые стратегии, интегрирующие социальные, экономические, политические и профессиональные аспекты, которые бы включали проектировочные и градостроительные планы с целью объединения усилий всех участников в построении будущего сельских сообществ. Подобные стратегии должны основываться не на нисходящем («сверху вниз»), а на восходящем подходе «снизу вверх».

4. Для обеспечения непрерывности процесса обмена опытом необходимо проведение регулярных собраний. Данная группа должна выработать план работы с использованием социальных сетей (Facebook, Blogs, LinkedIn и т.д.) для привлечения целевых аудиторий. При этом целесообразно создание «координирующего и методологического центра», способного оказать поддержку любому проекту в сфере развития села.

5. Общеизвестно, что в определенных странах требуется значительный уровень регламентации и контроля для предотвращения ошибок прошлого. Это в особенности необходимо в профессиональных организациях,

призванных демонстрировать высокую степень понимания, а также заинтересованности в решении проблем, с которыми сталкивается сельское сообщество. Подобное понимание должно касаться как научно-технических, так и духовных и культурных ценностей.

6. Следует сформировать ряд подгрупп для координации работы над исследованиями и документацией по следующим темам.

- Анализ и охрана нематериальных ценностей и наследия сельских сообществ.

- Определение наиболее подходящих форм развития и изыскание возможностей для инвесторов, заинтересованных в работе с тем или иным сельским сообществом.

- Европейские охраняемые территории функционируют в формате небольших, «клUSTERНЫХ» групп, что позволяет наладить гораздо более тесное сотрудничество на основе взаимообмена опытом.

- Организация стажировок должна обеспечить плодотворный обмен опытом и более глубокое понимание специфики тех или иных сельских районов.

- Курсы повышения квалификации и программы обучения традиционным сельским ремеслам призваны сохранять и поддерживать развитие традиционных сельских промыслов, а также обеспечить сохранение профессиональных навыков, необходимых для ремонта старых построек, а также при строительстве новых объектов.

- Разработчики устойчивых программ строительных работ обязаны предусмотреть, чтобы при реализации новых проектов соблюдались местные традиции, а также использовались местные (строительные) материалы, включая древесину (лесоматериалы) и землю.

- Стимулирование участия в международных конкурсах призвано помочь:

- найти наиболее приемлемые возможности развития тех или иных сельских сообществ (населенных пунктов);

- завязать наиболее перспективные партнерские деловые отношения, посредством стажировок а также информировать о подобных возможностях все более широкие круги европейской аудитории;

- содействовать, при проведении архитектурных конкурсов, организации самых всесторонних совещаний, сводящих за одним столом представителей того или иного сельского сообщества, проектировщиков и застройщиков с приоритетным вниманием к благосостоянию данного сельского сообщества;

- освоить ресурсы для осуществления данной программы.

Программа конференции

“Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности”

*Валашский музей под открытым небом,
Чехия, 19-21 июня 2014*

ЧЕТВЕРГ 19/06/2014

- 09:00 – 12:00 регистрация участников
12:00 – 13:00 обед (Деревянный городок – Трактир «На последнем грошее»)
13:00 – 13:30 открытие конференции.

13:30 – 14:15 Часть 1 - вступительные доклады

Карел КУЧА (Компания по исследованию деревянных церквей и колоколен, ЧЕХИЯ) Правовая защита деревянного зодчества в населенных пунктах и ландшафте Чешской республики.

Юрий ВЕДЕНИН (Российский институт культурного и природного наследия им. Лихачёва, РОССИЯ) Место и роль наследия в сохранении и развитии культурного ландшафта.

- 14:15 – 14:30 перерыв на кофе

14:30 – 16:45 Часть 2 - традиционная деревянная архитектура

Ольга СЕВАН (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, РОССИЯ) Деревянная архитектура: история и современность

Ewelina ZAJAC (Национальный парк Пиенины, ПОЛЬША) Культурный ландшафт Пьянина в динамике - роль деревянной архитектуры в поддержке идентичности места.

Николай МАЛИНИН (Москва, ARXIWOOD, РОССИЯ) Дерево возвращает к храму. Конкурсы на колхозные клубы 1930-х годов

Вера КОВАРЖУ (Институт национального наследия, ЧЕХИЯ) Памятники деревянного зодчества

Игорь КРПЕЛАН (Конструкторское бюро - IK PROJEKT, СЛОВАКИЯ) Логика окружающей среды народного зодчества

Петр ВШЕТЕЧКА (Конструкторское бюро TRANSAT ARCHITEKTI, ЧЕХИЯ)

Реставрация деревянной архитектуры в стиле модерн - Libusin

Игорь ШУРГИН (Фонд Поддержка памятников деревянного зодчества, РОССИЯ) Архитектурные свойства культурных ландшафтов, подлежащие сохранению на особо охраняемых территориях России

Александр НИКИТИН (Фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества», РОССИЯ). Методика обследования селений в национальных парках «Угра» и «Кенозерский» с целью разработки архитектурно-строительного регламента.

Пол САЙМОНС (McCurdy & Co. Ltd. (частная компания) специалист в реставрации и сохранении деревянных памятников, АНГЛИЯ).
Реплики деревянных памятников - театр Глоб и Якобеанский Театр, Бэнксайт, Лондон

16:45 – 17:00	Перерыв на кофе
17:00 – 18:00	Дискуссия
18:00 – 18:30	Представление выводов дискуссии
19:00 – 20:30	Ужин (Деревянный городок – Трактир «На последнем грошее»)

ПЯТНИЦА 20/06/2014

09:00 – 11:00 Часть 3. Культурный и исторический ландшафт

Елена ШАТКОВСКАЯ (Федеральное государственное бюджетное учреждение – Национальный Парк Кенозерский, РОССИЯ). Культурный ландшафт Кенозерья как комплексный объект управления.

Валерий НОВИКОВ (Национальный парк «Угра», РОССИЯ). Традиционная архитектура в сельском культурном ландшафте национального парка «Угра».

Ирина АГАФОНОВА (ООО Научно-исследовательское предприятие «Этнос», РОССИЯ). «Культурно-ландшафтный комплекс «Село Владимирское и озеро Светлояр». Дух места и градостроительный регламент.

Михаил ШАРАФИИН (Студио – ДОМОВА, СЛОВАКИЯ). Обновление деревень в Словакии. Наследие народной архитектуры.

Алексей ГРОЗА (МКУ «Природный парк «Воскресенское Поветлужье», РОССИЯ). Сохранение культурного ландшафта на примере исторического села Владимирское и озера Светлояр. Проблемы и перспективы музееификации культурно-ландшафтного комплекса.

Екатерина ВАХИНА (ФГБУ «Национальный парк «Онежское Поморье», РОССИЯ) Сохранение ценностей исторических природных комплексов в настоящее время

Радослав ВЛК (Валашский музей под открытым небом в городе Рожнов под Радгоштем, ЧЕХИЯ). Старые и местные сорта плодовых деревьев, не только из района Валахии, и их возвращение в культурный ландшафт

11:00 – 11:15 перерыв на кофе

11:15 – 11:45 **Часть 3. Культурный и исторический ландшафт**
Яцек ВИШНЕВЕЦКИЙ (Туристическое агентство Skarbiec Mazowiecki",
ПОЛЬША) Мазовия на пути деревянной сакральной архитектуры
Аве ПАУЛУС (Экологический совет, Тартуский университет, ЭСТОНИЯ).
Охрана культурного наследия в национальном парке Лаахемаа - тра-
диции, инновации и устойчивость

11:45 – 12:45 дискуссия
12:45 – 13:15 представление выводов дискуссии
13:00 – 14:00 обед (Деревянный городок – Трактир «На последнем
грошее»)

14:00 – 15:45 **Часть 4. Презентация собственного опыта в области
деревянной архитектуры и культурно-исторического ландшафта**
Марина КУЛЕШОВА (Институт Наследия, РОССИЯ). Музеи-заповедники и
национальные парки – рефугиумы традиционной культуры

Пол МОРК (Норвежский историко – архитектурный и этнографический
музей, НОРВЕГИЯ). The King Oscar II. s collection – the world's Open –
Air Museum

Валентина ТЕРЕНТЬЕВА (Историко-этнографический музей-заповедник
«Шушенское», РОССИЯ). Архитектурно-этнографический комплекс
«Новая деревня» как современная модель музеиной коммуникации и
сохранения ландшафта.

Юрий БАБИЧИН (Национальный природный парк «Синевир», РОССИЯ)
Деревянная архитектура в национальном природном парке «синевир»
Арпад РОМАН (Венгерский музей под открытым небом, ВЕНГРИЯ). Роль
Венгерского музея под открытым небом в охране памятников народ-
ной архитектуры.

Радослав ВЛК (Валашский музей под открытым небом в городе Рож-
нов под Радгоштем, ЧЕХИЯ). Экспозиции под открытым небом – фе-
номен восприятия культурного наследия в краеведческих музеях под
открытым небом.

15:45 – 16:00 перерыв на кофе
16:00 – 17:00 дискуссия
17:00 – 17:30 представление выводов дискуссии
19:00 – 24:00 farewell party (Деревянный городок – Трактир «На послед-
нем грошее»)

СУББОТА 21/06/2014

09:00 – 11:00 дискусия, представление выводов конференции
11:00 – 11:15 перерыв на кофе
11:15 – 12:00 Закрытие конференции
12:00 – 13:30 обед (Деревянный городок – Трактир «На последнем гро-
ше»)
13:30 – 24:00 Экскурсия по Валашскому музею в природе. Участие в
программе Ночь Ивана Купала - традиционная вечерняя программа.
Демонстрация “живой” экспозиции в ареале “Валашская деревня”

ВОСКРЕСЕНЬЕ 22/06/2014 отъезд участников

Список участников конференции

Ирина АГАФОНОВА – ООО Научно-исследовательское предприятие «Этнос», РОССИЯ.

Юрий БАБИЧИН – Национальный природный парк «Синевир», УКРАИНА.

Андрей БОДЭ – Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук, РОССИЯ.

Екатерина ВАХИНА – ФГБУ «Национальный парк «Онежское Поморье», РОССИЯ.

Юрий ВЕДЕНИН – Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, РОССИЯ.

Яцек ВИШНИЕВСКИ – Местная Туристическая Организация «Skarbiec Mazowiecki», ПОЛЬША

Радослав ВЛК – «Валашский музей под открытым небом в городе Рожнов под Радгоштем», ЧЕХИЯ.

Петр ВШЕТЕЧКА – Конструкторское бюро TRANSAT ARCHITEKTI, ЧЕХИЯ.

Алексей ГРОЗА – МКУ «Природный парк «Воскресенское Поветлужье», РОССИЯ.

Эвелина ЗАЯЦ – Национальный парк «Пинины», ПОЛЬША.

Наталья ИВАНЧЕНКО – Национальный музей народной архитектуры и быта Украины, УКРАИНА.

Вера КОВАРЖУ – Институт национального наследия, ЧЕХИЯ.

Игорь КРПЕЛАН – Конструкторское бюро «IK PROJEKT», СЛОВАКИЯ.

Марина КУЛЕШОВА – Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, РОССИЯ.

Карел КУЧА – Компания по исследованию деревянных церквей и колоколен, ЧЕХИЯ.

Николай МАЛИНИН – «АРХИWOOD», РОССИЯ.

Паал МОРК – Норвежский историко-архитектурный и этнографический музей, НОРВЕГИЯ.

Александр Никитин – Фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества», РОССИЯ.

Валерий НОВИКОВ – ФГБУ «Национальный парк «Угра», РОССИЯ.

Арпад РОМАН – Венгерский музей под открытым небом, ВЕНГРИЯ.

Пол САЙМОНС – McCurdy & Co. Ltd. (частная компания), АНГЛИЯ.

Ольга СЕВАН – Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, РОССИЯ)

Валентина ТЕРЕНТЬЕВА – Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», РОССИЯ.

Михаил ШАРАФИИН – «Студио ДОМОВА», СЛОВАКИЯ.

Елена ШАТКОВСКАЯ – ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», РОССИЯ).

Игорь ШУРГИН – Фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества», РОССИЯ..

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Европейского Союза в рамках программы
"Инвестиции в людей"**